

РЕШЕРТУАРЪ

РУССКАГО

И

ПАНТЕОНЪ

ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ

ТЕАТРОВЪ,

НА 1842 ГОДЪ,

ИЗДАВАНІЕ

И. Песоцкимъ

и книгопродавецемъ В. Поляковымъ.

XX.

САМЫЯ ПЕРВАЯ ПЕЧАТЬ,

1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 14-го Октября, 1842 года.

Ценсоръ: П. Корсаковъ.

I. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

ВОТЪ ТАКЪ ПИЛЮЛИ!

ЧТО ВЪ РОТЪ ТО СПАСИБО!

Волшебство въ трехъ дѣйствіяхъ и двѣнадцати картинахъ, съ куплетами, хорами, танцами и превращеніями. *Передълано съ Французскаго Дм. Ленскимъ.*

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Микстурадось, аптекарь.
Изабелла, дочь его.
Болтунась, провизоръ въ аптеку Микстурадоса.
Скотинець, гидадьго.
Альбертъ, молодой Французъ, живописецъ.
Маглуарь, слуга его.
Родригень, начальникъ алгвазиловъ.
Сара, колдунья.
Добрый Геній.

Марцелина, служанка Микстурадоса.

1 } Алгвазилы.

2 }
Мальчикъ изъ виннаго погреба.
Аптекарскіе ученики, алгвазилы, гномы.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Микстурадось.
Изабелла.
Альбертъ.
Болтунась.
Маглуарь.
Скотинець.
Родригень.
Сара.
Добрый Геній.

Бернадилю, инспекторъ больницы.
Бигаро, цирюльникъ и парикмахеръ.

1 } Носильщики.

2 }
1 } сумасшедшіе.

2 }
Слуга въ гостиницѣ.

Алгвазилы, больные, сумасшедшіе, островитяне Добраго Генія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Микстурадось.

Изабелла.

Альбертъ.

Маглуарь.

Болтунась.

Скотинець.

Родригень.

Сара.

Добрый Геній.

1 } Школьники.

2 }
Огромная женщина.

Премаленькая женщина.

Дамы, кавалеры, алгвазилы, школьники.

Дѣйствіе въ Мадридѣ и его окрестностяхъ.

ДВѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Аптека: конторка, ступки, и проч.

ЯВЛЕНІЕ I.

Болтунась, Микстурадось, Изабелла.
Микстурадось (*Болтуна-*
су).

Пора мнѣ спать ложиться. Сколько
нынче выручки?

Болтунась.

Я отдалъ счетъ и деньги синіорѣ.

Изабелла (*за конторкой*).

Извольте, папенька: шесть червонцевъ,
пятнадцать реаловъ и восемь мараведій.

Микстурадось.

Хорошо. Ключъ отъ кассы! Больше ты
у меня не кассиръ.

Изабелла.

Почему же такъ, папенька? что я вамъ
сдѣлала?

Микстурадось.

Ты прочишь себѣ въ женихи какого-
то Французишку, портретнаго живописца,
а я на эту свадьбу никогда не со-
глашусь.

Изабелла.

Но кто же вамъ сказалъ?..

Микстурадось.

Я перехватилъ письмоцо у его лакея.

Изабелла (*въ сторону*).

Дуракъ Маглуаръ!

Микстурадось.

Вотъ оно. (*Читаетъ*.) «Милая Иза-
белла! если вашъ глупый батюшка...»

Болтунась.

Глупый?!

Микстурадось.

Да, глупый! и очень четко написано.
Развѣ я глупъ, Болтунась?

Болтунась.

Не глупѣе насъ.

Микстурадось.

Надѣюсь. Продолжаю чтеніе. (*Читаетъ*.)
«Гмъ!.. гмъ!.. батюшка не позволить тебѣ
за меня выйти за мужъ, я увезу тебя
и спасу отъ этого урода Скотинеца, ко-
торый вздумалъ за тебя свататься. То-
гда мы уѣдемъ во Францію, и проведемъ
всю жизнь въ любви и счастьи. Твой
Албертъ.» Ну, что вы на это скажете,
сударыня?

Изабелла.

Я не могу запретить любить себя.

Микстурадось.

Да я-то могу запретить васъ похитить;
не такъ ли, Болтунась?

Болтунась.

Имѣете полное право: вѣдь вы отецъ,
я думаю?

Микстурадось.

Родной отецъ. (*Изабеллѣ*.) Я тебя при-
нужу быть женою Скотинеца.

Изабелла.

Нѣтъ, папенька: скорѣе умру.

Микстурадось.

Пустое! женихъ обезьяна или краса-
вецъ все равно: невѣсты отъ этого не у-
мираютъ. У Скотинеца славный домъ,
пропасть лакеевъ въ галунахъ, отличные
экипажи, лошади...

Изабелла.

Я не лошадей ищу, а мужа.

Микстурадосъ.

Я твой отецъ, сударыня! Не такъ ли, Болтунасъ?

Болтунасъ.

Родной отецъ: вы сами сказали.

Микстурадосъ.

А, если я отецъ, то клянусь... Болтунасъ! будь свидѣтелемъ... я клянусь: или дочь моя будетъ за Скотинцею, или я сошлю ее въ монастырь!

Изабелла.

Иду въ монастырь.

Микстурадосъ.

Вотъ они каковы, дѣтки-то!

Н. 1-й.

Съ покойною женой моею
Я жилъ не мало и не много:
Пятнадцать лѣтъ; просилъ дѣтей,
Просилъ усердно я у Бога!
Дочь родилась мнѣ наконецъ —
И всѣ мученья я извѣдалъ...
О! сколько счастливъ тотъ отецъ,
Которому дѣтей Богъ не далъ!

Я ожидаю къ себѣ Донъ-Скотинца: можетъ статься, при немъ ты заговоришь другое. А? какъ думаешь, Болтунасъ?

Болтунасъ.

Я никакъ и ни о чемъ не думаю... я *наружное* на стеклянкахъ наклеиваю.

Микстурадосъ.

Умно; наружное не идетъ въ составъ съ внутреннимъ: надобно чѣмъ нибудь однимъ заниматься.

ЯВЛЕНІЕ II.

Прежніе; Скотинецъ и за нимъ четыре лакея.

Микстурадосъ (*идя къ нему на встрѣчу*).

Добро пожаловать, нареченный мой зятюшко! Радъ душевно васъ видѣть!

Скотинецъ.

Вѣрю; всѣ мною не нарадуются. Лакеи! стоять въ почтительномъ отдаленіи!

А прелестная Изабелла чувствуетъ ли удовольствіе меня видѣть?

Болтунасъ (*съ стороны*).

Издали, можетъ быть.

Микстурадосъ.

Чувствуетъ, но не смѣетъ высказать робка.

Скотинецъ.

Чего же робѣть, очаровательная синьорина, передъ рабомъ, который повергаетъ къ ногамъ вашимъ особу свою, богатство и знатность!

Изабелла.

Начать съ того, синіоръ гидальго, что я нисколько не робѣю, а говорю прямо, что думаю. Извольте повергнуть свою особу, богатство и знатность къ ногамъ моего батюшки, если это ему угодно, а меня оставьте въ покоѣ, потому что я васъ не люблю, да вѣроятно и никогда любить не буду.

Скотинецъ.

Не ожидалъ!

Болтунасъ.

Вотъ, что называется, носъ наклеила!

Микстурадосъ (*Болтунасу*).

А ты, знай, наклеивай себѣ свое наружное! Видите ли, синіоръ Скотинецъ: дѣвочки чѣмъ больше растутъ, тѣмъ упрямѣе становятся; по настоящему надобно бы ихъ отдавать замужъ прямо изъ люльки, а то иначе съ ними и не сладить. Изабелла, напримѣръ, лучшее мое произведеніе; я надѣялся со временемъ увидѣть въ ней украшеніе моихъ сѣдыхъ волосъ, а она меня не слушаетъ, досаждастъ мнѣ — и, однимъ словомъ, дѣлаетъ изъ меня барана какого-то!... Неправда ли, Болтунасъ?

Болтунасъ (*не разслушавъ*).

Наружное клеится.

Микстурадосъ.

Да нѣтъ! я на своемъ поставлю!.. Изабелла! поди сюда!

Изабелла (*отходя отъ конторки*).

Что вамъ угодно, папенька?

Микстурадось.

Разъ, два, три раза у тебя спрашиваю: хочешь ли быть женою Донъ-Скотиница?

Изабелла.

Одинъ разъ и навсегда отвѣчаю: не хочу, папенька. Я люблю Алберта и ни за кого кромѣ его не пойду.

Скотиницъ.

А что это за Албертъ?

Микстурадось.

Французишка, живописецъ.

Скотиницъ.

А! понимаю! пацкунъ какойнибудь!.. охота же влюбляться во всякую словочъ!

Микстурадось.

Изабелла! скажи рѣшительно...

Изабелла.

Рѣшительно вамъ скажу: чѣмъ больше смотрю на вашего жениха, тѣмъ больше чувствую къ нему отвращеніе!

Микстурадось.

Такъ въ монастырь, сударыня! Увидимъ, какъ-то Г. Албертъ будетъ къ вамъ пересылать туда любовныя записочки!

Изабелла.

Извольте, я готова; тамъ, по крайней мѣрѣ, избавлюсь я отъ посѣщеній Донъ-Скотиница.

Микстурадось (*клича*).

Марцелина! Марцелина!

Марцелина (*входя*).

Что прикажете?

Микстурадось.

Мантилью и покрывало моей дочери, и скажи Пакитъ, чтобъ она ее проводила.

Марцелина (*уходя*).

Слушаю-сь.

Скотиницъ.

Мои лакеи и носилки къ вашимъ услугамъ; пусть это будетъ доказательствомъ моего уваженія къ твердости характера снѣгора аптекаря.

Микстурадось.

Какой ни на есть, а все таки я отецъ, и шутить собою не позволю!.. (*тихо Скотиницу*.) Посидитъ недѣльки двѣ въ монастырь, такъ будетъ шелковая: ужъ я это испыталъ.

Скотиницъ.

И, какъ видно, не безъ успѣха.

Микстурадось (*вошедшей Марцелины*).

Скорѣй, надѣвай на нее мантилью и покрывало, и въ дорогу!

Изабелла.

Прощай, Болтунасъ! Увидишь Алберта, скажи ему, что я согласилась лучше жить въ монастырь, чѣмъ выйти замужъ за другаго, и буду очень рада, если онъ какънибудь увезетъ меня и избавитъ отъ преслѣдованій несноснаго Донъ-Скотиница.

Микстурадось.

Если ты хоть одно слово проболтаешь, Болтунасъ, сію же минуту съ двора долой!.. Смотрѣть въ оба за домомъ, и какъ только сюда покажется Албертъ или его слуга Маглуаръ, собери работниковъ и взашей!

Н. 2.

Вмѣстѣ.

Изабелла.

Слезы катятся неволью,
Я не въ силахъ говорить...
Ахъ, какъ грустно, ахъ, какъ больно
Оскорбленіе сносить!

Микстурадось (*Скотиницу*).

Блещь! кончено, довольно,
Нтъ, со мной не сговаривать,
И по волю, или неволью,
А ужъ ей за вами быть!

Вмѣстѣ.

Скотиницъ (*Микстурадось*).

Не могу никакъ довольно
Вашу твердость расхвалить,
И по волю, или неволью,
А ужъ ей за мною быть!

Болтунасъ (*въ сторону*).

Тотъ и этотъ глупы больно!

Что ужъ двѣшнѣе грозить?

Какъ ни слыся, а незольно

Не заставишь полюбить!

Микстурадосъ (*Скотинецу,*

отвелъ его

въ сторону

и тихо).

Мы поступимъ осторожно;

Вотъ что должно сдѣлать намъ:

Въ монастырь ея не должно,

А ужъ лучше въ замокъ къ вамъ.

Скотинецъ.

Дѣльно! честь и слава вамъ!

Микстурадосъ.

Тсъ!...

Вмѣстѣ.

(*Уходятъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ III.

Болтунасъ (*одинъ*).

Экъ хозяинъ расхорохорился! (*Дразнитъ Микстурадосу.*) «Какъ только сюда покажется Албертъ или его слуга Маглуаръ, собери работниковъ и взашей!» Поди-ко самъ попробуй! Нѣтъ, вѣдь снiоръ-то Албертъ при шпагѣ: сунься, такъ онъ пожалуй по самый эфесъ тебѣ въ бокъ засунеть, а у насъ въ аптекѣ пока еще нѣтъ такой микстуры, которая помогла бы въ этомъ случаѣ. Вотъ слуга-то его, Маглуаръ, конечно, совсѣмъ другаго десятка: и глушь какъ филинъ, и трусливъ какъ заяцъ. Люблю такихъ людей: по крайней мѣрѣ, съ ними не страшно.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Болтунасъ и Маглуаръ.

Маглуаръ (*вбѣгая въ ужасъ*).

Болтунасъ, другъ! спаси! спрячь меня куда нибудь! въ стѣнку, въ ступку, въ куричь!... во что хочешь.

Болтунасъ.

Что съ тобою?

Маглуаръ.

Странное дѣло, братецъ! развѣ ты не видишь: вонъ ихъ цѣлая ватага!

Болтунасъ (*смотря на улицу*).

Никого не вижу.

Маглуаръ.

Точно никого?

Болтунасъ.

Ни души. Притомъ теперь полдень, а у насъ, въ Мадридѣ, въ эту пору рѣдко кто изъ дому выходитъ.

Маглуаръ.

Странное дѣло, братецъ! Это-то самое и причиною моего несчастія.

Болтунасъ.

Да говори, дуралей, что случилось?

Маглуаръ.

Странное дѣло, братецъ, какой ты олухъ! я весь дрожу какъ въ лихорадкѣ.... дай прежде съ духомъ собраться... Уфъ!...

Н. 3.

Ужаснѣйшее приключенье....

Меня засудить, заковать!

Болтунасъ.

Когда ты сдѣлалъ преступленье,

Сознѣнья нѣтъ, не пощаждать!

Маглуаръ.

Я шель сюда одинъ, въ покоѣ,

И вдругъ.... рассказывать нѣтъ силъ!..

Болтунасъ.

Да что же сдѣлалъ ты такое?

Маглуаръ.

На собаченку наступилъ!..

Болтунасъ.

Наступилъ на собаченку?... ха! ха! ха!..

подлинно бѣда неслыханная.

Маглуаръ.

Это случилось не далеко отсюда, противъ дома главнаго инквизитора. На низгъ собаченки выбѣжали три прездоровенные лакея. «Ты отдалъ негу Азоркѣ?» закричали они, «вѣрно ты!» Странное дѣ-

ло, сударь! знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, отвѣчалъ я. Я честный Французъ, иду своею дорогою: что вы ко мнѣ пристаёте? «Ну, такъ и есть!» сказалъ одинъ изъ нихъ, и схватилъ меня за воротъ; «въ полдень кому и быть на улицахъ кромѣ собакъ, да Французовъ: вотъ мы съ тобой, любезный, справимся!» Я вырвался, да бѣжать! они за мною; я повернулъ въ вашъ переулокъ и пропалъ у нихъ изъ вида.... Скажи, пожалуйста, что будетъ со мною, если меня отъищутъ!

Болтунась.

Можетъ плохо кончиться: инквизиторская собаченка не свой братъ!

Маглуарь.

Право?

Болтунась.

Советую тебѣ не ходить въ нашу сторону.

Маглуарь.

Странное дѣло, братецъ! не ходишь, когда меня разъ десять на день посылаютъ.

Болтунась.

Съ записочками, къ синіоръ Изабеллѣ?..

Маглуарь.

Странное дѣло, братецъ! ты почему знаешь?

Болтунась (*грозя пальцемъ*).

Плуть! естественный!

Маглуарь.

Да, хорошъ плуть!... вчера старикъ Микстурадось подтибрилъ у меня одну записочку.

Болтунась.

И нынче же отправилъ Изабеллу въ монастырь: стало вамъ ужъ больше здѣсь дѣлать нечего.

Маглуарь.

Что ты говоришь?... неужели?... Ахъ, бѣдный мой господинъ! да онъ съ ума

сойдетъ, когда узнаетъ! Да онъ въ огонь и въ воду бросится за синіорой, и меня, разумѣется, потащитъ за собою!...

Но 4.

О Господи! что будетъ съ нами?
Любовь ужъ втянетъ насъ въ бѣду!
И я съ руками и ногами
Теперь навѣрно пропаду!
Ужъ тутъ не то, что собаченка:
Того гляди, что на кострь
Зажарятъ хуже поросенка!

Болтунась.

Вольно жъ тебѣ мѣшаться въ любовныя шашни.

Маглуарь.

Странное дѣло, братецъ! и не радъ, да будь готовъ: вѣдь я не самъ отъ себя завишу.

ЯВЛЕНІЕ V.

Прежніе, АЛБЕРТЬ, потомъ Микстурадось и Скотинець.

АЛБЕРТЬ (*входя, Маглуару*).

Что ты до сихъ поръ тутъ зѣвашь, дурачина? Развѣ тебѣ не вѣдно было прійти за мною въ клубъ? Черезъ тебя я проигралъ послѣднія деньги.

Маглуарь.

Ну! только этого намъ не доставало.

АЛБЕРТЬ.

Съ нѣкотораго времени судьба рѣшительно противъ меня, и если бы не любовь Изабеллы....

Маглуарь.

Странное дѣло, сударь! Женщины то же, что карты: на нихъ нельзя слишкомъ полагаться.

АЛБЕРТЬ.

Что ты хочешь этимъ сказать?

Микстурадось (*входя со Скотинецомъ*).

А то, что Изабелла выходитъ замужъ,

милостивый государь, и теперь находится въ замкѣ своего жениха.

АЛБЕРТЬ.

Изабелла!... быть не можетъ!... а кто этотъ женихъ?

СКОТИНЕЦЪ.

Я!

АЛБЕРТЬ.

Вы?

СКОТИНЕЦЪ.

Я, персонально... и вотъ мои титулы:

№ 5.

Донъ Скотинецъ де ла Рибрера,
Д'Алькантара де ла Сьера,
Мой пращуръ былъ Калибрадосъ....

АЛБЕРТЬ.

Да будьте вы хоть Скотиносъ,
А я хочу, чтобъ Изабелла
До свадьбы съ вами овдовѣла:
Извольте шпагу вынимать —
И ваши титулы защищать!

(Обнажаетъ шпагу).

МИКСТУРАДОСЪ.

Остановитесь! здѣсь аптека:
Здѣсь все для жизни человека —
Для смерти ровно ничего....

(Крича).

Ребята! стойте за него!

(Вбѣгаютъ нѣсколько аптекарскихъ учениковъ и, по знаку Микстурадоса, за-
слоняютъ Скотинеца).

АЛБЕРТЬ.

Что жъ вы прячетесь, великій пото-
мокъ Калибрадоса, за этихъ чумичекъ
Микстурадоса?...

СКОТИНЕЦЪ.

Чтобъ я сталъ драться съ какимъ ни-
будь маляромъ! Завтра прійдите и спи-
шите съ меня портретъ во весь ростъ,
для моей невѣсты.

АЛБЕРТЬ.

Я не пишу четвероногихъ.

СКОТИНЕЦЪ.

Т. е. скотовъ?... Ахъ ты грубиянъ!

МИКСТУРАДОСЪ.

Уйдемте ко мнѣ въ комнаты, вельмож-
ный зятюшка, оставимъ этого безумца.

СКОТИНЕЦЪ.

Я велю моимъ лакеямъ откатать его
палками!

АЛБЕРТЬ.

А у меня нѣтъ лакеевъ, и потому ужъ
я самъ тебя угощу при первомъ случаѣ.
Прошу припомнить!

(Микстурадосъ, Скотинецъ и ученики
уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

АЛБЕРТЬ, МАГЛУАРЪ, БОЛТУНАСЪ, по-
томъ колдунья.

АЛБЕРТЬ (падая на
стулъ).

Въ минуту бѣшенства я забылъ свое
несчастіе... Изабелла и фортуна—все ме-
ня оставило, все измѣнило!...

Колдунья (въ видѣ ста-
рухи).

Дайте мнѣ два золотника дѣвьеѣй ко-
жи, отъ кашля.

БОЛТУНАСЪ.

Сейчасъ. Присядьте покуда. (Указы-
ваетъ на стулъ, въ глубинѣ сцены. Кол-
дунья садится).

АЛБЕРТЬ (самъ съ собою).

Злополучіе меня нѣтъ на свѣтѣ!...
Неблагодарная Изабелла!... она была бы
мнѣ единственнымъ утѣшеніемъ... она
могла бы заставить меня опять полюбить
мое искусство.... Но теперь все конче-
но! Остается только умереть, и я не за-
медлю!

МАГЛУАРЪ (подслушавъ
его).

Умереть! Странное дѣло, сударь!.. А
на кого же вы меня-то покинете?

АЛБЕРТЬ.

Не беспокойся, я одного тебя не оста-

влю въ этой проклятой сторонѣ... мы умремъ вмѣстѣ!

МАГЛУАРЬ.

Ни чуть не бывало! Я радъ жить съ вами вмѣстѣ, а умереть не хочу!... Лучше рассчитаемся и дайте мнѣ паспортъ.

АЛБЕРТЬ.

Слушай и разсуди хорошенько. Ну, что такое жизнь?

МАГЛУАРЬ.

Странное дѣло, сударь! Какъ, что такое?

АЛБЕРТЬ.

Ну, да! для чего мы живемъ?

МАГЛУАРЬ.

Для чего?... Странное дѣло!... для того, чтобъ ѣсть, пить, спать!...

АЛБЕРТЬ.

А труды, а огорченія, а побои?

МАГЛУАРЬ.

Когда мнѣ сгрустнется, я курныкаю отъ скуки; когда работы много, сижу сложа руки, а когда вы меня побьете, почешусь, и опять какъ встрепаный!

АЛБЕРТЬ.

Помель! ты ничего не понимаешь. (Болтунасу.) Провизоръ! какіе есть у тебя яды?

БОЛТУНАСЬ.

Яды?... а для чего вамъ?

АЛБЕРТЬ.

Ужь это я знаю.

Болтунась (въ сторону).

Не хочеть ли отравиться? Намъ же лучше: съ плечъ долой! (Вслухъ.) Вамъ угодно подѣйствительнѣе?

АЛБЕРТЬ.

Чтобъ мигъ — и конецъ!

БОЛТУНАСЬ.

У насъ имѣется мышьякъ, хорошей доброты... опиумъ, высокаго сорта... синильная кислота, отличнаго свойства... за синильную кислоту особенно спасибо

скажете: скорѣ пули на тотъ свѣтъ отправить.

АЛБЕРТЬ.

Давай на двоихъ!

МАГЛУАРЬ.

Нѣтъ, постой! на одного!... а мнѣ дай жизненной эссенціи!

АЛБЕРТЬ.

Ты вѣчно будешь трусомъ!

МАГЛУАРЬ.

Ну, хоть не вѣчно, а сколько прійдется.

Колдунья (подходя къ Алберту).

Ты хочешь умереть, молодой человекъ?

АЛБЕРТЬ.

Да, добрая старушка, и сію же минуту! Кого я любилъ, та мнѣ изменила... я лишень всего, и жизнь для меня несносна!

Колдунья.

А если бъ я тебя обогатила и возвратила тебѣ предметъ твоей любви?...

АЛБЕРТЬ.

О! тогда бъ!...

Колдунья.

Если бъ я сдѣлала тебя могущественнѣе великаго Могола, былъ ли бы ты мнѣ за это благодаренъ?

АЛБЕРТЬ.

Какъ никто!

Колдунья.

Пришелъ ли бы ты на свиданіе, которое я тебѣ назначу?

АЛБЕРТЬ.

Непремѣнно! будь оно на краю свѣта.

Колдунья.

Хорошо, такъ подожди же. Провизоръ! пилюль по этому рецепту!

Болтунась (взянувъ на рецептъ).

Но, послушай, старушка: въ своемъ ли ты умѣ? Тутъ надо растопить такіе ма-

теріялы, которыхъ ни какой огонь не возметъ!

Колдунья.

Я дамъ тебѣ свой огонь. Вотъ четыре дублона за труды.

Болтунасъ.

Спасибо; только развѣ самъ чортъ эти пилюли изготовить!

Маглуаръ.

Да тебѣ-то что? Странное дѣло, братецъ! Ты привыкъ лишь яды продавать... Терпѣть не могу этого людомора!

Болтунасъ (колдунья).

Ну, вотъ, я положилъ въ ступку все, что надо.

Колдунья.

Истолки.

Болтунасъ (толчетъ).

Невозможно!

Колдунья.

Съ помощью огня! (Ступку обхватываетъ пламя). Подавай пилюли: онѣ готовы.

Болтунасъ.

Да какъ вынуть? Ступка, чай, раскалалась.

Маглуаръ.

Ахъ! если бѣ онѣ пальцы ожогъ, то-то бы потѣха!

Колдунья.

Теперь простыла: не бойся, выпитай.

Болтунасъ (дрожа опускаетъ руку въ ступку и удивляется видя, что ступка холодна и пилюли готовы).

Колдунья (Алберту).

Возьми, мой другъ; это талисманъ, который я тебѣ обѣщала: какъ скоро ты чего пожелаешь, проглотитъ пилюлю, и твое желаніе исполнится.

Албертъ (взявъ пилюли).

Это шутка? ... ты смѣешься надо

мною?.. а, впрочемъ, мнѣ бы хотѣлось испытать ее надъ Маглуаромъ.

Маглуаръ.

Пѣтъ-съ, благодарю покерно!.. я съѣлъ — позавтракалъ!

Албертъ.

Ты получишь богатство и власть.

Маглуаръ.

Власть ваша, не могу!

Колдунья (Алберту).

Если ты еще хоть минуту промедлишь и не проглотить одной изъ этихъ пилюль, онѣ потеряютъ всю свою силу. Ну! желей чего нибудь, и глотай!

Маглуаръ.

Глотай на здоровье! Была не была!..

Албертъ (увидя въ дсеряхъ Скотиница).

Ну!.. попробую! (Глотаешь пилюлю).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Ирежніе, Микстурадосъ и Скотиница.

Микстурадосъ (Алберту).

Вы все еще здѣсь, государь мой? Прошу васъ выйти вонъ!

Скотиница (Микстурадосу).

Прикажете людямъ его выгнать.

Албертъ.

Меня выгнать?... Слушайте!

№ 6.

Донъ Скотиница свой родъ отъ знатныхъ производитъ; Однако жъ этотъ донъ походкой и умомъ скорѣй на пѣтуха Индійскаго походить: Такъ пусть же будетъ онъ Индійскимъ пѣтухомъ!

(Скотиница превращается въ Индійскаго пѣтуха).

Всѣ (кромя колдуни).

О чудо!..

Микстурадось (пльуху). китой и не подчивалъ меня синильной кислотой.

Зятюшка! зятюшка! вы ли это? (пльухъ клохчетъ). Ахъ, какой гадкой! пошелъ въ курят.никъ! (Выталкиваетъ его ногою и уходитъ за нимъ).

Маглуаръ.

Странное дѣло, сударь!... а лicho! лicho! нечего сказать!

Колдунья (Альберту).

Върши мнѣ теперь?

Альбертъ.

И всѣ пилюли имѣють такую же силу?

Колдунья.

Всѣ.

Маглуаръ (Альберту, въ полголоса).

Вы ужъ давнымъ давно не давали мнѣ жалованья: сдѣлайте милость, сударь, одолжите мнѣ только одну пилюльку, и мы съ вами будемъ квитъ: я хочу подшутить надъ бестіей Болтунасомъ, чтобъ онъ впередъ не смѣлъ волочиться за Па-

Альбертъ (даетъ ему пилюлю).

Возьми, пожалуйста!

Маглуаръ (колдунь).

Если я только подумаю, а не скажу, чего мнѣ хочется: все равно, все таки будетъ по моему?

Колдунья.

Все равно.

Маглуаръ (проглотивъ пилюлю).

Смотрите!... ха! ха! ха!... (У Болтунаса вскочили рога на голову).

Колдунья (Альберту).

Ну! больше не сомнѣваешься?

Альбертъ.

Последній опытъ: хочу быть тамъ, гдѣ Изабелла! (Глокаетъ пилюлю).

(Въ минуту театръ перемѣняется).

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Площадь въ Мадридѣ. Въ глубинѣ готическое зданіе, обнесенное стѣною. Налѣво и направо магазины и лавки; погребъ винный подъ вывѣскою Алжирскаго Дѣя.

ЯВЛЕНІЕ I.

Альбертъ, Маглуаръ, Колдунья.

Колдунья (Альберту).

Ты перенесенъ куда хотѣлъ.

Маглуаръ.

И какъ скоро! безъ тряски, безъ толчковъ!... Странное дѣло, сударь!

Альбертъ (въ удивленіи).

Писенно!... могущество и власть твоя подлинно велики, добрая старуха!

Колдунья.

Я уступаю ихъ тебѣ на весь день....

только въ полночь не забудь о нашемъ свиданіи.

Альбертъ.

Но гдѣ же я тебя найду?

Колдунья.

Лишь пробьетъ двѣнадцать, скажи: «къ колдуньѣ Сарѣ!» и ты будешь у меня.

Альбертъ.

Хорошо.

Маглуаръ.

А! такъ вы, сударыня, колдунья?... Странное дѣло; а впрочемъ ремесло прекрасное. Не берете ли вы къ себѣ на выучку? У меня, кажется, есть больші

способности. Вѣрно вы ужъ давно занимайтесь: вамъ будетъ на худой конецъ лѣтъ сто.

Колдунья.

Грубянъ! (*Алберту*). Такъ ты не заставишь меня дожидаться?

АЛБЕРТЬ.

Ни секунды.

МАГЛУАРЬ.

Я бы и самъ къ ней явился, если бь она не была уродь.

Колдунья.

Уродь?... вотъ же тебѣ за это! (*Даетъ ему пощечину. Маглуарь повернулся отъ удара, и вдругъ у него дѣлается огромный красно-сизый носъ. Колдунья исчезаетъ*).

МАГЛУАРЬ (*подбѣгая къ тому мѣсту, гдѣ колдунья провалилась*)

Послушай, старуха! ты больно дерешься!... (*Хватаясь за носъ*). Это что у меня такое? Странное дѣло, сударь!... она мнѣ носъ подмѣнила!... она мнѣ другой наклепала... я не хочу обновки (*Кричитъ въ отверстіе*). Эй ты, колдунья! отдай мнѣ мой прежній! будь другъ, отдай, пожалуйста! (*Изъ отверстія вылетаетъ пламя*). Уфъ! вѣрно тамъ кушанье готовить. (*Отверстіе закрывается*). Конечно! теперь хоть раскричись, не услышитъ! Ну, куда я дѣнусь съ такимъ огромнымъ носомъ! (*Алберту*).

Н. 7.

Вгляните: я какой красавецъ!

На что я сталъ теперь похожъ?

АЛБЕРТЬ (*въ разспяніи, и смотря на балконъ готическаго зданія*).

Я видѣлъ... точно перцедепъ.

И удивительно хорошъ!

МАГЛУАРЬ (*къ зрителямъ*).

И отъ молоденькой вострухи

Не такъ пріятно съ носомъ быть:

А каково же отъ старухи

Такой подарокъ получить!

АЛБЕРТЬ.

Все къ лучшему. Теперь, если мнѣ понадобится тебѣ послать куда нибудь, можешь смѣло птти: тебя не узнаю.

МАГЛУАРЬ.

Не мудрено: поставьте мнѣ зеркало, такъ я думаю, что и самъ себя не узнаю.

АЛБЕРТЬ.

Смотри... видишь тамъ, на балконѣ, за рѣшеткою?... Эго она!... Изабелла!

МАГЛУАРЬ.

Уйдемте, сударь, за добра ума! а то вы опять напроказите!

АЛБЕРТЬ.

Я хочу съ нею поговорить: помоги мнѣ взлѣсть на стѣву.

МАГЛУАРЬ (*въ сторону*).

Я зналъ, что на стѣву ползетъ!... (*Помогая ему*). Застануть—бѣда!.. (*Кличитъ*). Ай! ай!...

АЛБЕРТЬ.

Что ты орешь, чортъ тебя возьми!

МАГЛУАРЬ.

Вы локтемъ по носу меня хватили!

АЛБЕРТЬ.

А ты зачѣмъ вездѣ съ своимъ носомъ суешься?

МАГЛУАРЬ.

Странное дѣло, сударь! куда же мнѣ его спрятать прикажете? Съ этойкой машиной надо привычку, да и привычку!

АЛБЕРТЬ.

Пѣтъ, такъ не влѣзешь. Примусъ за талпманъ. (*Глокаетъ плюлю. Стѣна обращается въ лѣстницу; Албертъ вблаетъ по ней на балконъ къ Изабеллѣ. Маглуарь хочетъ сдѣлать то же, но лѣстница опять дѣлается стѣною, и онъ остается внизу*).

Маглуаръ.

Вотъ тебѣ разъ! онъ все пилюлю унесъ съ собою! У меня нѣтъ ни одной! Какъ мнѣ быть теперь?... Кстати, вонъ еще какъ нарочно идетъ сюда одинъ изъ нашихъ враговъ, пострѣленокъ Болтунасъ.... Странное дѣло! рога-то у него отвалились, вѣрно?... Жаль! они были ему къ лицу.

ЯВЛЕНІЕ II.

Маглуаръ и Болтунасъ.

Болтунасъ (самъ съ собою).

А! господа колдуны! погодите! Ко р-реджидоръ проучитъ васъ по-своему! у него забудете превращать людей въ индюковъ и украшать рогами!...

Маглуаръ (съ стороны).

Провизоръ бѣсится... ну, если онъ меня узнаетъ?... О мой носъ! укрой меня! У меня профиль долженъ быть на славу!

Болтунасъ.

Любезный! Здѣсь живетъ Корреджидоръ?

Маглуаръ (чужимъ голосомъ).

Здѣсь, любезный.

Болтунасъ.

Онъ дома?

Маглуаръ.

Ухалъ.

Болтунасъ.

Такъ я подожду. Не хочешь ли со мною распить бутылку хереса? Ты, кажется, добрый малый, и, судя по твоему носу, выпить любишь.

Маглуаръ.

Грѣшный человекъ! (съ стороны). Профиль спасаетъ! (Садится за столъ).

Болтунасъ.

Какъ тебя зовутъ?

Маглуаръ (съ стороны).

Идую. (Вслухъ). Христомъ Курносипосъ.

Болтунасъ.

Кличка по шерсти. (Крича). Мальчикъ! бутылку хереса и два стакана. А что, г. Курносипосъ, это у тебя съ природы или отъ болѣзни носъ-то распухъ?

Маглуаръ.

Съ тѣмъ родился.

Болтунасъ (выпивъ свей стаканъ).

Что жъ ты не пьешь?

Маглуаръ (не смотря на все уилія никакъ не можетъ поднести стаканъ ко рту).

Носъ мѣшаетъ... проклятый носъ!.. этакъ я могу умереть отъ жажды... (Опять пробуетъ). Ну, тебя къ чорту! (Ставитъ стаканъ на столъ).

Болтунасъ (самъ съ собою).

Да! ужъ мы доберемся же до этихъ чернокнижниковъ!... (Въ то время, какъ Маглуаръ поставилъ невыпитый свей стаканъ и съ досадой отворотился, нарисованный на вывѣскѣ Алжирскій дей, вытянувъ свою предлинную руку, беретъ со стола стаканъ и выпиваетъ).

Болтунасъ (продолжая говорить самъ съ собою).

Ихъ сожгутъ живьемъ... а я попляшу около костра, на которомъ они будутъ горѣть... (Маглуару). Наконецъ ухитрился, выпилъ?

Маглуаръ (взглянувъ на стаканъ).

Ни капли не могъ пропустить, а стаканъ пустехонекъ! (Въ какивалъ въ бѣшенствѣ). Странное дѣло, сударь! Что жъ это такое? то смосиришь, носъ тебѣ натянуть, то стаканъ подъ носомъ вытянуть!...

Болтунасъ (наливая).

Ну, полно! выпей другой, на здоровье.

(Алжирскій дѣй опять беретъ и пьетъ).
Ай! ай!... Чортъ! чортъ!

Маглуаръ.

Давай Богъ ноги! (Ублгаютъ).

Мальчикъ (выходитъ
изъ погребъ).

А деньги за вино?... (Блзсятъ за ними).
Карауль!

ЯВЛЕНІЕ III.

Микстурадось, Скотинецъ, Родригецъ,
начальникъ алвазиловъ.

Микстурадось.

Но 8.

Повѣрьте мнѣ, Донъ Родригецъ:
Волшебствомъ, истинно злодѣскимъ,
Вотъ съ часъ тому, Донъ Скотинецъ
Былъ сдѣланъ пѣтухомъ индѣйскимъ.
И до сихъ поръ, взгляните, въ немъ
Пѣтушье есть кой-что... въ походкѣ.

Родригецъ (смотря пре-
серіозно на Скоти-
неца, который съ саж-
ностью расхажива-
етъ по сценѣ).

Да... да... онъ ходитъ пѣтухомъ...

И даже смотритъ пѣтукомъ...

Кишки лишь вѣтъ на подбородкѣ!

Удивительно!..

Скотинецъ.

И какъ будто этотъ проклятый колдунъ
не могъ выбрать птицу поблагороднѣе?
онъ, просто, хотѣлъ эниграмму на меня
сдѣлать!

Родригецъ (все опять
пресеріозно).

Я согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ: быть
индѣйскимъ пѣтухомъ весьма неприятно че-
ловѣку и дворянину.

Микстурадось.

По теперь, любезный зятюшка, слава
Богу, вы ужъ безъ перышковъ, ощипаны;
впрочемъ, если бы вы даже и остались
пѣтухомъ, повѣрьте, что и тогда бы

я не забылъ къ вамъ должнаго уваженія...
я выстроилъ бы для васъ особый курят-
ничекъ: кормилъ не мякиной, а пше-
ницею, и каждое воскресенье угощалъ грец-
кими орѣхами; только тогда я не могъ
бы отдать за васъ моей дочери, по не-
сходству характеровъ. Теперь-же, когда
вы опять получили ваши физическія до-
стоинства, всѣ препятствія, разумѣется,
исчезли.

Родригецъ.

Удивительно!.. Но, если между вами
ужъ все улажено, то чего жъ вы отъ ме-
ня хотите?

Микстурадось.

Чтобъ сыграть свадьбу, намъ недостаетъ
только согласія невѣсты. Дочь моя, по
глупости, терпѣть не можетъ Донъ Скоти-
неца и влюблена въ другаго; а этого дру-
гаго надобно ежечь или невѣстить, пото-
му что онъ колдунъ. Покорнѣйше васъ
просимъ собрать вашихъ алвазиловъ, и
сію же минуту отправиться въ погребъ за
соблазнителемъ.

Скотинецъ (взлмчугъ на
балконѣ).

Ба! да вопъ онъ! и съ Изабеллою!

Родригецъ.

Удивительно!.. Велите ему подождать,
а я побѣгу за командою.

Албертъ (смотря внизъ
на улицу).

Маглуаръ! Маглуаръ! вели подавать
карету!

Микстурадось.

Постой! вотъ мы тебѣ подадимъ каре-
ту!.. За мною, зятюшка!

Но 9.

(Стучится въ ворота; привратникъ
отворяетъ, и они оба входятъ. Въ это
время балконъ съ Албертомъ и Иза-
беллою опускается на землю. Миксту-
радось изъ дверей балкона увидя это,
кричитъ Скотинецу).

Зятюшка! бѣгите опять внизъ поско-

рѣ! ловите ихъ! ловите! они спустились!

(Скотинецъ выбѣгаетъ изъ воротъ, бросается на балконъ, чтобъ схватить бѣглецовъ, но Албертъ и Изабелла успѣли уже соскочить на землю, а балконъ со Скотинцемъ опять поднимается на верхъ. Албертъ глотаетъ пилюлю — и столъ у погребца превращается

въ маленькую колесницу, сезому двумя маленькими геніями).

Микстурадось и Скотинецъ (кричатъ).

Держи! держи ихъ!

(Прибѣжавшіе на крикъ Алгвазиль превращаются въ лакеевъ и идутъ впереди и позади колесницы. Музыка).

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Пейзажъ. Направо дорожный столбъ съ надписью: Дорога изъ Мадрига въ Севилью. Въ глубинѣ сцены остатки развалившейся стѣны.

ЯВЛЕНІЕ I.

Микстурадось, Скотинецъ, Родригецъ и Алгвазиль.

Микстурадось (Родригецу).

Точно такъ, какъ я имѣлъ честь вамъ докладывать: алгвазильовъ вашихъ превратили въ лакеевъ и сдѣлали проводниками.

Родригецъ.

Удивительно!

Микстурадось.

А балконъ-то еще удивительнѣе. Однимъ словомъ, мы возмисъ къ нечистымъ.

Родригецъ.

Удивительно! и тѣмъ болѣе, что совсѣмъ не естественно!

Скотинецъ.

Что жъ мы станемъ дѣлать?

Родригецъ.

Если бъ вы захотѣли принять мой советъ...

Микстурадось.

Говорите, почтеннѣйшій Донъ Родригецъ, мы за первый долгъ считаемъ васъ слушаться.

Родригецъ.

Мой советъ немедленно поймать бѣжавшихъ; ибо чѣмъ болѣе будутъ они подаваться впередъ, тѣмъ болѣе будемъ мы отъ нихъ отставать.

Микстурадось.

Превосходно сказано! Вотъ что значить учиться логикѣ! Но объясните намъ прежде, алгвазиль отважный и смѣтливый, гдѣ и какимъ образомъ мы ихъ поймемъ?

Родригецъ.

Гдѣ? въ ихъ экипажѣ, если они еще изъ него не вышли. Какимъ образомъ? остановивъ экипажъ, если онъ все еще въ дорогѣ.

Микстурадось.

Дѣйствительная правда... а вѣдь мнѣ и въ умъ не пришло... да и вамъ тоже, зятюшка?

Скотинецъ.

Я подробностями не занимаюсь.

Родригецъ.

Если они ѣдутъ, то, вѣроятно, ѣдутъ по какой нибудь дорогѣ: и такъ, раздѣлимся на партіи и запремъ всѣ пути.

Микстурадось.

Что за соображеніе! чудная голова, ей-Богу! Давайте же раздѣляться. (Читаетъ

надпись на столбѣ.) «Дорога изъ Мадрита въ Севилью.» Во-первыхъ надо занять этотъ пунктъ: можетъ быть, они отсюда поѣдутъ.

(Столбъ показываетъ наоборотъ).

Скотинецъ.

Нѣтъ, вотъ откуда они поѣдутъ, видите: «Дорога изъ Мадрита въ Севилью.»

Микстурадосъ.

Ахъ, да! я ошибся. (Столбъ показываетъ попрежнему.) Такъ стало ужъ мы... Э! нѣтъ, я не ошибся.

(Столбъ опять на оборотъ показываетъ).

Родригецъ.

Ошиблись, снiоръ Микстурадосъ: вотъ дорога изъ Мадрита.

Микстурадосъ.

Ну, такъ видно я ряхнулся!

Родригецъ.

Я теперь назначу каждому свой постъ. Донъ Скотинецъ отправится на дорогу въ Кадиксъ, съ двумя алгвазилами; я съ двумя займу дорогу въ Аранжуэсъ, а вы, снiоръ Микстурадосъ, здѣсь у столба останетесь.

Микстурадосъ.

Столбовымъ? понимаю.

Родригецъ.

Ну! маршь!

Но 9.

Всѣ.

Маршь впередъ! по мѣстамъ,

Расходясь по немногу....

Не звать по верхамъ,

А смотреть на дорогу!

Скотинецъ.

Онъ отъ насъ не ульнетъ.

(Вынимая шпагу).

Отомщу я злодю!ю!

Микстурадосъ.

Если жъ онъ васъ убьетъ,

Я процессъ съ нимъ затю!

Всѣ.

Маршь впередъ! по мѣстамъ! и проч.
(Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Микстурадосъ (одинокъ).

Я радъ, что мнѣ достался постъ покойнѣе. Лучше согласился бы десять лѣтъ сряду порошки растирать, чѣмъ одинъ день рыскать за неугомонной дочкой, которая съ какимъ-то лѣшнимъ связалась. Ногъ подъ собой не чувствую; сяду и прислонюсь къ столбу.... Уф!... вотъ такъ!... прiятно отдохнуть послѣ трудовъ и бѣготни.... Ружье подлѣ поставлю.... я нарочно зарядилъ его крупною солью, потому что не хочу ихъ убивать, а только обжечь по малости.... (Зѣваетъ.) А.... а.... ахъ!... мочи нѣтъ.... усталъ какъ собака.... глаза слипаются... (Засыпаетъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Микстурадосъ спящій, АЛБЕРТЬ и Изабелла.

АЛБЕРТЬ.

Здѣсь остановимся, милая Изабелла, здѣсь, я думаю, мы безопасны, отъ преслѣдованій вашего батюшки и Скотинца.

Изабелла.

Только въ полной надеждѣ на вашу честность рѣшилась я бѣжать съ вами.

АЛБЕРТЬ.

А развѣ я заставилъ васъ раскаиваться?

Изабелла.

О! нѣтъ.... но мнѣ что-то страшно... я вижу все что-то такое необыкновенное.... эта колесница.... этотъ балконъ....

АЛБЕРТЬ.

Мнѣ, совсѣмъ неожиданно, достался одинъ талисманъ.... послѣ я вамъ разскажу.

Изабелла.

Но что жь мы будемъ здѣсь дѣлать?

Албертъ.

Завтракать, если вамъ угодно... Чистый воздухъ и скорая ѣзда вѣрно возбудили въ васъ аппетитъ.

Изабелла.

Но гдѣ жь мы будемъ завтракать?

Албертъ *(ломаетъ пилулю)*.

Тамъ!...

(Остатокъ развалившейся стѣны превращается въ бесѣдку, въ бесѣдку накрывается столъ. Любовники садятся и завтракаютъ.)

Изабелла.

О чудо!...

Микстурадосъ *(просыпаясь)*.

Кажется, я имѣлъ неосторожность заснуть на своемъ посту?... кажется... а впрочемъ не знаю. *(Встаетъ.)* Ну, если похититель во время моего сна преспокойно пробѣжалъ? Что я тогда скажу моему несчастному зятю? Посмотримъ, нѣтъ ли слѣдовъ колесъ на пескѣ... Нѣтъ, ничего не видно.... Тьфу! какъ я глупъ! да развѣ чертовскіе экипажи до земли касаются?... *(Увидя Алберта и Изабеллу.)* А! что я вижу!... Это они!... Негодный волокита!... теперь ты мнѣ попался! гдѣ ружье мое?... ружье!... *(Столъ хватаетъ ружье и стрѣляетъ. Стѣна опять дѣлается стѣною и любовники исчезаютъ.)* Ай! ай! охъ! охъ! я умер! нѣтъ, нѣтъ... счастье еще, что зарядилъ солью... но все таки мнѣ солоно пришлось!... вотъ точно будто бы тысячу пивокъ мнѣ вдругъ приставили!... боль смертельная!... думаю, во всю жизнь мнѣ съестъ нельзя будетъ!... Ой! ой!...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Микстурадосъ, Скотиницъ, Родригесъ и Алгвазпалъ.

Скотиницъ.

Что съ вами, любезный тестюшка?

Микстурадосъ.

Ой! ой! любезный зятюшка!

Родригесъ.

Вамъ дурно, снѣдьоръ аптекаръ?

Скотиницъ.

Гдѣ бы стулъ сыскать поскорѣе?...

Микстурадосъ.

Нѣтъ, нѣтъ!... чорта въ стулъ вы гордите!... Стулъ!... да я скорѣе на пушку ползу.

Родригесъ.

Удивительно!

Скотиницъ.

Да что здѣсь случилось? въ кого вы стрѣляли?

Микстурадосъ.

Я ни въ кого не стрѣлялъ... это столъ выстрѣлилъ, пострѣлъ его по-бери!

Родригесъ.

Онъ сумасшедшій!

Микстурадосъ.

Я сумасшедшій!... когда я ихъ видѣлъ, точно какъ васъ теперь вижу!

Родригесъ.

Кого?

Микстурадосъ.

Изабеллу и ея похитителя.

Скотиницъ.

Гдѣ?

Микстурадосъ.

Тамъ, въ бесѣдкѣ... она ѣла, неблагодарная, а онъ пилъ, разбойникъ!

Скотиницъ.

Да гдѣ же вы тутъ бесѣдку видите?

Микстурадосъ.

Да ужъ больше и не вижу: все исчез-

ло... и въ эту-то самую минуту, столбъ ой! ой!...

Родригець.

Бесѣдка, столбъ... удивительно! Это вамъ такъ пригрѣзилось.

Скотинецъ.

Именно.

Микстурадось.

Пригрѣзилось!... А соль-то, что въ меня врѣзалась, тоже пригрѣзилось?.. ой! ой!...

Родригець.

Онъ вѣрно вздремнулъ и спросонья какъ нибудь спустилъ курокъ....

Микстурадось.

Думайте себѣ что хотите, а я знаю, что говорю: бѣглецы тутъ. (Указываетъ на стѣну.) Почтенный Родригець, оты-

щите мнѣ мое ружье, зарядите дробью, пулями, картечью... въ этой стѣнѣ я видѣлъ волшебную бесѣдку... я прошу стѣну!

Родригець (тихо Скотинцу).

Что съ нимъ спорить? (Вслухъ.) Извольте, снiюрь Микстурадось... положитесь на меня: славно вамъ заряду... (въ сторону) табакомъ. (Беретъ ружье, высыпаетъ въ него всю свою табакерку, и кладетъ пороху на полку.) Готово.

Микстурадось (взявъ ружье).

Вотъ я имъ себя докажу! (Стрѣляетъ въ стѣну; общее чиханiе, и наконецъ всѣ уходятъ, толкая другъ друга.)

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Жилыще колдуньи. По стѣнамъ животныя всѣхъ родовъ, отвратительные портреты, статуи; посрединѣ театра столъ и два стула; въ глубинѣ большой котель.

ЯВЛЕНIЕ I.

Колдунья (одна).

Придетъ ли онъ на свиданiе? Думаю, придетъ, потому что не захочетъ лишиться власти, которую я ему даровала. Благодаря мнѣ, онъ уже не одинъ разъ избавлялся отъ поисковъ Микстурадоса и Скотинца.. а между тѣмъ, я все такъ не спокойна... Ахъ! скучно быть старухой!

№ 10.

Ахъ! зачѣмъ со мной разстались Юность, свѣжесть, красота, Невидимкою промчалась И исчезли, какъ мечта! Все ко мнѣ пылала страстью Какъ была я въ пятъ дѣтъ; А теперь, со всею властью Въ жизни радости мнѣ нѣтъ! О мужчины! о мужчины! Образумьтесь, хоть одинъ:

Васъ страшатъ мои морщины, Но въдъ въ сердцѣ вѣтъ морщины! Ахъ! зачѣмъ со мной разстались, и проч. (Бьетъ полночь.)

Полночь! (У дверей стучатся.) Это вѣрно онъ.

ЯВЛЕНIЕ II.

Колдунья и Албертъ.

Албертъ.

Видишь; добрая старушка, я держу слово.

Колдунья.

Талисманъ мой дѣйствуетъ?

Албертъ.

Какъ нельзя лучше; я скрылъ Изабеллу въ одномъ совершенно безопасномъ домѣ, въ Мадридѣ. Говори, чѣмъ доказать тебѣ мою признательность?

Колдунья.

Садись. (Гному.) Аррибакъ! стулъ снпюру! (Гномъ подаетъ стулъ.)

АЛБЕРТЬ.

Какой странный слуга!

Колдунья.

Это мое произведеніе: я все ему даровала, кромѣ способности говорить, и онъ ловекъ, усерденъ и скромнень; если хочешь, я подарю тебѣ такого же.

АЛБЕРТЬ.

А у тебя есть другой?

Колдунья.

Нѣтъ, но я могу сдѣлать. Видишь, Албертъ, какъ далеко простирается мое могущество. Самый адъ дрожитъ отъ моего голоса, и демоны мнѣ повинуются; себѣ и тѣмъ, кого я люблю, я могу доставить всѣ наслажденія богатства. Но ужъ такъ давно пользуюсь я этой властью, что все сверхъ-естественное въ ней не имѣетъ болѣе для меня цѣны и не раждаетъ въ груди сладкаго волненія. Судьба, давъ мнѣ волю надъ земными тѣлами, довела меня до преклонной старости и сдѣлала безсмертною; а въ этомъ мірѣ, счастье безъ конца то же, что и страданіе.... Однако жъ, я опять могу помолодѣть, и потомъ жить столько, сколько и всѣ живуть.... и въ этомъ-то заключаются всѣ мои желанія.

АЛБЕРТЬ.

Кто жъ тебѣ мѣшаетъ?

Колдунья.

Но судьба положила условіе....

АЛБЕРТЬ.

Какое?

Колдунья.

Молодой и прекрасный мужчины долженъ мнѣ отдать свою руку.

АЛБЕРТЬ.

Какъ?... колдунья?..

Колдунья.

Чего не могу сказать тебѣ, напишу. (Написавъ.) Читай!

АЛБЕРТЬ (читая).

«Забудь Изабеллу, женись на мнѣ, и раздѣлишь со мною могущество и богатство.» Какъ! потому, что я надѣлалъ черезъ тебя нѣсколько шалостей, ты воображаешь, что ужъ я привнесу тебѣ въ жертву и душу свою?... Врешь, проклятая старуха! Тебѣ не удастся разлучить меня съ Изабеллою и сдѣлать слугою дьявола!... Насталъ твой часъ, и я узнаю, точно ли ты безсмертна! (Въ бѣшенствѣ бросается на колдунью, но она исчезаетъ и лишь ея одежда остается на стулѣ.) Старая вѣдьма ушла къ чорту!... туда ей и дорога!

(Хочетъ выйти вонъ, но шомы его схватываютъ и въ ужасной борьбѣ увлекаютъ въ глубину сцены. Громъ, молнія. Албертъ исчезаетъ вмѣстѣ съ гномами).

ЯВЛЕНІЕ III.

МАГЛУАРЬ (одинъ, входитъ на цыпочкахъ).

Странное дѣло! оставить меня за порогомъ въ такую ужасную бурю: это ни на что не похоже! Я наконецъ рѣшился войти; пусть меня примутъ сухо, да зато я подъ дождемъ не промокну и не захвораю грудною простудою.... Къ тому же, съ самаго утра я ничего не ѣлъ.. Ахъ! если бѣ у меня еще цѣла была та пилюля, что баринъ далъ мнѣ отъ огромнаго носа!.. А впрочемъ, я ужъ началъ было къ нему привыкать.... теперь, когда дотронусь до лица, какъ будто чего-то недостаетъ.... Да гдѣ же я!.. Это, конечно, передняя у колдуни.... Что за убранство! настоящая кунсткамера. Эка отвратительная чучела! крокодилъ, кажется.... тѣфу, какой гадкой!.. А это что за рыба съ крыльями?... должно быть, необыкновенная.... Странное дѣло! я большой охотникъ рыбу удить, но мнѣ еще ни разу такая на крючекъ не попада-

лась!... Слоновая голова... вѣрно отъ Персидскаго Шаха сюда попала... Осель!... А обезьяна-то, обезьяна! точно живая!... Пеликанъ кормить дѣтей своей внутренностью... Чудный медвѣдь! эка огромная скотина!... славная рожа у него... Имѣю честь, сударь, свидѣтельствовать вамъ свое нижайшее почтеніе! (*Кланяется, и медвѣдь отвѣчаетъ ему поклономъ.*) Да онъ не безъ воспитанія... не похожъ на двуногихъ медвѣдей съ деньгами. Очень радъ съ вами покороче познакомиться! (*Пятится отъ него къ обезьянѣ; обезьяна бьетъ его палкою.*) Ай!... что это за глупыя выходки?... Невѣжда! а еще, гляди, въ Парижѣ была!... Вонъ, ты бы поучилась вѣжливости хоть у осла: онъ даромъ что осель, а умный человѣкъ... Но будеть заниматься натуральною исторіею, перейдемъ къ живописи... Собака, котъ... это должно быть фамиліные портреты. (*Садится.*) Чучелы, каракули на столѣ... Однако жъ, снціоръ что-то слишкомъ долго заговорился тамъ съ колдуньей... Не знаю, отъ голода или скуки, только мнѣ мочи нѣтъ какъ зѣвается... а!... а!... (*Зѣваетъ и всѣ чучелы, портреты, котъ и собака тоже зѣваютъ.*) Ну! вотъ и ихъ зѣвота забрала! (*Котъ поднимаетъ спину дугою, глаза сверкаютъ.*) Котъ окрысился!... такъ и хочеть меня съестъ!... (*Собака лаетъ.*) И собака взбѣсилась!... Странное дѣло! Все это волшебство, конечно; однако жъ, не меньше того я все таки боюсь... Въ ожиданіи барина займусь чѣмъ нибудь, чтобъ не такъ было жутко... Но чѣмъ заняться-то?... если бѣ

было что поѣсть, я бы славно время провѣлъ; да вѣдь здѣсь не трактиръ, къ несчастью... Примусь за чтеніе... именно... стану разбирать эти каракульки госпожи колдуньи. (*Садится.*) «Глава первая. Заклинаніе. Надобно для этого выбрать послѣднюю четверть луны.» (*Свѣча выростаеъ футовъ въ двѣнадцать*) Съ какого завода эта свѣча? чѣмъ больше горить, тѣмъ больше къ верху лѣзеть! Нѣтъ возможности такъ читать. (*Становится на стулъ и продолжаетъ.*) «Четверть луны, между полночью и часомъ за полночь.» (*Свѣча уменьшается и Маглуаръ опять садится.*) Этакъ вотъ читать гораздо удобнѣе. (*Читаетъ.*) Въ то время, когда ночныя птицы... (*Шкуда онъ читаетъ, стулъ и свѣча поднимаются выше и выше*) стану издавать печальные крики, огонь разложенъ и орѣховая палочка обовѣется около руки...» (*Свѣча опять опускается*) Глупо, когда читать нѣтъ возможности... (*Увидя, какъ высоко онъ поднятъ.*) Ахъ ты, Боже мой! Странное дѣло! я на колокольнѣ!... голова кружится!... Помогите, помогите! (*Изъ стола появляется огромный скелетъ.*) Очень вамъ благодаренъ! Не найду словъ благодарить васъ! (*Скелетъ и стулъ съ Маглуаромъ опускаются.*) Какой худощавый! Однако жъ дамъ тягу поскорѣе! (*Бросается въ двери, иноиы его бросаютъ въ котелъ, льютъ воду и кладутъ зелень; огонь обхватываетъ котелъ.*) Ай! ай! я разгорячился! кровь раскипѣлась!... (*Выпрыгиваетъ изъ котла, покрытый зеленью, и убѣгаетъ.*)

КАРТИНА ПЯТАЯ.

Площадь въ Мадридѣ; въ глубинѣ, на лѣво, колодезь; посрединѣ обелискъ, на второмъ планѣ домъ съ окномъ, направо аптека, на лѣво винный погребъ. Ночь.

ЯВЛЕНІЕ I.

Изабелла, потомъ Маглуаръ.

Изабелла.

Алберта все еще нѣтъ! Умираю отъ

страха! всю ночь алгвазильи ходили около нашего дома. Но вотъ, кажется, и онъ!

— **Маглуарь** (*внѣ себя*).
 — Наконецъ, слава Богу, я въ Мадридѣ!..

Проклятая колдунья!

Изабелла.
Маглуарь! что ты такъ кричишь?

Маглуарь.
 А! это вы, сисиора? что я такъ кричу?.. Закричишь поневоля, какъ запрячуть тебя въ котель, да начнутъ взаривать!.. Развѣ вы не слышите какъ отъ меня пахнетъ петрушкой и семереємъ? Еще минута, и мое грѣшное тѣло можно было бы на столъ подавать съ хрѣномъ или горчицей.

Изабелла.
 Ни слова не понимаю. Что это?

Маглуарь.
 Да кто пойметъ ихъ чертовщину... бѣдный баринъ! въ какой соусъ его-то употребили?

Изабелла.
 Что случилось съ Албертомъ?

Маглуарь.
 Почему я знаю! онъ тоже былъ у колдуньи.

Изабелла.
 Ахъ Боже мой!

ЯВЛЕНІЕ П.

Албертъ, Маглуарь, Изабелла.

Изабелла.
 Албертъ! ахъ какъ я рада!

Маглуарь.
 Вы ли это, мой добрый господинъ!

Изабелла.

Маглуарь напугалъ меня: приближалъ сюда безъ памяти, какъ угорѣлый.

Маглуарь.
 Угорись, какъ подъ тебя дровъ подожать!

Албертъ.
 Старая колдунья конечно на немъ свои гнѣвъ вымѣстила. (*Маглуарю*.) Ступай

домой и выпей большой стаканъ воды: это освѣжитъ тебя.

Маглуарь.
 Слушаю-сь!.. только прикажите ужъ

лучше выпить большой стаканъ вина, оно гораздо пользительнѣе.

Албертъ.
 Пей что хочешь, и оставь насъ.

Маглуарь.
 Слушаю-сь. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ Ш.

Албертъ, Изабелла потомъ **Добрый Геній.**

Изабелла.
 Скажите же мнѣ наконецъ, что съ вами случилось?

Албертъ.
 Теперь я лишень моего могущества.

Колдунья принуждала меня забыть васъ и отдать ей свою руку: этимъ средствомъ хотѣла она возвратить себѣ молодость, красоту, и раздѣлить со мною власть свою.

Я, разумѣется, отказался, и нажалъ въ ней себѣ смертельнаго врага.

Изабелла.
 Какъ! для меня вы отказались отъ могущества и власти!.. Чѣмъ вознагражу васъ за такое самоотверженіе?

Албертъ.
 Вашей любовью! Для нея готовъ я отвергнуть всѣ земныя блага.

Страшусь только, чтобъ колдунья не стала теперь помогать нашимъ непріятелямъ.

Изабелла.
 И я буду причиною вашего несчастья!..

Если васъ поймутъ... Скотинецъ имѣетъ сильныя связи: онъ племянникъ главнаго инквизитора... а инквизиція, вы знаете, что такое!

Албертъ.
 Я презираю всѣ пытки и истязанія!

Изабелла.
 Нѣтъ, мой другъ, я должна васъ спасти, и спасу!

Альбертъ.

Отдадите руку Скоттинецъ?

Изабелла.

Нѣтъ.. я разстанусь съ этой жизнью, гдѣ не могла составить вашего счастья!

(Блѣзнетъ къ колодези, хочетъ туда броситься, но въ ту же минуту обрубъ колодези превращается въ великолѣпную эстраду, на которой стоитъ молодая дѣвушка въ видѣ Пакиты: это Добрый Геній).

Альбертъ и Изабелла (въ изумленіи).

Пакита!..

Добрый Геній.

Альбертъ! Изабелла! вы оба достойны другъ друга: ваша чистая, взаимная привязанность заслуживаетъ награды. Я не Пакита, а Добрый Геній подъ видомъ Пакиты, и огонь беру васъ подъ свое покровительство. Не бойтесь колдуньи и вашихъ враговъ: я уничтожу всѣ ихъ замыслы. Чтобъ съ вами не разставаться болѣе, я замѣню тебя твою Пакиту, Изабелла. Да, прелестная синюра, весь нынѣшній день я буду твоей горничной и подругой. Но вотъ сюда идутъ ваши гонители съ толпою алгвазиловъ. Уйдемте къ вамъ въ домъ: я вамъ разекажу мои намѣренія. (Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Микстурадось, Скоттинецъ, Болтунасъ, Родригецъ, Алгвазилы.

Микстурадось.

Увѣренъ ли ты въ томъ, что говоришь, Болтунасъ?

Болтунасъ.

Я видѣлъ своими глазами, какъ вошелъ въ этотъ домъ негодный Французъ съ Изабеллою... а можетъ быть, и льшій взялъ на себя ихъ образъ, навѣрное не ручаюсь.

Скоттинецъ.

Тестюшка!

Микстурадось.

Что, мой знаменитый зятюшка?

Скоттинецъ.

Если провизоръ сказалъ правду, то моя невѣста непременно тутъ.

Микстурадось.

Вы справедливо говорите.

Скоттинецъ.

Стоитъ выломать двери и схватить ихъ.

Микстурадось.

Двери схватить?

Скоттинецъ.

Нѣтъ, синюру съ Французомъ.

Микстурадось.

Именно!.. Родригецъ, прикажите выломать двери.

Родригецъ.

Позвольте! я не имѣю права силой войти въ домъ безъ личнаго присутствія Корреджидора: какъ блюститель порядка, я долженъ дѣйствовать по законамъ.

Скоттинецъ.

Но у меня невѣсту оболъщаютъ, такъ время ли тутъ заниматься формами, тутъ дорога каждая минута, понимаете ли, алгвазиль?

Родригецъ.

Очень понимаю, юный гидальго; извольте жъ итти поскорѣе за корреджидоромъ.

Микстурадось.

Почтенный Родригецъ правъ. Пойдемте, зятюшка, пойдемте за корреджидоромъ; вы, между тѣмъ, Доцъ Родригецъ, разставьте своихъ людей при поворотахъ въ улицы; а ты, Болтунасъ, будь здѣсь и двери стереги... ты нанялся у меня все дѣлать. (Скоттинецъ и Микстурадось уходятъ; Родригецъ въ глубинѣ сцены разставляетъ часовыхъ по улицамъ; Болтунасъ расхаживаетъ по авансценѣ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Болтунась одинъ, потомъ Добрый Геній.

Болтунась.

Какъ хлопочетъ этотъ Донъ Скотинецъ изъ невѣсты, которая терпѣтъ его не можетъ! Просто, дуракъ набитый. Я самъ влюбленъ въ Пакиточку, нашу горничную; но если бы она съ другимъ убѣжала, ужъ я бы вѣрно не погнался за нею... да она этого и не сдѣлаетъ!.. А, впрочемъ... Пакиточка то же кокетка, и я замѣтилъ, кажется, что она строитъ глазки Маглуару...

Добрый Геній (*въ видѣ Пакинты, выходитъ изъ дома при послѣднихъ словахъ Болтунаса, подкрадывается на цыпочкахъ и даетъ ему полнуюсьную пощечину*).

А! я кокетка по-твоему! я строю глазки Маглуару!

Болтунась.

Ой! ой! чуть зубъ не вылетѣлъ!... Ба! это ты, Пакиточка? Я сейчасъ тебя узналъ по приемамъ: никто такъ ловко по щекамъ не дерется!

Добрый Геній.

Ты стоишь того, негодный. (*Нѣжно*). Ты смѣлъ сомнѣваться въ моей любви и вѣрности!

Болтунась.

Виноватъ, виноватъ, душечка!

Добрый Геній.

Впередъ не будешь?

Болтунась.

Никогда не буду!... Послушай: стало быть, и ты убѣжала вмѣстѣ съ снѣпурой?

Добрый Геній.

Нечего было дѣлать; мнѣ не хотѣлось оставить ее одну съ этимъ молодымъ Фран-

цузомъ; и теперь, услышавъ здѣсь ваши голоса, я нарочно украдкой вышла изъ дома, сказать снѣпору Микстурадосу, что голубки сейчасъ въ путь собираются. Да гдѣ же снѣпуръ Микстурадосъ?

Болтунась.

Пошелъ за корреджидоромъ съ Донъ Скотинцомъ.

Добрый Геній.

Онъ опоздаетъ: бѣги за нимъ поскорѣе.

Болтунась.

А кто жъ у дверей останется?

Добрый Геній.

Я!

Болтунась.

Ахъ! въ самомъ дѣлѣ, я и не подумалъ.

Добрый Геній.

Ну! ну! не мѣшай же!

Болтунась.

Лечу на крыльяхъ любви, Пакиточка! (*Убѣгаетъ*).

Добрый Геній (*вслѣдъ ему*).

Скачи на козлиныхъ ножкахъ, болванчикъ съ свинцовой головкой!

№ 11.

Боже мой! Боже мой!

Какъ смѣшонъ родъ людской!

Даже въ немъ и глупцы

Норовятъ въ хитрецы!

Но трудитесь вы напрасно,

Скотинецъ, Микстурадосъ:

Сердце женское не властно,

Если другу отдалось.

Тщетны ваши всѣ уцѣля

Удержать его въ рукахъ:

Купидонъ распуситъ крылья —

И вы снова въ дуракахъ!

Боже мой! Боже мой! и проч.

(*Уходитъ въ домъ къ Алберту и Изабеллѣ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Родригецъ и нѣкоторые изъ алгвазиловъ.

Родригецъ.

Ну! теперь, ребята, на всѣхъ постахъ часовые разставлены: вы остаетесь въ резервъ. Пойдемте, выпьемте: я васъ угощу, а то холодно становится. *(Идутъ въ винный погребъ, и только что они туда вошли, погребъ обращается въ аптеку, а аптека въ винный погребъ).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Албертъ, Изабелла, Добрый Геній, въ видѣ Пакуты
Добрый Геній.

Смѣлье! не бойтесь! идите за мною!...

Изабелла.

Ахъ! я вся дрожу!.. ну, если мы попадемся на встрѣчу алгвазиламъ?

Албертъ.

Со мною моя шпага, и васъ вырвутъ у меня изъ рукъ не иначе, какъ съ моею жизнью!

Добрый Геній.

Ахъ, вы дѣти, дѣти! что значать ваши алгвазлы и шпаги передъ моею властью!... Пойдемте!

(Идутъ въ глубину сцены).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Прежние, въ глубинѣ сцены; Родригецъ и алгвазлы выходятъ изъ аптеки.

Родригецъ.

Чортъ знаетъ, что это за вино такое

намъ подали!.. Тьфу! тьфу!... меня тошнить!

1-й алгвазиль.

А мнѣ животь схватило!... ой! ой!

2-й алгвазиль.

А у меня и то и другое!... ой! ой!

Всѣ.

Ой! ой! умираю!

(Въ глубинѣ сцены раздаются голоса: «Кто идетъ?» и дѣлается тревога. Добрый Геній, Албертъ, Изабелла прачутся за обелискомъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Прежние, Микстурадось, Скотинецъ, Болтунась, и всѣ алгвазлы.

Микстурадось, Скотинецъ и Болтунась.

Вотъ! вотъ они! держите ихъ! ловите!

Добрый Геній.

Стойте!

(Перемѣна. Площадь превращается въ великолѣпный садъ, а обелискъ въ навильонъ, куда входятъ Добрый Геній, Изабелла и Албертъ. Микстурадось, Скотинецъ, Болтунась и всѣ алгвазлы остаются какъ будто прикованные къ своимъ мѣстамъ).

Всѣ *(кромь Доброга Генія).*

Что за чудо!

Неужели это сонъ?

И откуда

Этотъ садъ и навильонъ?...

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Столовая въ гостиницѣ близъ Мадрига, большой столъ съ чернилицею; надъ столомъ зеркало а надъ зеркаломъ два портрета. На геридонѣ игра въ трикъ-тракъ, въ углу водочистительная машинка.

ЯВЛЕНІЕ I.

АЛБЕРТЬ, Изабелла, слуга изъ гостинойцы.

АЛБЕРТЬ (слугѣ).

Любезный, приготовь намъ поскорѣе комнату гдѣ нибудь подале и поудиненнѣе.

СЛУГА (улыбаясь).

Понимаю-съ. (Уходитъ).

АЛБЕРТЬ.

Успокойтесь, Изабелла: если злой духъ насъ вздумаетъ насъ преслѣдовать, Добрый Геній насъ защититъ: сейчасъ вы сами видѣли блнстательное тому доказательство.

Изабелла.

Конечно, но покровитель нашъ исчезъ и, можетъ быть, забылъ объ насъ... ахъ! что съ нами будетъ, если онъ насъ покинетъ?

АЛБЕРТЬ.

Предадимся судьбѣ. Я всѣ до одной пилули истратилъ; но, по счастью, у меня еще осталось нѣсколько дублоновъ; а золото тотъ же талисманъ: на него мы доставемъ все лучшее въ этой гостиницѣ. (Звонитъ). Эй! кто нибудь!

ЯВЛЕНІЕ II.

Прежние, Добрый Геній (въ видѣ хорошенькой трактирицы).

Добрый Геній (провинціальнымъ нарѣчіемъ).

Чего изволите, синіоръ кавалеръ?

АЛБЕРТЬ, Изабелла.

Что вижу! это онъ!

Добрый Геній.

Да, это я... и вы могли подумать, что я васъ забылъ, неблагодарные! Я поспѣшилъ сюда, опасаясь, чтобъ Сара, колдунья, чего нибудь дурнаго съ вами не сдѣлала. Она оставила свое логовище, и вѣрно съ цѣлью вамъ вредить... но только ей не удастся: за это я вамъ ручаюсь!

Изабелла.

Для чего же нарядъ трактирицы?

Добрый Геній.

Для твоего отца, для Скотинца, Болтунаса и алгазиловъ.

АЛБЕРТЬ.

А развѣ они открыли наши слѣды?

Добрый Геній (указывая въ окно).

Смотрите: они въ ворота въѣзжаютъ.

Изабелла (смотря въ окно).

Да, да... вотъ Донъ Скотинець... Албертъ! уйдемъ скорѣе!

Добрый Геній.

Вамъ обоимъ надо отдохнуть... Изабелла, пойдите въ эту комнату, а вы, Албертъ, въ эту: спите себѣ спокойно и не бойтесь колдуньи.

Но 13.

Сладкихъ сновидній

Вамъ желаю я!

Я вашъ Добрый Геній,

Вы мои друзья!

АЛБЕРТЪ и ИЗАБЕЛЛА.

Вмѣстѣ.

Сладкихъ свидѣній

Ожидая я:

Ты нашъ Добрый Геній,

Мы твои друзья!

ДОБРЫЙ ГЕНІЙ.

Спите, не страшитесь

Львиныхъ и людей,

А пока проститесь

Оба поуживий.

(Албертъ цѣлуетъ руку у Изабеллы;
Изабелла цѣлуетъ его въ щеку).

ДОБРЫЙ ГЕНІЙ (Изабеллѣ,
отводя ее).

Ужъ теперь быть вмѣстѣ

Вамъ нельзя, другъ мой:

Двувинокъ невѣстѣ

Должно спать одной.

Всѣ.

Сладкихъ свидѣній, и проч.

(Албертъ и Изабелла уходятъ въ раз-
ныя стороны).

ЯВЛЕНІЕ III.

ДОБРЫЙ ГЕНІЙ, Скотиницеъ Микстурадосъ, Родригецъ, Алгвазиль.

ДОБРЫЙ ГЕНІЙ (провинціал-
нымъ нарѣ-
чіемъ).

Милости прошу! добро пожаловать,
снiоры кавалеры!

Микстурадосъ.

Такъ говорите, что хотите, любезный
зятюшка, а у меня просто ноги подко-
сились и голова съ плечъ валится! А ты
какъ себя чувствуешь, Болтунасъ?

Болтунасъ.

Чувствую, что того гляди растянусь
безъ чувствъ! и не мудрено: на нашемъ
мѣстѣ и верблюды уходятся!

Родригецъ.

У меня языкъ пересохъ и подошвы от-
валились.

Скотиницеъ.

Хотя бы мнѣ, какъ страствующему жи-
ду, пришлось скитаться по всемъ концамъ
земли и не знать ни минуты покоя, я
и тогда или отыщу Изабеллу, или издох-
ну, какъ собака.

Микстурадосъ.

Пѣтушиться, зятюшка, пѣтушиться....
а я присяду. (Садится съ гримасами
отъ боли).

Родригецъ.

И я также.... стулъ для меня теперь
дороже трона.

Скотиницеъ.

Какъ! вы намѣрены здѣсь прохлажать-
ся?

Микстурадосъ.

Послушайте, зятюшка: я отецъ, и даже
скоро могу быть дѣдушкой, слѣдовательно
у меня и силы дѣдушкины; вы же что твою
лошадь водовозная, такъ и продолжайте
себѣ одни свою экспедицію. Пожалуй,
Болтунаса возьмите съ собою: онъ ужъ
нанять у меня съ тѣмъ, чтобъ все дѣ-
лать.

Болтунасъ.

Торжественно имѣю честь вамъ реко-
мендоваться, что даже не могу и за ра-
комъ гоняться!

Скотиницеъ.

Хорошо, такъ и быть! даю вамъ от-
дыхъ... но не болѣе какъ на полчаса:
въ это время вы должны наѣсться, на-
питься и выспаться.

Болтунасъ.

Снiоръ, позвольте вамъ замѣтить, что
тутъ едва уснѣешь изъ трехъ и одно
сдѣлать.

Скотиницеъ.

Изъ трехъ одно и выбирайте.

Болтунасъ.

Я ѣмъ!

Родригецъ.

Я пью!

Микстурадось.

Я сплю.

Добрый Геній.

Чего изволите, синіоры кавалеры? Ви-на лучшаго, кушанья отличнаго, дивана мягкаго, личика смазливаго? У Занеты ни за чѣмъ дѣло не станеть.

Микстурадось.

Я бѣ отдалъ всю свою аптеку за самую скверную койку.

Болтунась.

А я, почтенный мой патронъ, отдалъ бы даже и васъ самихъ за... свиную голову съ фаршемъ.

Добрый Геній.

Изволите видѣть: у меня вино перваго сорта, но выпито до послѣдней бутылки; кушанье—губки облизать, да на кухнѣ ни крошки не осталось; диваны Султану хоть лечь, да крысы сглодали.

Микстурадось.

Стало быть, у тебя только и есть что смазливое личико?

Скотинець.

Въ такомъ случаѣ лучше поѣдемте!

Микстурадось.

Вздоръ! На вывѣскѣ сказано: «общій столъ и особыя комнаты.» Ты должна насъ накормить и уложить...

Родригець.

Накормить и уложить по уложенію! Я, какъ блюститель порядка, обязанъ осмотрѣть кухню, погребъ и комнаты.

Микстурадось.

И я пойду за вами.

Болтунась.

И я.

Микстурадось.

Мнѣ необходима постель.

Болтунась.

А мнѣ свиная головка.

Скотинець.

Вамъ осталось двадцать пять минутъ.

Родригець.

Маршъ впередъ, трактирщица!

Н. 14.

Всѣ (кромя добраго Генія и Скотинеца).

И погребъ, и каморки,
И кухню и подвалъ —
Все, до мышинной норки,
Обшаримъ наповаль!

Болтунась.

За черствые обглотки
Спасибо бѣ я сказалъ!

Родригець.

А я за каплю подки
Чортъ знаетъ, что бы далъ!

Микстурадось.

Я заплачу со славой
За пакостный матрасъ!

Добрый Геній.

Да ничего нѣтъ, прапо,
Хоть мнѣ и жалко васъ!

Всѣ (кромя Добраго Генія и Скотинеца).

И погребъ и каморки... и проч.

(Всѣ уходятъ, кромя Скотинеца).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Скотинець (одинъ).

Надо признаться, изъ меня дѣлаютъ чортъ знаетъ какую жалкую фигуру!... Сколько мученій вытерпѣлъ я со вчерашняго дня!.. и изъ чего же?.. изъ за дѣвочки, которая меня не любитъ! Если я ее и получу, то еще Богъ знаетъ, что со мною случится. . такая жена того гляди тебѣ... Ну, да все равно, была не была! лишь бы только удалось мнѣ отмстить моему сопернику!

Голось.

Скотинець! Скотинець!

Скотинець.

Откуда этотъ пискливый голосокъ?

Голось.

Скотинець! ты забылъ меня.

Скотинець.

Что за диковица!.. ушамъ своимъ не

вѣрю!.. да это, кажется, вотъ откуда:
изъ водочистительной машинки!

Голосъ.

Есть ли въ тебѣ смѣлость?

Скотиницецъ.

Не знаю. А что?

Голосъ.

Сними крышку и смотри на меня безъ
ужаса.

Скотиницецъ.

Посмотримъ, что оттуда выльзетъ?

(Сбрасываетъ крышку, и вмѣсто во-
дочистительной машинки является Са-
ра, сидя на стуль о трехъ ножкахъ).

ЯВЛЕНИЕ V.

Скотиницецъ, Сара.

Скотиницецъ.

Старуха!..

Сара.

Скотиницецъ! ты хочешь отмстить за се-
бя?

Скотиницецъ.

Во что бы то ни стало!

Сара.

Это последнее твое слово?

Скотиницецъ.

Чтобъ взбѣсить моего соперника и по-
веселиться его страданіями, какъ онъ мо-
ими веселлся, я просто готовъ...

Сара.

На мнѣ жениться?

Скотиницецъ (отскочивъ).

А?..

Сара.

Что? ужъ ты струсилъ?.. Прощай.

Скотиницецъ.

Постой: я тебѣ еще не отвѣчалъ ни
слова.

Сара.

Для меня словъ однихъ мало: ты дол-
женъ дать мнѣ письменное обязатель-
ство.

Скотиницецъ.

Но скажи прежде, кто ты?

САРА.

Сара, колдунья.

Скотиницецъ.

Колдунья!

САРА.

Богатство и могущество—вотъ что я
принесу тебѣ въ приданое.

Скотиницецъ.

Ты богата?

САРА.

Въ состояніи купить тебѣ королевство
и заплатить наличными.

Скотиницецъ.

Право?.. и можешь даже...

САРА.

Все доставить моему мужу.

Скотиницецъ.

Можешь выдать мнѣ моего соперника?

САРА.

Подпиши обязательство, и онъ въ тво-
ихъ рукахъ: повѣсь его, или сожги, какъ
тебѣ вздумается.

Скотиницецъ.

А Изабелла?

САРА.

Подпиши обязательство и располагай
ею по своей волѣ, но не называй же-
ною.

Скотиницецъ (въ сторону).

Я сейчасъ бы подписалъ, если бъ эта
старуха не была похожа на орангутанга.
(Вслухъ.) А сколько тебѣ лѣтъ, по совѣ-
сти? Около пятидесяти пяти, или восьми-
десяти осьми?

САРА.

Я не хочу тебя обманывать: мнѣ тыся-
ча сто одиннадцать лѣтъ.

Скотиницецъ.

Тысяча сто одиннадцать! Экъ куда мах-
нула!

N. 15.

Тысяча сто одиннадцать лѣтъ!

Вотъ чудеса! съ ума я схожу!

Какъ ты давно явилась на свѣтъ!

Дай на тебя еще погляжу...

Тысяча сто одиннадцать лѣтъ!..

Темно въ глазахъ!.. вѣмѣтъ языкъ!..

Надо тебя къ Двору, въ кабинетъ:

Ты феномень, безцѣнный антикъ!..

(Садится къ столу и беретъ перо).

Я готовъ подписать для рѣдкости.

САРА (вынимая бумагу).

Вотъ обязательство, и по всей формѣ: поставь только внизу свое имя.

СКОТИНЕЦЪ (въ сторону, смотря на нее).

Она, я думаю, была не дура во время Римлянъ и Карагегенянъ... подписаль.

САРА.

Возьми же этотъ талисманъ, съ нимъ ты все сдѣлаешь, что ни захочешь.

СКОТИНЕЦЪ.

Что это такое?

САРА.

Мой локонь. Требуи, приказывай: чего ты хочешь?

СКОТИНЕЦЪ.

Алберта и Изабеллу.

САРА.

Они тутъ, въ этихъ обѣихъ комнатахъ.

СКОТИНЕЦЪ.

А! а! голубчикъ! попался!.. Чтобы мнѣ съ нимъ сдѣлать?.. Въ сумасшедшій домъ его упрятать!

САРА.

Онъ тамъ.

СКОТИНЕЦЪ.

А Изабелла?

САРА.

У своего отца... повѣса!

СКОТИНЕЦЪ.

А! кстати: гдѣ снiоръ Микстурадосъ?

САРА.

Идетъ къ тебѣ. До завтра, мой дорогой женишекъ!

СКОТИНЕЦЪ.

До свиданія, моя прелесть! (Сара исчезаетъ съ своимъ треножникомъ.) У меня теперь талисманъ... Да здравствуютъ старухи!

ЯВЛЕНІЕ VI.

СКОТИНЕЦЪ, МИКСТУРАДОСЪ.

МИКСТУРАДОСЪ (входя).

Здѣсь нѣтъ средства уснуть. Я ѣду, зятюшка.

СКОТИНЕЦЪ.

Зятюшка! зятюшка! Я еще вамъ не зятюшка. (Въ сторону.) Моя невѣста за этого зятюшку, того гляди, такъ меня хватить, что....

МИКСТУРАДОСЪ.

Вы все еще не въ своей тарелкѣ... Мнѣ хочется домой.

СКОТИНЕЦЪ.

Моя карета къ вашимъ услугамъ.

МИКСТУРАДОСЪ.

Нельзя ли лучше одолжить мнѣ вашъ портшезъ. Въ немъ бы я всхрюпнулъ до рогаю.

СКОТИНЕЦЪ (клича).

Люди! портшезъ! (Два большихъ лакея являются съ портшезомъ.) Садитесь, снiоръ аптекаръ, и спите какъ въ постель!

МИКСТУРАДОСЪ.

Прекрасно. Благодарю, зятюшка. (Влпзаетъ.) Фу! какъ покойно!

СКОТИНЕЦЪ (лакеямъ).

Чтобъ ни случилось, прямо въ Маритъ? Прощайте, снiоръ Микстурадосъ! я сейчасъ въ карету и къ вамъ. (Уходитъ.)

МИКСТУРАДОСЪ (лакеямъ, изъ окна портшеза).

Несите потише, чтобъ я какъ въ люлькѣ качался!

ДОБРЫЙ ГЕНІЙ (показываясь въ своемъ видѣ).

Пошелъ скорѣе!

(Лакеи отправляются въ путь; но въ это время портшезъ проваливается, и Микстурадосъ принужденъ шагать, слѣдуя за быстротою носильщиковъ).

Микстурадось (изъ порт-
шеза).

Стой! стой! что это за посылки? я лучше пѣшкомъ пойду!...

Лакей.

Намъ сказано: прямо въ Мадритъ, чтобъ ни случилось! (Уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Добрый геній (въ своемъ
видѣ).

Браво! старый аптекаръ опять въ силки попался!... Однако жъ, Сара жестоко вооружается противъ насъ... но я все таки ей не уступлю, и увидимъ, кто кого побѣдитъ!... Идутъ... это Болтунасъ съ Родригесомъ... Бѣда имъ! у нихъ нѣтъ покровителя въ плутовствѣ (Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Болтунасъ, Родригесъ и наконецъ
Магларъ.

(Болтунасъ несетъ два блюда, а Родригесъ бутылку и стаканъ).

Родригесъ.

Побѣда! Наша взяла!

Болтунасъ.

Прошу покорно! куда жъ дѣвался синіоръ Скотинецъ?

Родригесъ.

Вѣрно опять отправился въ погоню.

Болтунасъ.

Шею бы ему сломить, неугомонному!

Родригесъ.

Молодой человекъ! давай ужинать и говорить, говорить и ужинать!

Болтунасъ.

Ходить! Не разбудить ли патрона аптекаря?

Родригесъ.

Не нужно. Зенонъ мудрецъ сказалъ: «сонъ есть образъ смерти,» а мертвые...

Болтунасъ.

Не ѣдятъ. Справедливо.

Родригесъ.

Вдвоемъ намъ больше достанется.

Болтунасъ.

Чудный поросенокъ!

Родригесъ.

А вотъ увидимъ, какъ попробуемъ.

(Хотятъ садиться, стулья исчезаютъ и появляются далеко отъ стола).

Болтунасъ.

Вы мой стулъ взяли, синіоръ.... Ба! да вотъ онъ гдѣ очутился.

Родригесъ.

Не я же его туда передвинулъ.... а куда мой-то стулъ дѣвался?

Болтунасъ.

А вотъ онъ, на другой сторонѣ.

(Хотятъ взять стулья, но они опять исчезаютъ и появляются подлѣ стола).

Болтунасъ.

Что за дьявольщина!

Родригесъ.

Удивительно! видно, эти стулья ужъ такъ сдѣланы. Сядемъ. (Садятся.) Отрѣжь мнѣ заднюю ножку поросенка, а я между тѣмъ бутылку откупорю.

(Покуда Родригесъ откупориваетъ бутылку, кусокъ поросенка, что отрѣзалъ для него Болтунасъ, исчезаетъ во рту портрета надъ зеркаломъ).

Болтунасъ.

Ну! ужъ поѣмъ же я теперь!

Родригесъ.

Да что жъ ты мнѣ-то не даешь?

Болтунасъ.

Помилуйте, вы ужъ свою долю скушали!

Родригесъ.

Когда же?

Болтунасъ.

Я вамъ всю заднюю часть положию!

Родригець.

Врешь ты!

Болтунась.

Съ мѣста мнѣ не сойти! Вы вѣрно забыли! (Въ сторону.) Чай въ карманъ упряталъ... безсовѣстный!

Родригець.

Ну! давай же, давай!

Болтунась.

Извольте, я, пожалуй, вамъ свою нерядную ножку отрѣжу. Вотъ ужъ про васъ можно сказать, что вы безъ памяти ѣдите! (Въ то время, какъ онъ подаетъ кусокъ Родригецу, портретъ его кусокъ проглатываетъ.) Кто жъ мой-то кусокъ подтибрилъ?... Я этакъ примусь за другое блюдо.

(И другое блюдо проглочено портретомъ. Родригець и Болтунась встаютъ въ испугъ).

Родригець.

Удивительно! ужъ нѣтъ ли какогонибудь обжоры подъ столомъ? (Нагибаются, чтобъ туда посмотреть, столъ исчезаетъ въ зеркаль).

Болтунась.

Чась отъ часу не легче! (Хочетъ упасть на стулъ, но стулъ снова ис-

чезаетъ и онъ падаетъ на полъ. Родригець тоже.) Ай!

Родригець (сидя на полу).

Удивительно!

Болтунась (вскакивая).

Дайте мнѣ вашу шпагу, синьоръ: я съѣлаю рѣшето изъ этихъ чудесъ въ рѣшетѣ! (Хочетъ вытащить шпагу у Родригеца и разбиваетъ бутылку, что у него въ рукъ).

Родригець (вскакивая).

Дуракъ! безъ вина меня оставилъ! (Схватываетъ доску трикъ-трака и бьется за Болтунасомъ, тотъ отъ него старается ускользнуть).

Маглуаръ (входя).

Баринъ мой долженъ здѣсь остановиться. Что это?... драка! доскою трикъ-трака!

(Родригець, догнавъ Болтунаса, хочетъ его ударить доскою по головъ, но Болтунась увертывается и ударъ получаетъ Маглуаръ: доска трикъ-трака обращается въ клытку, и Маглуаръ въ клычкѣ. Болтунась и Родригець въ страхъ убѣгаютъ. Маглуаръ съ клычкою исчезаетъ).

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Площадь, обсаженная деревьями. Въ глубинѣ больница, направо домъ сумасшедшихъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Добрый геній (въ своемъ видѣ)

Старикъ Микстуралось все еще упрямится, и за одно со Скотинцомъ продолжаетъ мучить бѣдную дочь свою. Постой же! я его проучу, и онъ у меня узнаетъ, какъ доброму отцу слѣдуетъ съ дѣтьми обходиться. Колдунья подарила Скотине-

цу свой локонъ: но этотъ талисманъ не долго у дурака останется. Между тѣмъ, пойду, успокою несчастнаго Алберта: онъ въ сумасшедшемъ домѣ, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ съ ума сойдетъ, воображая, что я его оставилъ!... Я возвращу ему его Изабеллу, или послѣ этого не будь я добрый геній! (Уходитъ въ домъ сумасшедшихъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Микстурадось (все въ портшезъ; носильщики идутъ чрезвычайно скоро, и бѣдный аптекарь принужденъ слѣдовать за ихъ шагами. Болтунасъ бѣжитъ подлѣ портшеза).

Болтунасъ.

Стойте! стойте!... дошли! (Хватая за воротъ одного изъ носильщиковъ.) Говорятъ тебѣ: стой! экъ разбѣжался, какъ борзая со своры! Ну, что ты, уморить что ли хочешь моего патрона?

(Портшезъ останавливается, Микстурадось выходитъ).

Микстурадось.

Ахъ! я тебѣ жизнью обязанъ, Болтунасъ! еще немножко, и я бы принужденъ былъ ползти на колѣнкахъ!

Болтунасъ. (носильщикамъ).

Каково колѣно вы выкинули! (Микстурадосу.) Я еще въ Овѣдской Улицѣ видѣлъ, какъ вы мчались, и насилу могъ васъ догнать.

1-й носильщикъ (Микстурадосу).

Что жъ, баринъ, на водку?

Микстурадось.

На водку?... пожь вамъ въ глотку, разбойники!

2-й носильщикъ.

Мы, кажись, несли, не лѣнились.

Микстурадось.

Чтобъ вы сквозь землю провалились!

1-й носильщикъ.

Не дадите, такъ мы вѣдь васъ и назадъ отнесемъ!

Микстурадось.

Нѣтъ, нѣтъ! я ужъ лучше заплачу.... Вотъ шесть мараведій, и захлѣбнуться бы вамъ, проклятые!

2-й носильщикъ.

Покорнѣе благодаримъ! и вамъ то-

го же желаемъ! (Уходятъ съ портшезомъ).

Микстурадось.

Ничего не можетъ быть несноснѣе этихъ носилокъ!

Болтунасъ.

Зачѣмъ же васъ нелегкая занесла на нихъ?

Микстурадось.

Донъ Скотинецъ изъ состраданія къ моей усталости посадилъ въ свой портшезъ.... Ахъ, Болтунасъ! гдѣ бъ мнѣ отдохнуть?

Болтунасъ.

Ужъ право не знаю.... здѣсь ни стула, ни скамейки нѣтъ.

Микстурадось.

Болтунасъ! я упаду подъ бременемъ моихъ злополучій!

Болтунасъ.

Пойдемте, я васъ домой отведу.

Микстурадось.

Ни за что! во-первыхъ, у меня силъ не достанетъ; а во-вторыхъ, я не хочу слышать, какъ весь нашъ околодокъ гудитъ про мои семейныя огорченія.... Я лучше попрошу убѣжища у надзирателя этой больницы, снiора Бернадилъо.... вѣдь онъ у насъ лекарства забираетъ. Позвони въ колокольчикъ. (Болтунасъ звонитъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Прежнiе; Бернадилъо.

Бернадилъо.

А! мое почтеніе, снiоръ Микстурадось! что вамъ угодно?

Микстурадось.

Отдохнуть у васъ, съ вашего позволенія.

Бернадилъо.

Очень радъ! Прошу пожаловать!

Микстурадось.

Я бы хотѣлъ у васъ отдохнуть весь

день, всю ночь, завтра и послѣ завтра!.. мнѣ кажется, я теперь тысячу ночей просплю безъ просыпа!

Бернадильо.

На здоровье... спите себѣ вдоволь. По этому вы очень устали?

Микстурадось.

Я весь какъ изломанъ... и если еще передъ вами держусь на ногахъ, такъ единственно лишь изъ учтивости и оттого, что Болтунасъ меня поддерживаетъ. А, не правда ли, Болтунасъ, тяжело тебѣ меня держать?

Болтунасъ.

Тяжело не тяжело, а спина трещить. Сдѣлайте милость, войдите въ комнату, да тамъ и разговаривайте.

Микстурадось.

Еще одно слово, Болтунасъ. Синіоръ Бернадильо! дайте мнѣ особую комнату, за известную плату, разумѣется, да такую комнату, гдѣ бы не слышно было какъ муха пролетитъ. Мнѣ необходима совершенная тишина.

Бернадильо.

Вотъ вамъ комната, окнами сюда въ садъ: въ этомъ отдѣленіи живутъ у меня больные параличемъ, а они народъ самый спокойный.

Микстурадось.

И прекрасно: очень вамъ благодаренъ! Войдемте... веди меня, Болтунасъ.

(Уходятъ въ больницу).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Добрый Геній (одинъ).

Нѣтъ, съдой упрямецъ! до тѣхъ поръ не дамъ тебѣ покоя, покуда ты не перестанешь мучить Изабеллу!

(Прячется. Микстурадось, Бернадильо и Болтунасъ показываются въ среднемъ окнѣ).

Бернадильо.

Изволите видѣть, синіоръ Микстура-

дось: и чистый воздухъ, и шума нѣтъ ни какого.

Микстурадось.

Превосходно! Покорно васъ благодарю, синіоръ Бернадильо. (Снимая верхнее платье) Прикажите мнѣ дать халатъ и колпакъ... А! да ужъ у васъ и такъ все приготовлено!.. Какой порядокъ! это вамъ дѣлаетъ большую честь. (Съ помощію Болтунасы надѣваетъ халатъ и колпакъ и растягивается въ большихъ креслахъ.) Уфъ!.. какъ пріятно уставши потянуться!.. До свиданія, синіоръ... прощай покуда, Болтунасъ... (звѣся) и ты усни себѣ, если хо... (засыпаетъ).

(Вдругъ всѣ окна въ домъ съ шумомъ открываются. Въ каждомъ этажѣ и въ каждомъ окнѣ реветъ, пищитъ и стучитъ. Тутъ на тромбонъ играютъ, тамъ слесарь жельзо пилитъ, жестяникъ молоткомъ колотитъ, столяръ доску строгаютъ: однимъ словомъ, кутерьма невыносимая).

Микстурадось (въ окнѣ).

Ахъ, Боже мой! что это такое? смерть да и только!.. Бернадильо! Бернадильо!.. (Уходитъ отъ окна, и въ ту же минуту всѣ другія окна опять затворяются. Микстурадось, выходя изъ дома съ Бернадильо и Болтунасомъ). Это ужасъ!.. это разбой!

Болтунасъ.

А еще пріятель!.. лекарство у насъ забираетъ!

Бернадильо.

Что съ вами случилось, синіоръ Микстурадось?

Микстурадось.

Да какъ же вамъ не стыдно помѣстить меня подлѣ слесарей, тромбонистовъ, кузнецовъ?.. все это реветъ, пищитъ, стучитъ... ну, просто вонь бѣги!

(Въ это время окна опять открылись и въ каждомъ отдѣленіи видны больные въ халатахъ и колпакахъ: кто читаетъ, а кто спитъ).

Бернадилъ.

Ничего не понимаю, что вы говорите. Посмотрите сами: все мои больные спятъ, или читаютъ про себя... откуда жъ тутъ быть шуму? (*тихо Болтунасу.*) Верно онъ немножко свихнулся?

Болтунасъ (*тихо*).

Есть тотъ грѣхъ.

Микстурадосъ.

Опять все я же виноватъ! Конечно, эти господа не похожи на людей неугомонныхъ... однако жъ, я слышалъ своими ушами: та! та! тукъ! тукъ!.. (*подражая тромбону.*) Бу! у!.. Впрочемъ, можетъ статься, это одно воображеніе... цѣлые сутки у меня голова точно гора огнедышащая. Пойдемъ, воротимся, Болтунасъ... авось я теперь сосну.

(*Уходятъ всѣ въ больницу.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Добрый Геній (*одинъ*).

Засни, попробуй, такъ увидишь, какой сонъ тебѣ приснится! Я напушу на тебя такихъ молодцовъ, что и жизни радъ не будешь! (*Уходитъ въ домъ сумасшедшихъ*).

Микстурадосъ (*показываясь въ окнѣ*).

Дѣйствительно я обманулся: видно прійдется мнѣ на темя льду положить.

(*Всѣ окна опять сами собою открылись. Ревъ, шумъ и стукотня возобновляются съ прежнею силою.*) Ай! ай!... Нѣтъ, ужъ это не мечта! (*Кричитъ.*) Бернадилъ! Бернадилъ! (*окна затворяются*) Помогите! спасите!.. Болтунасъ! Болтунасъ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Микстурадосъ, (*у окна*) Бернадилъ и Болтунасъ (*выбѣгаютъ изъ дома*).

Болтунасъ.

Что тамъ еще такое?

Бернадилъ (*говоритъ ему въ окно*).

Синіоръ Микстурадосъ! я вынужденъ буду наконецъ попросить васъ къ себѣ домой переѣхать: вы своимъ крикомъ нарушаете всегдашнюю тишину въ моей больницѣ.

Микстурадосъ (*въ бѣшенствѣ*).

Тишину, тишину!.. Хороша тишина, чортъ возьми! у васъ хуже, чѣмъ въ аду: всю душу тебѣ истерзаютъ! Нѣтъ, минуты не останусь въ этомъ проклятомъ мѣстѣ!

Бернадилъ.

Голова-то у васъ не на мѣстѣ!

Микстурадосъ.

Я вамъ повторю, что это низко, гадко съ вашей стороны!

Бернадилъ.

Убирайтесь къ чорту!

Микстурадосъ.

Отъ чорта убираюсь!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Прежніе, Скотиницъ.

Скотиницъ.

Тестюшка! гдѣ мой любезный тестюшка?

Бернадилъ.

Да кто вы такіе?

Скотиницъ.

Зять его, разумѣется.

Бернадилъ.

Да чей зять?

Скотиницъ.

Моего тестюшки.

Бернадилъ.

Если вы будете продолжать такимъ образомъ, мы съ вами не скоро поймемъ другъ друга.

Микстурадосъ (*у окна*).

А! насилу-то я васъ дождался, Донъ Скотиницъ.

Скотинецъ.

Добрыя вѣсти: Изабелла въ моихъ рукахъ!

Микстурадосъ.

Неужели!

Скотинецъ.

Сверхъ того еще у меня есть непобѣдимый талисманъ, съ помощью котораго я могу отправить васъ хоть на край вселенной.

Микстурадосъ.

Далеконько, почтенный!... въ портшезѣ ни за что не соглашусь. Войдите сюда, дорогой зятюшка: я вамъ расскажу про мои бѣдствія... я, просто, жертва всевозможныхъ напастей, и Болтунасъ тоже.

Скотинецъ (Бернадилью).

Что такое съ нимъ случилось?

Бернадилью.

Да, кажется, надобно его вонъ туда...
(Указываетъ на домъ сумасшедшихъ) недѣльки на двѣ.

Скотинецъ.

Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ?

Бернадилью.

Право такъ! Да вотъ у него спросите.
(Указываетъ на Болтунаса).

Скотинецъ.

Болтунасъ! Ужели вправду сивіоръ патронъ твой не совсѣмъ въ полномъ разсудкѣ?

Болтунасъ.

Есть тотъ грѣхъ!

Скотинецъ (качая головою).

Ай, ай, ай!...

(Всѣ уходятъ въ больницу).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Добрый Геній (въ видѣ молодой дѣвушки съ рас-

трепанными волосами).

Теперь они сошлись всѣ трое: того-то мнѣ и хотѣлось. Увидимъ, Скотинецъ, какъ-то поможетъ тебѣ твой талисманъ противъ Добраго Генія!.. Падите, рѣшетки, замки и задвижки, за которыми томятся здѣсь такъ называемые сумасшедшіе, потому только, что они не умѣютъ скрывать своей глупости! Обманутые любовники, злополучные супруги! всѣмъ вамъ даю свободу подышать на чистомъ воздухѣ! (По знаку Добраго Генія всѣ двери и рѣшетки въ домъ сумасшедшихъ съ громоу падаятъ, и толпа сумасшедшихъ выбѣгаетъ на площадь).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Добрый Геній, Альбертъ, сумасшедшіе.

Хоръ сумасшедшихъ.

Но 16.

Цѣпей, замковъ, рѣшетокъ нѣтъ!

Мы видимъ неба синій цвѣтъ!

Надъ нами солнышко блеститъ,

И свѣжій воздухъ насъ живитъ!

(Въ это время Скотинецъ, Микстурадосъ, Болтунасъ и Бернадилью показываются въ окнахъ больницы).

Скотинецъ.

Вотъ народецъ-то собрался!

Добрый Геній (сумасшедшимъ).

Друзья! я Дѣва Орлеанская; а вотъ мой красавчикъ, Король Карлъ VII. (Беретъ за руку Альберта). Я обѣщала ему торжественный въѣздъ въ Реймсъ!... Смерть Англичанамъ!

Всѣ сумасшедшіе.

Смерть Англичанамъ!

Скотинецъ.

Уморительная эта сумасшедшая! Какая она дѣва-то? Голландская?

Микстурадосъ.

Орлеанская.

ДОБРЫЙ ГЕНІЙ (*указывая сумасшедшимъ на Скотиница, Микстурадоса, Болтунаса и Бернадилло*).

Вотъ, вотъ они, надменные Альбионцы!... засѣли въ своихъ укрѣпленіяхъ! На штурмъ!

СУМАСШЕДШІЕ.

На штурмъ!

МИКСТУРАДОСЪ (*своимъ*).

Пошлемъ за командой, или тягу дадимъ!

Одинъ изъ сумасшедшихъ.

Я Китайскій Богдыханъ и снабжу васъ аммуниціей. (*Высыпаетъ кучу камнейвъзъ изъ полы халата*).

СУМАСШЕДШІЕ.

Браво!

ДРУГОЙ СУМАСШЕДШІЙ.

А я, Юпитерь, и поставлю вамъ лѣстницу на небо. (*Приноситъ лѣстницу*).

МИКСТУРАДОСЪ (*своимъ*).

Давайте защищаться, чѣмъ ни понало. (*Беретъ половую щетку*).

№ 17.

ДОБРЫЙ ГЕНІЙ.

Впередъ! за мной!
На штурмъ! на бой!
Стрѣлай! пали!
Руби, коли!

СУМАСШЕДШІЕ.

Впередъ! за ней!
На штурмъ! смѣлей!
Стрѣлай! пали!
Руби! коли!

СКОТИНЕЦЪ.

Мы васъ не боимся, Г-жа Дѣва Орлеанская.

ДОБРЫЙ ГЕНІЙ.

А вотъ увидимъ!

Больныхъ спасти
И внизъ свести!
А ихъ и домъ
Сейчасъ вверхъ дномъ!

(*По знаку добраго генія домъ перевертывается крышей внизъ, а фундаментъ вверхъ. Крикъ и хохотъ. Перемѣна.*)

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Цырюльня, съ вывѣскою: Здѣсь брѣютъ кровь, отворяютъ пиявки; припускаютъ зубы, дергаютъ головы—убираютъ мозоли: выводятъ парики! дѣлаютъ Бигаро?

ЯВЛЕНІЕ I.

МАГЛУАРЪ, и потомъ БИГАРО.

МАГЛУАРЪ (*съ головою голую какъ ладонь*).

Кажется, я не туда зашелъ.... Странное дѣло! какъ же это я ошибся?... Нѣтъ, я точно въ цырюльнѣ.... вотъ вывѣска.... прочтемъ. (*Читаетъ*.) «Здѣсь брѣютъ кровь (запятая), отворяютъ пиявки (точка съ запятой), припускаютъ зубы (точка). дергаютъ головы (тире)—убираютъ мозоли (двоеточіе): выводятъ парики (восклицательный знакъ)! дѣлаютъ Бигаро (знакъ

вопросительный)?» Чудо, а не грамматика у цырюльника хватика! (*Кшметъ*.) Эй! снiоръ Бигаро!

БИГАРО (*входя изъ боковой двери и говоря очень скоро*).

Я къ вашимъ услугамъ. Что вамъ угодно, снiоръ кабалеро? кровь пустить, зубъ выдернуть, мозоль вывести, пиявки приставить, или побриться, постричься?...

МАГЛУАРЪ.

Постричься?... Странное дѣло, братецъ!

да гдѣ жъ у меня волосы-то? развѣ ты не видишь?

Бигаро.

Виновать-съ! не замѣтилъ, что у васъ голова, какъ болванъ безъ парика.

Маглуарь.

А все причиною трикъ-тракъ.

Бигаро.

Трикъ-тракъ? какъ такъ?

Маглуарь.

Да такъ, трикъ-тракъ, мнѣ бросили въ голову трикъ-тракъ, я очутился въ клѣткѣ, потомъ съ клѣткой провалился къ чертямъ на дно; черти меня за волосы вытащили опять на верхъ, а волосы у себя оставили. Нельзя ли мнѣ сдѣлать парикъ, поскорѣе?

Бигаро.

Да если вы хотите, у васъ въ пять секундъ выростутъ новые волосы.

Маглуарь.

Странное дѣло, братецъ! какимъ же это способомъ?

Бигаро.

У меня ужъ есть помада такая... вздоровалическая.

Маглуарь.

Вздоровалическая? Что-то не вѣрится.

Бигаро.

А вотъ я вамъ на опытъ докажу. Видите этотъ болванъ? На немъ ничего нѣтъ; а вотъ я только его намажу, и онъ въ мигъ покроется волосами. Какого цвѣта вамъ угодно?

Маглуарь.

Какого у меня были: темнорусаго?

Бигаро.

Извольте. *(Надвѣваетъ перчатки, беретъ помаду, намазываетъ болванъ и онъ покрывается волосами.)*

Маглуарь.

Странное дѣло, сударь! Дай-ка я для пробы усы себѣ сдѣлаю: нынче вѣдъ всякій усы носить. *(Опускаетъ палецъ въ*

баночку и палецъ вдругъ дѣлается на подобіе кисти для бритвы, весь въ волосахъ.) Ай! ай! что это?

Бигаро.

Какая неосторожность! Надо перчатки!

Маглуарь.

Впередъ буду знать. А что стоитъ банка?

Бигаро.

Два дублона.

Скотинецъ *(за дверь)*.

Сюда ходъ въ цирюльню?

Маглуарь *(испугавшись)*.

Донъ Скотинецъ! Я пропалъ!

Голосъ добраго генія.

Не бойся, иди сквозь стѣну! *(Стѣна открывається, Маглуарь исчезаетъ.)*

Бигаро.

А деньги за помаду? Ахъ, ты мошенникъ этакой! *(Бѣжитъ за нимъ въ стѣну, но стѣна закрылась и Бигаро ударяется лбомъ объ стѣну.)* Ой! ой! чортъ съ нимъ! нечего дѣлать, лбомъ стѣны не прошибешь!

ЯВЛЕНІЕ П.

Бигаро и Скотинецъ.

Скотинецъ *(входя)*.

Эй ты, цирюльничъ-парикмахерь!

Бигаро.

Что прикажете, сивіоръ кабалеро?

Скотинецъ.

Завей меня и причеши.

Бигаро.

Сію минуту-съ; никто лучше моего васъ не причешетъ, сивіоръ! Вы видите во мнѣ привилегированнаго парикмахера одиннадцати Европейскихъ, Азіатскихъ, Американскихъ и Африканскихъ дворовъ. Я съ одинакимъ искусствомъ занимаюсь кровопускательными, мозольными и зубными операціями. Цѣлы у васъ зубы? угодно, я вамъ ихъ вычищу?

СКОТИНЕЦЪ.

Ты надоѣлъ мнѣ съ своею болтовнею! Дѣлай, что тебѣ велятъ: завей и причеши меня поскорѣе! Меня ждуть.

БИГАРО.

И вѣрно на любовное свиданіе! О! у Вашего Сіятельства такіе глаза, что Мадритскія дамы, я думаю... ой! ой!

СКОТИНЕЦЪ.

Ты думаешь, плутъ?

БИГАРО.

Чтобъ быть виолнѣ прекраснымъ мужчиною, вамъ недоставало только пройти чрезъ мои руки. Позвольте присѣсть, Ваше Сіятельство: *(подаетъ ему кресло)* одна секунда, и я васъ беру за волосы. *(Уходитъ съ боковую дверь).*

ЯВЛЕНІЕ Ш.

СКОТИНЕЦЪ *(одинъ, смотритъ въ зеркало).*

Этотъ брадобрѣй-завивальщикъ правъ нѣкоторымъ образомъ: физика моя, въ самомъ дѣлѣ, еще не такъ много пострадала отъ всѣхъ этихъ неприятныхъ приключеній... Но ужъ теперь, сударикъ мой, тебѣ не удастся больше меня дурачить, и въ перевернутомъ домѣ заставить ходить вверхъ ногами! Нѣтъ, моя почтенная старушка невѣста теперь ужъ тебя самого приструнить! Она подарила мнѣ талисманъ, свой локонъ, бѣлый какъ снѣгъ, и длинный предлинный... не мудрено: росъ тысячу сто одиннадцать лѣтъ.. Я сдѣлалъ изъ него цѣпочку для часовъ. *(Показываетъ на какую-то вереску толстую.)* Этими я возвратилъ себѣ Пзабеллу и поручилъ ее подъ сохраненіе Микстурадосу; и какъ только меня причешетъ, мы уѣдемъ изъ Мадрита. А если соперникъ мой вздумаетъ гнаться за нами, я при помощи моего талисмана такъ его скручу, что онъ и костей не сберетъ!... жъ я Ужъ надъ нимъ патѣшусь! кубаремъ онъ у меня завертнется, да не отвертнется!

БИГАРО *(возвращаясь съ компасами).*

Готово, Ваше Сіятельство.

(Въ это время въбѣгаетъ танцуя Добрый Геній, съ сидъ Испанской плясуньи).

ЯВЛЕНІЕ IV.

СКОТИНЕЦЪ, БИГАРО и ДОБРЫЙ ГЕНІЙ.

СКОТИНЕЦЪ.

Клянусь Іаковомъ Компостельскимъ, чудо дѣвочка!

ДОБРЫЙ ГЕНІЙ.

Въ самомъ дѣлѣ, синіоръ?

БИГАРО *(зависая Скотиница).*

Это должна быть канатная плясунья.

СКОТИНЕЦЪ.

Кто ты и какъ тебя зовутъ?

ДОБРЫЙ ГЕНІЙ.

Замбипеллой; я танцовщица съ провинціального театра и дѣлала сборы; но содержатель мнѣ отказалъ, подѣ предложеномъ, будто-бы я отяжелѣла.

(Дѣлаетъ антраша).

СКОТИНЕЦЪ.

Да ты легка какъ Спльфида!

БИГАРО.

Какъ вѣтерокъ!

ДОБРЫЙ ГЕНІЙ.

Содержатель говоритъ, что будто бы у меня глаза безъ выраженія...

(Смотритъ на Скотиница).

СКОТИНЕЦЪ.

Напротивъ, у тебя глаза убійственные!

ДОБРЫЙ ГЕНІЙ.

Руки не хороши... *(становится съ позитуру).*

СКОТИНЕЦЪ.

Вретъ онъ, дуракъ!

ДОБРЫЙ ГЕНІЙ.

Ноги слишкомъ тонки... *(поднимаетъ ногу подѣ самый носъ Скотиница).*

БИГАРО.

Какія полненькія!

СКОТИНЕЦЪ.
У самой Венеры не лучше!
Добрый Геній.
Талія не складна...
СКОТИНЕЦЪ.
Ахъ онъ, животное!
Добрый Геній.
А вы?
СКОТИНЕЦЪ.
Я?
Добрый Геній.
Да, вы что скажете?
СКОТИНЕЦЪ.
Я скажу, что ты прелестна!
Добрый Геній.
Хотите вы меня взять?
СКОТИНЕЦЪ *(вставая)*.
Разумѣется, хочу. *(Въ сторону.)* Она еще лучше Изабеллы. *(Тихо, къ Бигаро, давая ему денегъ.)* Поди, купи конфектъ. *(Бигаро уходитъ.)*
Добрый Геній.
Вѣдь вы содержатель?
СКОТИНЕЦЪ.
Все, что тебѣ угодно.
Добрый Геній.
Такъ вы позволите мнѣ дебютировать момъ *pas du châte*: это я лучше всего танцую. Нѣтъ ли съ вами шарфа?
СКОТИНЕЦЪ.
Есть носовой платокъ, когда угодно.
Добрый Геній *(снимаетъ съ него толстую волосяную цѣпочку)*.
Нѣтъ... вотъ что мнѣ надобно...
СКОТИНЕЦЪ *(останавливая ее)*.
Нельзя!..
Добрый Геній.
Неужто вы мнѣ не довѣряете?
СКОТИНЕЦЪ.
Но, послушай...
Добрый Геній.
N. 18.

Синіоръ! мнѣ, право, непонятно:
Ужли вамъ дрянн этой жалъ?
Я вамъ отдамъ се обратно,

Лишь протанцую *pas du châte*.
Потомъ прельшу я васъ качучей,..
(Ласкаясь къ нему, съ пѣвностію).
Потомъ...
СКОТИНЕЦЪ *(обнимая ее)*.
Потомъ?..
Добрый Геній.
Но я молчу...
СКОТИНЕЦЪ.
Ахъ, пѣть, скажи!
Добрый Геній *(опустивъ глаза)*.
На первый случай
Всего сказать вамъ не хочу...
Но за пѣпочку заплачу!
СКОТИНЕЦЪ *(въ восторгѣ)*.
О! для тебя я готовъ отдать все на свѣтъ! *(Снимаетъ съ себя цѣпочку и отдаетъ.)* Возьми, возьми — и танцуй!
Добрый Геній.
Мнѣ танцовать!... Нѣтъ, теперь ужъ ты самъ у меня напляшешься, Донъ Скотинецъ!
СКОТИНЕЦЪ *(удивясь)*.
Что это значить?
Добрый Геній.
А то, что ты глупъ какъ пробка, и что тебѣ этой цѣпочки и Изабеллы какъ ушей своихъ не видать! Простись съ талисманомъ Сары! *(Убѣгаетъ въ стѣну)*.
—
ЯВЛЕНІЕ V.
СКОТИНЕЦЪ *(одинъ)*.
Опять меня надули!... О! видно и старая колдунья, Сара, съ ними за одно!... Конечно! теперь я рѣшилъ!
No 19.
Безъ Изабеллы не останусь!
Безъ ней противень мнѣ весь свѣтъ!
Сейчасъ же съ жизнію разстанусь.
Вотъ тутъ есть кетати пистолетъ!
(Снимаетъ со стѣны пистолетъ).
Мой договоръ съ судьбою сложенъ,
И часъ послѣдній мой насталъ!...
(Осмотрѣвъ пистолетъ).
Ахъ, чортъ возьми! да онъ заряженъ!...
Я этого не ожидалъ.

Стрѣляться, или не стрѣляться?...
 Дай хорошенько разужу....
 Стрѣляться — съ жизнью разстаться....
 Кому жъ я этимъ угрожу?
 (Смотрясь въ зеркало).

Вотъ зеркало... въ него гляжу я....
 Кто это?... я!... такъ жизнь любя
 Ужъ лучше въ зеркало хвачу я:
 Вѣдь это то же, что въ себя!

(Стрѣляетъ въ зеркало: зеркало исчезаетъ, и на его мѣстѣ является Сара).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Скотиницеъ, Сара.

САРА.

Ты усомнился во мнѣ, Скотиницеъ, и вотъ почему я не явилась къ тебѣ въ ту же минуту. Ты былъ такъ неостороженъ, что позволилъ у себя отнять мой талисманъ, и я ужъ не дамъ тебѣ другаго до тѣхъ поръ, пока ты на мнѣ не женишься и не исполнишь обязательства, тобою подписаннаго. А теперь слѣдуй за мною: я велѣла для тебя соорудить великолѣпный замокъ въ двадцать четыре часа, и въ этомъ замкѣ завтра же мы будемъ праздновать нашу свадьбу. (Уходятъ).

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

ОСТРОВЪ ДОБРАГО ГЕНІЯ.

Фантастическій видъ: на право и на лѣво сады Добраго Генія, украшенные превосходными цвѣтами и деревьями, по которымъ порхаютъ радужныя птицы. Въ глубинѣ сцены, по срединѣ большая лѣстница, ведущая въ чертоги Добраго Генія; чертоги сквозные золотые; лѣстница серебряная. По обѣимъ сторонамъ разныя игры, качели и проч.; подданные Добраго Генія забавляются ими, и когда маленькая декорация исчезаетъ, въ большой все въ движеніи.

ЯВЛЕНІЕ I.

Добрый Геній, Альбертъ и Изабелла, пріѣзжаютъ на колесницѣ, везомой стаєю разноцвѣтныхъ бабочекъ).

ДОБРЫЙ ГЕНІЙ.

Вотъ мы и пріѣхали.

ИЗАБЕЛЛА.

Гдѣ же мы теперь?

ДОБРЫЙ ГЕНІЙ.

Въ моемъ владѣніи. Здѣсь вы отдохнете отъ трудовъ и отъ преслѣдованій колдуньи Сары.

АЛБЕРТЪ.

Чѣмъ доказать тебѣ нашу признательность!...

ДОБРЫЙ ГЕНІЙ.

Любите другъ друга пламенно и постоянно — вотъ лучшая для меня награда.

ИЗАБЕЛЛА.

Чтобъ быть совершенно счастливой,

мнѣ недостаетъ только моего отца, моего бѣднаго батюшки, который, при всемъ своемъ упрямствѣ, безъ сомнѣнія, любитъ меня со всею родительскою нѣжностью.

ДОБРЫЙ ГЕНІЙ.

Я не могу перенести сюда твоего отца, потому что онъ покуда все еще подъ вліяніемъ Сары.

ИЗАБЕЛЛА.

Бѣдный батюшка!

ДОБРЫЙ ГЕНІЙ.

А ты, Альбертъ, чего бы еще желалъ?

АЛБЕРТЪ.

У меня былъ глупый, но вѣрный и добрый слуга, котораго, конечно, преслѣдуютъ тамъ за усердіе и привязанность къ своему господину; если бъ Маглуаръ могъ быть теперь со мною, я бы ничего не желалъ болѣе.

Добрый Геній.

Благодарность—свойство душъ благородныхъ, и потому я напередъ зналъ твое желаніе; смотри — оно исполнено!

ЯВЛЕНІЕ II.

Прежніе и Маглуаръ, (съ длинными волосами).

Албертъ.

Маглуаръ!

Маглуаръ (въ восторгѣ).

Странное дѣло! Синіоръ! васъ ли я вижу?... себя не помню отъ радости!... Но гдѣ это мы съ вами очутились?

Албертъ.

У нашего повровителя, добраго генія.

Маглуаръ.

Ахъ! да какъ же здѣсь хорошо!... И синіора Изабелла съ нами вмѣстѣ сюда же пошла!... Здравствуйте, прекрасная синіора! имѣю честь свидѣтельствовать вамъ свое наиглубочайшее... Синіоръ Добрый Геній! позвольте ручку поцѣловать. (Цѣлуетъ руки у Изабеллы и Добраго Генія.)

Добрый Геній.

Перестаньте грустить, прелестная Изабелла: вы еще увидите съ вашимъ батюшкой.

Изабелла.

Мнѣ кажется, что если бъ я могла съ нимъ видѣться и говорить, я бы тронула его моими слезами... я бы упросила его отказаться отъ своего намѣренія. Но если ужъ ему здѣсь быть нѣтъ ни какой возможности, по крайней мѣрѣ, нельзя ли мнѣ у него побывать?

Добрый Геній.

Берегитесь оставлять этотъ островъ!

Одинъ шагъ отсюда и вы опять въ сѣтяхъ у Сары!... Но я слышу въ дали веселые звуки музыки... это знакъ, что мои приказанія исполнены, и танцы сейчасъ начнутся.

Маглуаръ.

Извините мою дерзость, сіятельный синіоръ Добрый Геній!... а мнѣ, съ вашего позволенія, смерть хотѣлось бы червячка заморить!

Добрый Геній.

Ты ѣсть хочешь? выбирай любое кушанье.

Маглуаръ.

Мнѣ такъ чего-нибудь.... Кусочикъ пидѣчки, телятинки, свининки, цыпленочка, говядинки, да бутылочки двѣ хересцу — и довольно.

Добрый Геній (своему гофмейстеру).

Дай ему все, что онъ просить.

Маглуаръ (кланяясь).

Покорнѣйше васъ благодарю. (Уходя, въ сторону.) Какъ знать что впередъ случится? Разомъ наѣмся на двѣ недѣли.

Добрый Геній.

Счастливые обитатели острова! Начинайте празднество въ честь моихъ дорогихъ гостей!

Но 21.

(Добрый Геній, Изабелла и Албертъ садятся на великолѣпномъ возвышеніи и смотрятъ на танцующихъ. Балетъ. Къ концу балета раздаются громовые удары, небо багровѣетъ, и Сара, окруженная группою змій, поднимается надъ трономъ Добраго Генія. Въ остаются неподвижными.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Дикое мѣстоположеніе. Направо гостиница, столъ и два стула.

ЯВЛЕНІЕ I.

Микстурадось и Маглуарь, *(входятъ съ разныхъ сторонъ)*.

Микстурадось.

Маглуарь! Вѣрить ли глазамъ?...

Маглуарь.

Синіоръ Микстурадось!

Микстурадось.

Говори скорѣе, несчастный: гдѣ негодный твой господинъ и мучительница дочь моя?

Маглуарь.

Странное дѣло, синіоръ аптекаръ! почему я знаю? Ужъ болѣе полусутокъ какъ я съ ними разстался.

Микстурадось.

Въ какомъ мѣстѣ?

Маглуарь.

Подъ облаками.

Микстурадось.

Подъ облаками?... ты съ ума сошелъ!

Маглуарь.

Нѣтъ, съ облаковъ слетѣлъ.

Микстурадось.

Какимъ образомъ?

Маглуарь.

Внизъ головой.... а прежде мы были на необитаемомъ острову, гдѣ насъ отлично приняли; угощали всѣмъ, и даже танцами!

Микстурадось.

Какой же это необитаемый островъ, на которомъ вы нашли и угощеніе, и танцы?

Маглуарь.

Чудесный островъ! Пропастъ народу, и все люди такіе славные, гостепріимные.... Сколько цвѣтовъ, цвѣтовъ, деревьевъ, птицъ съ радужными перышками!.. Дома

все изъ сахара и леденца.... представьте себѣ богатую кондитерскую на три мили въ окружности, и вы будете имѣть нѣкоторое понятіе объ этомъ островѣ. Мнѣ отвели квартиру въ великолѣпныхъ бисквитныхъ палатахъ; въ ожиданіи обѣда я только началъ было колупать стѣны моего жилища, какъ вдругъ огромный чортъ схватилъ меня и прицѣпилъ къ хвосту крылатаго змѣя.

Микстурадось.

Что ты за дичь такую мнѣ порешь?

Маглуарь.

Странное дѣло! я вамъ не дичь порю, а сущую правду. Слушайте. Змѣй взвился и полетѣлъ подлѣ великолѣпнаго воздушнаго шара; подлѣ шаромъ, въ лодочкѣ, сидѣла ваша дочь, которую также оторвали отъ Алберта, какъ меня отъ бисквитной стѣны. Синіора Изабелла хотѣла мнѣ рассказать, какимъ манеромъ съ нею это случилось.... какъ вдругъ большущая птица налетаетъ на моего змѣя, начинаетъ съ нимъ драку.... и я ужъ не помню какъ очутился на землѣ; помню только, что сдѣлалъ сальто-мортале внизъ головою, и потерялъ тавлинку съ табакомъ.

Микстурадось.

Ну! видно я навсегда лишился дочери! И какой чортъ дернулъ меня принуждать ее быть женою этого дурака Скоттипеца!... Опъ, опъ одинъ причиною всѣхъ нашихъ несчастій!

Маглуарь.

Вамъ-то все еще сносно; если вы дочери лишились, такъ у васъ аптека осталась; а мнѣ-то какво! Я теперь и безъ

барина, и безъ денегъ, и безъ мѣста!..
Возьмите хоть вы меня къ себѣ, синіоръ
аптекарь!

Микстурадосъ.

Да на что ты мнѣ годишься?

Маглуаръ.

Какъ на что? Странное дѣло!

Но 22.

Я чистить сапоги умью.

Микстурадосъ.

Я ихъ не чищу никогда.

Маглуаръ.

Пожалуй, бороду обрѣю.

Микстурадосъ.

И брьюсь самъ я завсегда.

Маглуаръ.

Да мало ль что еще такое
Умью я!

Микстурадосъ.

Э! полно врать...

Лишь изъ порожняго въ пустое
Умьешь ты пересыпать!

Маглуаръ.

Странное дѣло! По крайней мѣрѣ, за
всѣ передраги, что я потерпѣлъ черезъ
ваше упрямство, вы хоть угостите меня
завтракомъ и бутылкою вина. А вотъ
кстати и трактиръ.

Микстурадосъ.

Пожалуй. (Садятся за столъ). Маль-
чикъ! Эй!.. (Стучитъ по столу, маль-
чикъ является). Двѣ сигаретки и свѣ-
чу!.. скорѣе! (Мальчикъ уходитъ).

Маглуаръ.

Странное дѣло!

Но 23.

«Двѣ сигаретки и свѣчу!»

Благодарю за угощенье,

Я не курить, а вѣсть хочу.

Микстурадосъ.

Терпѣнье, Маглуаръ терпѣнье!

Я съѣсть и выпить самъ бы радъ,

Да что же дѣлать! денегъ нѣту!

Маглуаръ.

Я васъ оставлю подъ закладъ

За рюмку водки и котлету!

(Мальчикъ приноситъ свѣчу и дѣлаетъ си-
гаретки).

Маглуаръ (Мальчику).

Порцію котлетъ и рюмку водки!

Микстурадосъ (то же).

Двѣ порціи и двѣ рюмки! (Мальчикъ
уходитъ). Ужъ лучше я тебя подъ за-
кладъ оставлю!

Маглуаръ.

Пожалуй, если возьмутъ: я изъ пустя-
ковъ спорить не стану. (Хотятъ заку-
рить сигаретки: свѣча начинаетъ хо-
дить кругомъ по столу).

Маглуаръ.

Странное дѣло! опять бѣсовскія шту-
ки!

Микстурадосъ.

Постой, дай сдѣлать ей еще кругъ...
какъ подойдетъ, мы ее схватимъ и заку-
римъ.

(Стулья начинаютъ вертѣться).

О ба.

Ай! ай!.. (На крикъ приближаетъ маль-
чикъ съ тарелками и рюмками на под-
нось).

Стулья останавливаются на преж-
нихъ мѣстахъ).

Мальчикъ.

Что съ вами, синіоры?

Микстурадосъ (вскакивая).

Провалитесь вы и съ кушаньемъ и съ
трактиромъ!

(Убѣгаетъ).

Маглуаръ.

Чортъ бы васъ взялъ и съ котлетами
и сигаретками!

(Убѣгаетъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Мальчикъ, потомъ Албертъ и Доб-
рый Геній.

Мальчикъ (въ удивленіи
держитъ въ рукахъ
подносъ съ тарел-
ками и рюмками).

Что они, бѣлены обѣялись, что ли?

АЛБЕРТЬ *(въ задумчивости выходя съ противоположной стороны отъ той, куда убили Микстурадосъ и Маилуаръ)*.

Здѣсь назначилъ мнѣ свиданіе Добрый Геній... однако жъ я его не вижу... и отъ кого я узнаю, былъ ли онъ или еще не былъ? Мнѣ неизвѣстно, какой новый видъ вздумалъ взять на себя мой покровитель... *(Садится у стола)*. Ахъ! я начинаю сомнѣваться въ постоянствѣ его могущества!...

МАЛЬЧИКЪ.

Что угодно синіору?

АЛБЕРТЬ *(съ досадой)*.

Ничего.

МАЛЬЧИКЪ.

Но...

АЛБЕРТЬ.

Пошелъ прочь! *(Мальчикъ хочетъ уйти)*.

ДОБРЫЙ ГЕНІЙ *(въ видѣ школьника)*.

Постой, любезный, что у тебя такое?

МАЛЬЧИКЪ.

Коклеты и водка.

ДОБРЫЙ ГЕНІЙ *(сядась за столъ противъ Алберта)*.

Водки я не пью... а принеси бутылку шампанскаго и два стакана.

МАЛЬЧИКЪ *(уходя)*.

Слушаю-съ.

ДОБРЫЙ ГЕНІЙ *(Алберту)*.

Позвольте мнѣ съ вами познакомиться и поподчивать васъ бокаломъ вина.

АЛБЕРТЬ.

Не желаю ни того, ни другаго. *(Отворачивается)*.

ДОБРЫЙ ГЕНІЙ.

Очень сожалею... а впрочемъ я увѣренъ, что вы не откажетесь... Прошу васъ! *(Мальчикъ приноситъ бутылку и два стакана, и уходитъ)*.

АЛБЕРТЬ.

Оставьте меда въ покъ!

ДОБРЫЙ ГЕНІЙ.

Вы не хотите вина?... А! я вижу: вы разстроены. Я отъ одного моего пріятеля пришелъ сюда, и тоже въ грустномъ расположеніи. По неосторожности, я допустилъ у этого пріятеля похитить предметъ его нѣживѣйшей страсти.

АЛБЕРТЬ *(оборачиваясь къ нему)*.

Что такое?

ДОБРЫЙ ГЕНІЙ.

Въ досадѣ за обманъ, я поклялся отомстить похитителю и отомщу навѣрно! Понимаете ли?

АЛБЕРТЬ *(всматриваясь въ него)*.

Нѣтъ... точно... Я не ошибаюсь... это ты!...

ДОБРЫЙ ГЕНІЙ.

Да! это я!

№ 24.

Ты меня узналъ!

АЛБЕРТЬ.

Я узналъ тебя!

ДОБРЫЙ ГЕНІЙ.

Ты сейчасъ ропталъ?

АЛБЕРТЬ.

Я клянусь себя!

Вмѣстѣ.

О добрый другъ, Геній мой!

И здѣсь опять ты со мной!

О! какъ скоро я съ тобой —

Я счастливъ судьбой!

ДОБРЫЙ ГЕНІЙ.

О добрый другъ, милый мой!

Не упадай предъ судьбой!

И пусть тебѣ грозятъ бѣдой —

Твой Геній съ тобой!

ДОБРЫЙ ГЕНІЙ.

Хочешь ли распить

Релерерь со мной?

АЛБЕРТЬ.

Съ тѣмъ, чтобъ говорить

Лишь о ней одной!

Вмѣстѣ.

О, добрый другъ, геній мой... и проч.

Добрый геній.

О, добрый другъ, милый мой!... и проч.

Альбертъ.

Гдѣ жъ она? гдѣ моя Изабелла?

Добрый геній.

Когда Сара, воспользовавшись моею неосмотрительностью, похитила у насъ Изабеллу, я оставилъ тебя за тѣмъ, чтобъ справиться въ книгѣ судебъ, куда унесена твоя невѣста; я узналъ, что она въ Санта-Крусъ, въ великолѣпномъ замкѣ, который Сара велѣла построить въ нѣсколько часовъ, собственно для своей свадьбы съ Скотинцемъ, и сегодня же эта свадьба совершится. Ты не долженъ опасаться своего соперника: старая и ревнивая колдунья охраняетъ твою Изабеллу отъ свѣтей Скотинца лучше чѣмъ кто нибудь другой, даже лучше чѣмъ я или ты.

Альбертъ.

Но когда такъ, зачѣмъ же ее у меня похитили?

Добрый геній.

Сара дала слово Скотинцу, и Скотинецъ женится на ней не иначе, какъ съ тѣмъ, чтобъ Изабелла, если ужъ не ему, то и никому не принадлежала.

Альбертъ.

Что жъ ты хочешь предпринять?

Добрый геній.

Мое платье довольно тебѣ объясняетъ мое намѣреніе. Я нашелъ вѣрное средство лишить Сару этой проклятой власти, которую она употребляетъ для того только, чтобъ гнать тебя; но я не могу дѣйствовать до тѣхъ поръ, покуда она не будетъ женою Скотинца: тогда лишь я ее уничтожу. Въ Санта-Крусъ будетъ ея свадьба, и въ Санта-Крусъ мы отправимся, но не одни, а съ многочисленной и шумной компаніей... (Въ это время выбѣгаетъ на сцену толпа школьни-ковъ.) Вотъ она!

ЯВЛЕНІЕ III.

Прежніе и толпа школьнико́въ.

№ 25.

Школьники.

Два часа,

Мы свободны отъ ученья!

Два часа

Намъ дано для развлеченья!

Пошалимъ

И труды вознаградимъ!

Добрый геній.

Товарищи! какъ же вы намѣрены провести свободное время?

Одинъ изъ школьнико́въ

Будемъ играть въ лошадки.

Другой.

Или въ мячики.

Добрый геній.

Это все очень весело, разумеется... но я получше придумаю... Пойдемте на свадьбу!

Всѣ.

На свадьбу?

Добрый геній.

На невиданную свадьбу: Дочь Скотинца женится на старухѣ тысяча ста одиннадцати лѣтъ.

Всѣ.

Неужели!

Добрый геній.

Попоемъ, пошумимъ, покутимъ на этой свадьбѣ!

Всѣ.

Хорошо! хорошо!

Добрый геній.

Идите же за мною! война новобрач-нымъ!

Всѣ.

Война!

№ 26.

Война! война! война!

Пропали вы въ конецъ,

И древняя жена,

И глупый Скотинецъ!

(Всѣ уходятъ).

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Окрестности Мадрита. Домикъ на правой сторонѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Скотиницеъ и Родригецъ.

Скотиницеъ.

Я ничего не пожалю, и хочу, чтобъ моя свадьба всѣхъ ослѣпила своею пышностью. Скажите, сивіоръ Родригецъ, крѣпко ли содержится Изабелла въ Санта-Майоръ, новомъ замкѣ моей будущей супруги?

Родригецъ.

Удивительно! я шесть часовыхъ поставилъ.

Скотиницеъ.

Надѣюсь на ихъ мужество и высокія стѣны. Теперь пойдете на встрѣчу моей невѣстѣ. Свадебная процессія сейчасъ начнется.

(Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Добрый геній и школьники.

Добрый геній (входъ).

А! негодный развратникъ! ты хочешь имѣть жену и любовницу!... Но ты за это заплатишься! (Школьникамъ.) Товарищи! съ вами музыкальные инструменты?

Школьники.

Вотъ они! (Показываютъ кастрюли, сковороды, тазы, и проч.)

Добрый геній.

Хорошо... церемонія приближается... спрячемтесь покуда. (Уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Свадебная процессія. Впереди Родригецъ и два Алгвазила, потомъ Скотиницеъ (ведетъ за руку Сару: Сара

одѣта великолѣпно, и брилліанты еще болѣе выказываютъ ея безобразіе.) Провожатые, Болтунасъ, лакеи и за ними нѣсколько алгвазиловъ.

Хоръ.

Виватъ! въ союзъ вступаешь

Притирная чета:

Еѣ соединяешь

Любовь и красота!

(Школьники врываются на сцену и начинаютъ кутерьму: колотятъ въ кастрюли, сковороды, и проч.)

Скотиницеъ.

Что это за трескотня! Родригецъ! уйдите этихъ сорванцовъ.

Добрый геній.

Не гнѣвайтесь, Донъ Скотиницеъ: мы въ честь вамъ свой концертъ составили. (Продолжаютъ трезвонить и потомъ уходятъ.)

Скотиницеъ.

Подлые мальчишки!...

САРА.

Успокойтесь, мой другъ!.. Въ эту торжественную минуту власть моя безсильна; но послѣ мы имъ отплатимъ.

Скотиницеъ (Болтунасу).

Болтунасъ! будь здѣсь покуда, и если эти головорѣзы опять сюда появятся, сходи за корреджидоромъ и командою.

ПОВТОРЕНІЕ ХОРА.

Виватъ! въ союзъ вступаешь.... и проч.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Болтунасъ (одинокъ).

Скоро ли кончится эта свадебная церемонія!... Я такъ проголодался со вчерашняго дня, что даже чувствую боль подъ ложкою!... Хоть бы корочку хлѣба

достать гдѣ нибудь!... Сколько разъ я принимался ѣсть, и все по напрасну: лѣшій подвернется, глядь—по усамъ текло, а въ ротъ не пошло!... (*Подходя къ домику.*) Но вотъ харчевня, кажется, авось либо отведу душку! (*Кличетъ.*) Гей! ма-лой!

Харчевница (*выходя изъ домика.*)

Чего изволите?

Болтунасъ.

Телятины и хересу.

Харчевница (*уходя*).

Сю минуту-съ.

Болтунасъ (*приближаясь къ авансценѣ.*)

Слава Богу! наконецъ добрался до съѣстнаго! Ничего нѣтъ несноснѣе тощаго желудка! Другимъ, можетъ быть, это смѣшно, а мнѣ такъ тошно!... Не даромъ пословица: сытый голоднаго не разумѣетъ.

(*Покуда онъ это говорилъ, домикъ съдѣлался домомъ и вдвое больше прежняго.*)

Болтунасъ (*возвращаясь къ домику.*)

Что жъ? скоро ли, любезная? а?... (*Изъ дома выходитъ женщина огромнаго роста.*) Ой! откуда взялась дылда такая?

Огромная женщина.

Что вамъ угодно?

Болтунасъ (*въ сторону*).

Эко горло! какъ изъ бочки!... а впрочемъ мнѣ же лучше, если порціи будутъ съ хозяйкой въ пропорціи: я въ вѣрномъ выигрышѣ! (*Вслухъ.*) Телятины и бутылку хереса.

Огромная женщина (*уходя*).

Слушаю-съ!

Болтунасъ.

Посмотримъ, что-то она мнѣ вынесетъ. (*Огромная женщина, съ такимъ же огромнымъ слугою, выноситъ превысокій столъ съ большимъ кусищемъ телятины и бутылку хереса: Болтунасъ никакъ не можетъ ихъ достать.*) Ну, вотъ: новая пытка! Убирайтесь съ вашимъ столомъ къ чорту! (*Столъ уносятъ и домъ дѣлается премаленькимъ домикомъ.*) А впрочемъ что жъ я за дуракъ? съ помощью лѣстинцы я могъ бы достать.... Гей! послушайте!... (*увидя маленькій домикъ.*) Ну, вотъ! теперь домъ сталъ кукольная комедія.

Премаленькая женщина.

Что прикажете, синіоръ?

Болтунасъ (*въ сторону*).

Такъ вотъ, поставлю же на своемъ! (*Вслухъ.*) Телятины и бутылку хереса!

Премаленькая женщина.

Сейчасъ-съ.

Болтунасъ.

Вѣрно подадутъ мнѣ чуточный кусочекъ.

(*Премаленькая женщина выноситъ крошечный столикъ, такую же бутылочку и тарелочку съ едва-замѣтнымъ кусочкомъ телятины. Болтунасъ садится на землю.*)

Ну, такъ, я не ошибся... тутъ нечѣмъ и ротъ марать!

(*Хочетъ ѣсть. Школьники выбѣгаютъ опрокидываютъ столикъ и съ хохотомъ скрываются.*)

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Небольшая спальня въ готическомъ вкусь.

ЯВЛЕНИЕ I.

Изабелла (одна).

Я въ заперти... я въ заключеніи — во власти у Скотиница... о! нѣтъ, я все таки найду средство возвратить свободу!... Они забыли запереть окно — и я въ него брошусь. (Хочетъ броситься въ окно: записка съ камнемъ падаетъ къ ея ногамъ.) Записка отъ Алберта!... ах! неужели еще есть надежда?... (Читаетъ.) «Милый другъ, Изабелла! Страданія наши скоро прекратятся. Я видѣлся съ вашимъ батюшкой — и наконецъ мои просьбы тронули его сердце: онъ согласенъ на бракъ нашъ. Я въ ту же минуту хотѣлъ было перебраться черезъ стѣны вашей темницы, но меня удержалъ нашъ покровитель. Власть Сары, сказала онъ мнѣ, нынѣшнюю же ночь кончится — и мы надъ Скотиницею одержимъ вѣрную побѣду. Послѣдуйте моему примѣру, милая Изабелла, и предайтесь волѣ нашего друга: будьте увѣрены, что это испытаніе послѣднее. — Вашъ любовникъ и другъ,

Албертъ. »

ЯВЛЕНИЕ II.

Изабелла, Болтунась.

Изабелла.

А! это ты, Болтунась.... ты пришелъ освободить меня, не правда ли?

Болтунась.

Напротивъ... Теперь я душой и тѣломъ

преданъ синіору Скотиницу: онъ богатъ, какъ жидъ, и могущественъ, какъ волшебникъ. По его приказанію я пришелъ перевести васъ въ другое отдѣленіе этого великолѣпнаго замка, который построенъ въ двадцать четыре часа для свадьбы Дона Скотиница съ Доной Сарою.

Изабелла.

Какъ! Донъ Скотиницъ женится?

Болтунась.

Онъ ужъ женился... если можно такъ выразиться.

Изабелла.

О! такъ я спасена!

Болтунась.

Ничуть не бывало. Его жена старѣе его тысячью сто одиннадцатью годами: стало, вы можете догадаться, что эта женитьба только по разсудку; а на васъ-то онъ женится по страсти. Но такъ какъ у насъ въ Испаніи двухъ женъ разомъ имѣть не позволено, то синіоръ Скотиницъ, черезъ недѣлю послѣ свадьбы, катнетъ въ Константинополь... а тамъ это ни почемъ!

Но 28.

Константинополь для женатыхъ

Чудесившая сторона.

Тамъ, слышно, у мужей богатыхъ

Что мѣсяцъ — новая жена.

И какъ мѣняетъ мы перчатки,

Такъ точно женъ мѣняютъ тащ.

А здѣсь такъ нѣтъ, здѣсь вязки гладки,

Одной лишь мажутъ по губамъ.

Но.... тсъ!... сюда идутъ новобрачные въ свои комнаты, позвольте же, я васъ въ ваши отведу.

Изабелла.

О, Албертъ!... Албертъ!

(Болтунасъ уводитъ Изабеллу въ боковую дверь. Среднія двери съ шумомъ открываются и входятъ дамы въ блестящихъ платьяхъ; за ними Скотиницеъ и Сара. Дамы отдернувъ занавѣсы постели, почтительно раскланиваются и уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

СКОТИНЕЦЪ, САРА.

СКОТИНЕЦЪ.

Вы благороднымъ образомъ вознаграждаете меня за гоненія судьбы, любезная супруга. Я не могу надивиться на мой замокъ, и всё, глядя на него, только ротъ развѣваютъ; да, архитекторъ вашъ собаку съѣлъ, надо отдать ему справедливость.

САРА.

Я хотѣла этимъ доказать мою нѣжную къ тебѣ привязанность.

СКОТИНЕЦЪ.

И я съ своей стороны приготовилъ для васъ свадебную корзинку.

САРА.

Это очень мило! Я сейчасъ же взгляну на твои подарки. (Открываетъ корзинку.) Что это?... пудра... табакерка и очки!... Отъ вашей бабушки, что ли, вы мнѣ это принесли?

СКОТИНЕЦЪ (въ сторону).

Кажется, я приличное выбралъ.

САРА.

Донъ Скотиницеъ! смотрите, какъ я дорожу вашей корзинкой. (Отворяетъ окно и выбрасываетъ ее.) Теперь мы съ вами одни, и, я надѣюсь, вы оставите этотъ холодный тонъ, это ледяное обращеніе.... Ну же, сударь, подойдите поближе, приласкайте меня!... вѣдь я, кажется, жена ваша.

СКОТИНЕЦЪ (въ сторону).

Вотъ комиссія-то!

САРА.

Подѣлуйте меня... я вамъ позволяю.

СКОТИНЕЦЪ.

Но я столько деликатень и вѣжливъ, что никакъ не употреблю во зло вашего позволенія... я боюсь оскорбить вашу скромность....

САРА.

Полоте, Скотиницеъ, вы меня выводите изъ терпѣнія!... да, ну же, дѣлуйте!... я хочу, чтобъ вы меня дѣловали!

СКОТИНЕЦЪ (въ сторону).

Ухъ!... морозъ по кожѣ подираетъ!...

САРА.

Ты колеблешься?... Безсмысленный!... Если бъ ты зналъ, какое счастье тебя ожидаетъ!

СКОТИНЕЦЪ.

Помилуйте, я за особенное счастье почту... (Въ сторону.) Ну! такъ и быть!... зажмурюсь!

САРА.

Да, ну же!

СКОТИНЕЦЪ (зажмурясь и съ усиленіемъ цѣлуетъ ее).

Уфъ!... (Въ ту же минуту, стѣдыя волосы и платье Сары исчезаютъ, и она дѣлается молоденькою, свѣженькою и прекрасною.) Что я вижу!.. ахъ, какая прелесть!

САРА.

Неужели?... Зеркало поскорѣ!

Театръ перемѣняется.

(Великолпная волшебная зала съ тысячами огней въ хрустальныхъ люстрахъ и съ хрустальными вертящимися колоннами. На алмазномъ тронѣ Добрый Геній, окруженный своими поддаными. Албертъ и Изабелла, стоя на колыняхъ, принимаютъ благословеніе Микстурадоса, который ихъ соединяетъ. Магларъ и Болтунасъ держатъ въ объятіяхъ другъ друга. Скотиницеъ ухва-

*тился за Сару обѣими руками, чтобъ
она отъ него не убѣжсала. Родригецъ съ
алмазилами позади Скотинца).*

Добрый геній.

Албертъ! я сдержалъ свое слово: Мик-
стурадосъ отдаеть тебѣ Изалеллу. Сара!
въ замѣну могущества и власти, ты имѣешь
теперь молодость, красоту и мужа ду-
рака: стало быть, ты не въ потерѣ. По-

вѣрьте, друзья мои, чтобы ни дѣлалось
въ этомъ мірѣ — все къ лучшему.

№ 30.

Хоръ общій.

За пѣлый день мученій,
Что рокъ намъ присудилъ,
Теперь нашъ Добрый Геній
Вполнѣ насъ наградилъ;

II. МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА, И СЛОВЕСНОСТЬ.

ОЧЕРКИ АРТИСТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

II.

МЕЧТЫ.

Мечты принадлежать къ обширѣйшему изъ пространствъ, открытыхъ человѣческой мыслью въ области безконечнаго. Отъ ничтожнаго до великаго, отъ неизвѣстнаго до знаменитаго, каждый артистъ владѣеть уголкомъ въ этомъ безпредѣльномъ полѣ, обрабатываетъ его съ любовью, которая не всегда соразмѣрна съ его личнымъ и существеннымъ достоинствомъ. Если ничтожность имѣетъ свои притязанія, посредственность свои химеры, то и гений ослѣпляется самъ собою, имѣетъ эгоизмъ, иногда тайный, иногда открытый. Гений не изыять отъ слабости, которая заставляетъ гениальнаго человѣка ставить высоко свои труды, свою славу, особенно по сравненію съ живущими и мертвыми. Словомъ сказать, мечты свойственны всѣмъ сословіямъ, всѣмъ возрастамъ: онѣ только измѣняются по характеру и цѣли.

Почему обстоятельства, дѣлающія артистовъ и, можно сказать, людей вообще, до крайности смѣшными, именно и составляютъ ихъ верховное счастье? Въ этомъ, конечно, и заключается преимущественное достоинство мечтаній, лишь бы только онѣ имѣли извѣстныя условія жизненности, которыя предохраняли бы ихъ отъ малѣйшаго удара, отъ малѣйшаго дупоуенія, ибо мечты все то же, что карточные домики и мыльные пузыри. Найдите на землѣ смертнаго, который былъ бы счастливѣе того, кто твердо убѣжденъ въ высокомъ достоинствѣ своей стихотворной или музыкальной рандодіи, если только ему не встрѣтятся на дорогѣ люди, имѣющіе право сказать, что онъ ошибается, и доказать справедливость своихъ словъ, или если онъ такъ глупъ, что съ полною увѣренностью назоветъ подобныхъ людей невѣждами, завистниками, глупцами.

Мечты производятъ въ человѣкѣ то, что онъ раньше вѣритъ въ силу, которой еще не имѣетъ, но которую будетъ имѣть, именно потому, что вѣритъ въ нее, потому что увѣренность и старанія развиваютъ силу. *Possunt quia posse videntur* (они могутъ, ибо думаютъ, что могутъ), сказалъ *Виргилій* въ пятой книгѣ своей *Энеиды* о гребцахъ, и вотъ гдѣ заключается великій смыслъ, слово юности и надежды. Человѣкъ всегда начинаетъ, руководствуясь мыслию, выраженною этимъ словомъ, а иначе онъ никогда ничего не началъ бы. Выступая на свое поприще, артистъ не вдругъ осуществляетъ свои идеи, не ставитъ себя на такую точку, къ которой стремится. Необходимо слѣдовательно, чтобы онъ убаюкивалъ себя мечтами, и чтобы публика довѣряла его видамъ и намѣреніямъ, принимая въ обезпеченіе его будущность.

Желаете ли вы видѣть образецъ того юношескаго жара, который преисполненъ замыслами трудовъ и величія, обѣщаніями успѣховъ и славы? Авторъ *Метроманіи* рассказываетъ въ предисловіи къ своему образцовому творенію, что еще въ училищѣ, воспламененный вапыщеннымъ краснорѣчіемъ профессоровъ, объяснявшихъ ему языкъ боговъ, онъ видѣлъ въ свѣтѣ только одно прекрасное, достойное зависти положеніе, положеніе тѣхъ людей, которые, не покидая своего пріятнаго единенія, не подвергая себя случайностямъ, опасностямъ, умѣли составить себѣ блистательное состояніе и безсмертное имя. «Какая молодая голова, говоритъ авторъ, если въ ней кроется малѣйшая искра поэтическаго огня, но обратится къ столь блестящей точкѣ зрѣнія? Зная себя очень мало, чего мы не предполагаемъ о себѣ? Я ни сколько не удивился бы, если бѣ скворецъ, изъ подъ крыла матери замѣтивъ въ облакахъ орла, пожелалъ подняться къ нему изъ гнѣзда. Одинъ изъ моихъ школьныхъ товарищей, молодой человѣкъ пылкій, здоровый, по природѣ

храбрый, воспламенивъ воображеніе чтеніемъ *Иліады*, *Энеиды* и всѣхъ чудесныхъ романистовъ, на шестнадцатомъ году записался въ драгунскій полкъ. Мнѣ было лѣтъ двѣнадцать или тринадцать, и я былъ еще подъ влияніемъ перваго энтузіазма, когда юноша поѣхалъ на службу. Прощай, сказалъ онъ мнѣ съ гордымъ тономъ, я или погибну въ битвѣ, или докажу, чего можетъ достигнуть храбрый солдатъ. Въ эту минуту, онъ, конечно, воображалъ, что въ его рукахъ и шпага, и маршальскій жезлъ *Фабера*.—Мужайся, другъ, отвѣчалъ я ему почти въ томъ же тонѣ, и я, съ своей стороны, или погублю *Латынь*, или пожну такіе же лавры, такъ и ты. Возвратись *Ахиллесомъ*, и тогда ты навѣрное найдешь во мнѣ *Гомера*, который воспоетъ тебя по заслугамъ!—Таково было наше героическое прощаніе. Мы разстались, и оба достигли предположенной цѣли почти одинаковымъ образомъ. Бѣдный товарищ мой, лишившись руки, умеръ солдатомъ въ *Иваллидномъ Домѣ*.» Но, набрасывая на бумагу сіи строки, развѣ *Пиронъ* забылъ, что сочинилъ *Метроманію*? Въ благородномъ романѣ обоихъ друзей не доставало скорѣе *Ахиллеса* нежели *Гомера*: это доказываетъ, впрочемъ, что подобнымъ романамъ всегда чего нибудь недостаетъ.

Въ зрѣломъ возрастѣ, артистъ наименѣе убаюкиваетъ себя мечтами, потому что этотъ возрастъ—возрастъ разсудка, если разсудокъ принадлежитъ здѣшнему міру. Тогда, артистъ знаетъ себѣ цѣну, особенно если чего нибудь стоитъ; тогда способности его развиты вполне, и онъ столько имѣетъ случаевъ испытывать ихъ, что ему невозможно ошибиться въ ихъ совершенномъ или относительномъ достоинствѣ. Но и въ эту пору артистъ иногда льститъ себя надеждою (случается безъ основанія) вдругъ пайти въ себѣ невѣдомыя сокровища, и говорить, въ родѣ *Наполеона*, на поляхъ *Бородинскихъ*, когда тысячи воиновъ погибли: «Нѣтъ, это

еще не мое сраженіе!» Глукъ имѣлъ право сказать это, имѣя почти шестьдесятъ лѣтъ отъ роду, прежде нежели написалъ *Армиду*, а Веберъ на тридцать седьмомъ году, прежде нежели создалъ *Фрейшюца*, *Эрианту*, *Оберона*.

Въ первой юности, легко обмануться въ своемъ будущемъ дарованіи; тогда мы думаемъ стать на ряду съ величайшими гениями, даже превзойти ихъ. Старость увлекается иными мечтами: старикъ все еще почитаетъ себя молодымъ человѣкомъ, воображаетъ, что онъ ничего не потерялъ. Мало этого: онъ подчиняется вліянію обманчивыхъ симптомовъ новой юности, возрожденія силы и жара, думаетъ, что изобрѣгаетъ, восхищается новыми произведеніями, а между тѣмъ это одни воспоминанія.

Другая обманчивая мечта беспокоитъ людей, отличающихся въ какомъ нибудь искусствѣ: они думаютъ, что не послушались своего призванія, что натура готовила имъ иную судьбу, то есть, обработывать другое искусство, а не то, въ которомъ суждено имъ оставаться посредственными. «Тщеславіе великихъ людей, сказала госпожа Сталь, заставляетъ ихъ стремиться къ успѣхамъ, на которые они меньше всего имѣютъ права; исторія представляетъ многочисленные примѣры подобной мелочности гениевъ: знаменитые писатели высоко цѣнятъ свои слабые успѣхи въ дѣлахъ государственныхъ; воины, министры восхищаются похвалою своимъ плохимъ сочиненіямъ; люди съ отличными достоинствами стараются отличить себя маловажными дѣлами.»

Гретри почиталъ себя больше философомъ, нежели музыкантомъ, и книгу свою: *Истина, или то, что мы были, что мы теперь и чѣмъ должны бы быть*, ставилъ гораздо выше всѣхъ своихъ прелестныхъ партій. Давида мучила мысль, что судьба заставила его владѣть кистию, вмѣсто того, чтобы управлять государствомъ, измѣнять политику обоихъ міровъ.

Жироде предпочиталъ свои посредственные стихи своимъ возвышеннымъ картинамъ, а если кто начиналъ говорить съ Каповою о его несравненныхъ скульптурныхъ произведеніяхъ, онъ приносилъ начатую картину, любовался ею съ улыбкою родительской гордости, между тѣмъ какъ скромный марака отказался бы отъ его картины.

Примѣры подобной маніи безчисленны; они являются подъ разнообразнѣйшими формами. Вся таинственная загадка состоитъ, кажется, въ слѣдующемъ законѣ.

Артистъ въ томъ искусствѣ, на которомъ основана его слава, все видитъ, все понимаетъ, сильную и слабую сторону; онъ знаетъ всѣ вспомоgetельныя средства, но чувствуетъ также и всѣ трудности, а эти трудности таковы, что даже гения всегда держатъ далеко отъ идеала, къ которому онъ стремится съ такимъ усиліемъ: вотъ здѣсь - то источникъ унынія, скуки, утомленія, которыя овладѣваютъ великимъ артистомъ посреди всѣхъ торжествъ, расточаемыхъ толпою. Артистъ имѣетъ о своемъ искусствѣ понятіе болѣе высокое, болѣе обширное, болѣе глубокое, нежели толпа, и оттого остается недовольнымъ, когда ему аплодируютъ. Напротивъ, въ искусствѣ, для котораго онъ не рожденъ, идеалъ котораго не являлся ему въ полномъ блескѣ, тотъ же человѣкъ находитъ все легкимъ, удободостижимымъ; онъ скорѣе бываетъ доволенъ самимъ собою, и слѣдовательно, ставитъ себя гораздо выше. Относительно этого искусства, великій человѣкъ ставитъ себя не только въ ровень съ толпою, онъ гораздо ниже ея, но по причинѣ такого низкаго положенія и почитаетъ себя высшимъ.

Нужно ли говорить о сферѣ, гдѣ преимущественно господствуютъ обаянія, гдѣ они являются въ большемъ и маломъ видѣ, въ верхнемъ и нижнемъ этажѣ? Рѣчь идетъ о театрѣ, и обо всѣхъ, которыхъ влечетъ туда обманчивая мечта, которые

удерживаются тамъ обманчивою мечтою. Отчего въ сужденіяхъ своихъ мы заблуждаемся больше относительно физическихъ, матеріальныхъ предметовъ, поражающихъ чувства, нежели предметовъ чисто отвлеченныхъ, уловляемыхъ только умомъ? Отчего человекъ почитаетъ себя пригожимъ, когда онъ гадокъ, приятнымъ, когда безобразенъ, большимъ, когда малъ, молодымъ, когда старъ? Отчего восхищается своимъ пѣніемъ тотъ, кто имѣетъ голосъ утки или вороны, отчего косою приписываетъ своимъ глазамъ обаятельную силу, а человекъ съ неподвижнымъ лицомъ Нюрнбергской куклы почитаетъ свою физиономію оживленною до очарованія? Все это показалось бы невѣроятнымъ, если бы входъ въ первый попавшійся театръ не убѣдилъ въ дѣйствительности подобныхъ явленій.

Ступайте за кулисы лирическаго театра, посмотрите на рабское стадо льстецовъ, толпящееся вокругъ знаменитаго пѣвца, любимой пѣвицы, какъ скоро они сошли со сцены; прислушайтесь къ похваламъ, которыми осыпаетъ ихъ стадо, дурно ли хорошо ли исполнили свое дѣло артисты. Нужды нѣтъ, что *первый теноръ* или *примадона* въ голосъ или страдаютъ простудою; гимнъ, концертъ превосходныхъ степеней всегда одинъ и тотъ же: «Брависсимо! Брависсимо! Превосходно! Божественно! Какой талантъ! Я еще весь подъ влияніемъ очарованія! Попробуйте, какъ бьется мое сердце! Посмотрите, на глазахъ моихъ слезы!» А между тѣмъ, въ это самое время, публика остается безстрастною, холодною, аплодируютъ одни клакеры. Можетъ ли артистъ противиться влиянію окружающей его атмосферы? Какъ не почитать ему себя существомъ сверхъестественнымъ, какъ не привыкнуть засѣдать вмѣстѣ съ богами, когда всякій вечеръ столько простыхъ смертныхъ воздвигаютъ ему Олимпъ, куда возносятъ его собственными руками?

Спустимся на послѣднія ступени дра-

матической іерархіи. Подъ дохмотьями бѣднѣйшаго фигуранта, подъ засаленнымъ сюртукомъ жалкаго хориста, въ норѣ сурфлера, вездѣ найдемъ мечту со всеми ея обаяніями. Достаточно привести одинъ примѣръ.

Пѣвецъ, слабый голосомъ и умомъ, наскучивъ развѣзжать по провинціальнымъ городамъ въ сопровожденіи мечты, вообразилъ, что ему можно, какъ и всякому другому, пѣть на столичномъ театрѣ. По покровительству пріятеля, онъ былъ допущенъ къ директору столичнаго лирическаго театра. Директоръ, съ трудомъ выслушавъ кандидата, сказалъ его пріятелю и вмѣстѣ одному изъ главныхъ чиновниковъ этого театра: «Вы видите, вашъ *пѣвецъ* никуда не годится. Растолкуйте ему мое рѣшеніе.» Пріятель плохаго пѣвца вздумалъ отдѣлаться слѣдующимъ образомъ: «Послушай, любезнѣйшій, на нашемъ театрѣ два рода ампуа: одно приноситъ отъ пяти до шести тысячъ франковъ, но я долженъ тебѣ признаться, что съ твоимъ голосомъ нельзя претендовать на такое жалованье; другое ампуа, *utilité*, сопряжено съ жалованьемъ въ тысячу двѣсти франковъ, и ты могъ бы его занять, но всѣ мѣста уже заняты. Сожалѣю крайне, да дѣлать-то нечего.»

Пѣвецъ и пріятель разстались, молча пожавъ другъ другу руку. Вы, можетъ быть, думаете, что бѣдный пѣвецъ совсѣмъ уничтожился? Въ тотъ же вечеръ, пріятель его получилъ слѣдующую записку: «Любезный Ж!.. Я обдумалъ твое предложеніе, и такъ какъ ампуа въ тысячу двѣсти франковъ, о которомъ ты мнѣ говорилъ, не свободно, то я рѣшился поступить на шеститысячное, тѣмъ скорѣе, что оно заставитъ меня больше трудиться и успѣвать.»

Какъ вы находите несоизмѣриму мечту, заключающуюся въ простомъ выраженіи: «Я рѣшился поступить на шести ты-

слюное?» Какая серьезная шутка? Какая смѣшная жалость! И вотъ оригинальные типы, которыми наполненъ театр! Вотъ мученики мечты! Это, въ своемъ родѣ, чума, холера, одинъ изъ тѣхъ бичей, которые косили, косятъ и будутъ косить наибольшее число жертвъ въ здѣшнемъ мѣрѣ.

КРЕСЧЕНДО И ДИМИНУЕНДО.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ПОВѢСТЬ.

(Окончаніе).

IV.

Въ Данцигѣ явился Рудольфъ къ директору тамошней труппы актеровъ, и просилъ о принятіи его въ число кочующихъ артистовъ. Очень грубо встрѣтилъ тотъ Рудольфа, и объявилъ, что ему нужны люди съ талантами, а не бродяги съ улицы. Рудольфъ показалъ ему свой университетскій аттестатъ, и это нѣсколько смягчило директора. Онъ ему предложилъ наконецъ быть ежедневно *статистомъ*, а въ случаѣ нужды занимать и выходныя роли. Рудольфъ принялъ все условія, и почиталъ себя самымъ счастливымъ человѣкомъ, что съ перваго шага онъ успѣлъ получить мѣсто. Поль-гульдена за каждый спектакль, если будетъ выходить *статистомъ*, и гульденъ, если будетъ имѣть какую нибудь роль! Квартиры, конечно, не было, но ему позволено было почевать въ театрѣ въ уборныхъ, съ тѣмъ, чтобъ никогда не имѣть свѣчи (изъ опасенія пожара).

Въ тотъ же день Рудольфъ написалъ во Франкфуртъ письмо къ Карлу, и объявилъ ему, что ввечеру будетъ *дебютировать* на Данцигскомъ Театрѣ и получить за это полъ-гульдена.

Бѣдный Рудольфъ! Въ какое *тресолненное* море бросился онъ съ отчаяніемъ! Онъ былъ въ восторгѣ, воображая, что будетъ какъ артистъ, жить *независимо*. Увы! это слово водить за носъ миллионы людей. Независимость! это блестящая мечта, за которою мы всю жизнь гоняемся, и которая вовсе не существуетъ. Всѣ мы созданы для того, чтобъ отъ кого нибудь зависѣть. Безъ этой зависимости не было бы ни общества, ни законовъ, ни семействъ. Люди бы бродили, какъ дикіе звѣри, и весь земной шаръ былъ бы пустынею. И теперь всѣ мы бѣемся изъ того, чтобъ добиться до *независимости*, но едва кто успѣетъ выйти изъ круга всеобщей дѣятельности, едва успѣетъ отдѣлиться отъ звѣна всеобщей зависимо-

сти, тотчасъ же имъ овладѣетъ убійственная скука, или онъ сдѣлается звѣремъ. Артисты вообще и преимущественно почитаются всѣми за самыхъ независимыхъ людей, а спросите у каждаго: что значить его независимость? Вѣрно онъ рукою махнетъ и скажетъ, что это сущій вздоръ, и что они еще болѣе другихъ зависятъ отъ множества самыхъ мелочныхъ лицъ и обстоятельствъ. А актеры, это знаменитое званіе, которое всѣмъ непосвященнымъ въ его таинства кажется какимъ-то Эльдорато! Каждый изъ этого сословія очень хорошо знаетъ, что весь его бытъ, всѣ его славы, все состояніе поминутно зависятъ отъ непостижимыхъ капризовъ публики, отъ этого баснословнаго чудовища о тысячи головахъ, которыя всѣ розно думаютъ, чувствуютъ и понимаютъ. И кромѣ того, во внутренней своей сферѣ, сколько у каждаго артиста есть элементовъ, отъ которыхъ зависитъ его существованіе. Закулисныя тайны, которыя только имъ однимъ извѣстны, не заставляють ли каждаго изъ нихъ тысячу разъ проклинать свое званіе и искусство? И это случается даже съ тѣми, которыхъ мы называемъ любимцами публики.... Что же такое жизнь тѣхъ бездарныхъ существъ, которыхъ публика знаетъ только по печатной афишѣ, а искусство и вовсе не знаетъ! Это едва ли жизнь, это прозябаніе, это животный термометръ на вѣчной точкѣ замерзанія, это грустная и страдательная зависимость отъ всѣхъ и каждаго! И вотъ въ этомъ-то послѣднемъ разрядѣ очутился Рудольфъ, мечтая о сладкозвучномъ словѣ *независимость!* Бѣдный Рудольфъ!

Когда ввечеру онъ явился въ театръ, режиссеръ для перваго знакомства обругалъ его за то, что у него не было *своего* городского платья, приличнаго для сцены, и что ему, слѣдственно, надобно было давать казенное. Потомъ отправили его одѣваться съ другими статистами въ какой-то подвалъ, грязный, сырой, холод-

ный и темный. Товарищи его были болѣею частію подмастерья булочниковъ, портныхъ и сапожниковъ, и степень ихъ образованности равнялась съ изяществомъ ихъ уборной. Они встрѣтили новаго своего товарища насмѣшками и бранью, и на этотъ разъ Рудольфъ намѣренъ былъ отвѣчать не одними словами, но появленіе режиссера остановило ссору. Онъ осмотрѣлъ всѣхъ, обругалъ каждаго за что ни будь, и погналъ на верхъ на сцену. Тамъ поставили ихъ какъ стадо барановъ за заднею завѣсою, и приказали стоять смирно и молчаливо. Наконецъ распредѣлили каждому изъ нихъ свое дѣло. Кому выносить стулья, кому оружіе, кому провозвать Принца, кому явиться крестьяниномъ. Рудольфъ, какъ новичекъ еще слишкомъ неопытный для важныхъ порученій, для выноски стульевъ и другихъ реквизиторскихъ предметовъ, помѣщенъ былъ въ свиту *перваго любовника* и поставленъ за кулисою, изъ которой долженъ былъ послѣдовать выходъ.

Наконецъ Принцъ вышелъ, встрѣченъ былъ аплодисментами, и Рудольфъ въ первый разъ появился на сцену. Это было совершенно новое для него чувство, въ которомъ страхъ и удовольствіе тѣснили грудь и волновали кровь. Никто, разумѣется, и незамѣтилъ его, а ему казалось, что всѣ глаза на него устремлены, и каждая частица его фигуры и одежды обсужены съ величайшею строгостью. Вскорѣ Принцъ выславъ свою свиту, и Рудольфъ возвратился въ свою кулису и обратилъ величайшее вниманіе на игру перваго любовника, который въ это время игралъ очень жалкую сцену любовнаго объясненія съ *первою любовницею* труппы. Забывъ все окружающее, Рудольфъ болѣе и болѣе входилъ въ игру Принца и чрезвычайно былъ недоволенъ ею.

«Фу, ты, Боже мой, какъ онъ дурно играетъ!» вскричалъ онъ почти вслухъ, и въ ту же минуту товарищи его сильно оттолкнули далѣе за кулисы и наградили

его нѣсколькими ругательными прилагательными.

«Не троньте его, сказали вдругъ между ними одинъ голосъ. Онъ правъ!»

Всѣ отхлынули. Это былъ самъ директоръ, который изъ-за Рудольфа самъ наблюдалъ за игрою Принца и самъ былъ чрезвычайно ею недоволенъ, но только вовсе въ другомъ отношеніи. Директоръ имѣлъ нѣкоторые виды и надежды на обладаніе первую любовницею, и недавно замѣтилъ, что первый любовникъ вошелъ съ нимъ въ тайное состязаніе. Чтобъ удостовѣриться въ этомъ, онъ караулил ихъ сценическое любовное объясненіе, которое, для посвященныхъ въ театральныя тайны, легко открываетъ раждающіяся интриги закулисной жизни, и увѣ! стоя за спиною Рудольфа, бѣдный директоръ удостовѣрился, что первая любовница не равнодушна къ Принцу. Онъ былъ вѣ себя отъ досады, какъ вдругъ восклицаніе Рудольфа прервало его наблюденія и заставило дѣйствующихъ лица на сценѣ оглянуться въ эту сторону. Директоръ отошелъ и, сказавъ еще разъ Рудольфу, что онъ совершенно правъ, оставилъ его безъ дальнѣйшаго вниманія; за то товарищи осыпали его насмѣшками со всѣхъ сторонъ. *Статистъ*, который беретъ судить о *первыхъ актеразъ!*

Не то еще предстояло бѣдному Рудольфу!.. По окончаніи акта, первый любовникъ, который со сцены слышалъ его восклицаніе, приступилъ къ нему съ самою площадною бранью, и даже угрожалъ побоями за его неслыханную дерзость. Рудольфъ отвѣчалъ ему сильно и смѣло. Какъ университетскій буршъ, онъ ему предлагалъ *благородную сатисфакцію*, но тотъ не охотникъ былъ до подобныхъ сдѣлокъ, и обратился съ жалобою къ директору.

«Хорошо! я разберу это послѣ спектакля, отвѣчалъ директоръ: теперь продолжайте пѣсу.»

Бѣдный Рудольфъ чувствовалъ, что онъ

виноватъ, и ожидалъ, что будетъ изгнанъ изъ Эльдорадо, въ который только что попалъ. Къ счастью его, театральныя законы были въ рукахъ директора, и на этотъ разъ нужно было *по причинамъ, извѣстнымъ начальству*, чтобъ первый любовникъ не получалъ удовлетворенія. Восклицанія Рудольфа нельзя было извинить, но директоръ вздумалъ объявить первому любовнику, что онъ самъ заставилъ Рудольфа сказать эти слова, глядя на его игру. Это объявленіе совершенно взбѣсило актера.

«Такъ вамъ не нравится моя игра?» вскричалъ онъ.

Рѣшительно не нравится, хладнокровно отвѣчалъ директоръ.

«Хорошо же. Я больше не играю и оставляю вашу труппу. Посмотримъ какъ у васъ пойдутъ спектакли... И завтра я не буду играть....»

«Очень хорошо... Значитъ, вы нарушаете контрактъ. За это, по силѣ 4-го пункта, обязаны вы заплатить неустойки 300 талеровъ, да вы въ счетъ жалованья забрали 200, и того если вы мнѣ завтра по утру не заплатите 500 талеровъ, ввечеру будете сидѣть въ тюрьмѣ, отказавшись играть возвѣщенный спектакль...»

Этотъ аргументъ вмгъ успокоилъ первого любовника.

«Это безсовѣстно, Г. директоръ! сказалъ онъ, спустя голосъ на цѣлую терцію; вы слишкомъ деспотически пользуетесь своею властію. Вы просто тиранъ... Позвольте узнать чѣмъ вамъ не понравилась моя игра, что именно нашли вы дурнаго?...»

— Я не обязанъ вамъ давать отчета, государь мой... Я нахожу ее дурною, да и только....»

«Такъ этакъ я могу сказать и про ваше сценическое искусство... Можетъ быть,

вы и мнѣ не правитесь, какъ актеръ (*), но я вѣдь этого не говорю... на это есть публика... она нашъ судья.»

— Публика вамъ хлопасть, а я вамъ жалованье плачу, слѣдственно я больше всѣхъ имѣю права судить о вашей игрѣ... Вотъ этотъ молодецъ (при этомъ онъ указалъ на Рудольфа) недавно кончилъ университетскій курсъ, видѣлъ лучшіе театры Германіи, и хоть по бѣдности принужденъ служить статистомъ, но онъ знаетъ дѣло, и, пожалуй, докажетъ вамъ, почему вы дурно играли...»

«Опъ?... Это любопытно! *Статистъ* смѣетъ судить обо мнѣ...»

— Я, милостивый государь, былъ нѣсколько лѣтъ всеневнымъ театраломъ одного изъ лучшихъ театровъ Германіи, отвѣчалъ Рудольфъ... Я всякій день былъ за кулисами и, могу вамъ передать всѣ истинныя правила драматическаго искусства... Хотите ли ихъ выслушать?... Позволить ли Г. директору объяснить вамъ, въ чемъ именно вы сегодня дѣлали самыя непростительныя ошибки?

«Говори, говори...» сказала директоръ, и Рудольфъ съ увлекающимъ краснорѣчіемъ разсказалъ какъ надобно было понять мысли автора въ созданіи роли, какъ надобно было становиться въ естественныя позы, какъ должно было читать съ истиннымъ чувствомъ...

Всѣ присутствующіе заслушались его, и эта минута доставила ему рѣшительный триумфъ во мнѣніи всей труппы. Даже первая любовница, которая до тѣхъ поръ увлекалась больше игрою и славою перваго любовника, почувствовала вдругъ къ нему охлажденіе. Разумѣется, что съ мнѣніемъ Рудольфа не согласенъ былъ одинъ униженный Принцъ, но онъ не умѣлъ оправдаться и опровергнуть замѣчаній его, иначе какъ сказавъ ему:

«Ну, братецъ, такъ сыграй же ты эту роль по своему, и мы тогда посмотримъ, какова твоя теорія на практикѣ.»

Скажи онъ эти слова прежде объясненія Рудольфа, вся труппа, разумѣется, расхохоталась бы и взяла сторону своего актера, но теперь всѣ молчали, потому что жаръ и доказательства Рудольфа увлекли всѣхъ.

«Если Г. директору угодно будетъ позволить сыграть эту роль передъ нимъ и передъ всѣми членами (Mitglieder) труппы, то я надѣюсь, что вы будете довольны.»

Директоръ согласился на это испытаніе, имѣя въ виду, что онъ будетъ имѣть случай вновь упизить своего соперника. Тѣмъ судъ и кончился. Всѣ разошлись. Рудольфъ получилъ свои полгульдена, и тотчасъ же отправился за съѣстными припасами къ ужину. Ужинъ состоялъ изъ хлѣба и колбасы. Заранѣе приготовилъ онъ себѣ ночлегъ въ одной изъ уборной, и хорошенько ознакомься съ мѣстностью, явился туда въ потемкахъ, и не раздѣваясь уснулъ.

На другой день онъ принялся учить роль, и черезъ три дня она была готова. Но уже въ это время директоръ замѣтилъ охлажденіе первой любовницы къ своему сопернику и почти помирился съ нимъ. Только для того, чтобъ сдержатъ свое слово, онъ рѣшился выслушать Рудольфа, и созвалъ на репетицію всю труппу. Рудольфъ сыгралъ свою роль со всѣмъ страхомъ новичка, и только прекрасная его фигура и неподдѣльныя чувства нѣсколько смягчали приговоръ слушателей. Совѣтъ актеровъ рѣшилъ, что Рудольфу нельзя позволить играть въ публикѣ такую важную роль, но, въ уваженіе его способностей, дозволить ему играть *выходныя* роли, а въ случаѣ нужды и вспомогательныя.

Это рѣшеніе нѣсколько было грустно для самолюбія Рудольфа; оно однакоже улучшало его судьбу. Онъ уже получалъ по дѣлому гульдену въ день, и сверхъ

(*) Въ Германіи всѣ вообще директоры-антрепренеры бывають въ то же время и актерами въ своей труппѣ.

того режиссеръ, замѣтя литературныя познанія его, объявилъ ему, что онъ будетъ ему давать переписку ролей и извлеченіе сценаріума (*), за что давалась особенная плата.

Такъ прошло недѣли двѣ, и вдругъ однажды Рудольфъ получилъ письмо отъ Карла. Тотъ прислалъ ему двадцать червонныхъ и звалъ его къ себѣ. Дядя его переѣхалъ въ Магдебургъ, и Карлъ былъ у него первымъ бухгалтеромъ. Письмо Карла описывало всѣ подробности его жизни. Она была самая веселая и беззаботная. Только утро до трехъ часовъ и въ почтовые дни утро и вечеръ надобно было сидѣть за конторкою, все прочее время Карлъ гулялъ точно такъ же, какъ во время студентской жизни. Онъ даже описывалъ свои волонитства за Магдебургскими красавицами. Это послѣднее обстоятельство удивило Рудольфа. А Луиза? Онъ о ней и о любви своей не упоминалъ ни слова. Только брань на театръ и званіе актера остались неизмѣнными, и потому-то онъ звалъ Рудольфа къ себѣ, общая ему выпросить у дяди мѣсто помощника бухгалтера, съ жалованьемъ по 500 талеровъ.

Кто прожилъ нѣсколько недѣль, получая по гульдену въ день, тому цифра 500 талеровъ, разумѣется, покажется огромнымъ богатствомъ, и Рудольфъ готовъ бы былъ летѣть на призывъ своего друга и брата, но, увы! какое-то странное чувство удерживала его. Онъ любилъ театръ, и въ мечтахъ своихъ готовъ былъ промѣнять всѣ сокровища могилы на блистательный дебютъ въ первой роли.

И судьба какъ будто смѣялась надъ его затѣями и мечтами! Въ одинъ день первый любовникъ, вдругъ, передъ самымъ спектаклемъ, заболѣлъ. Директоръ былъ въ отчаяніи. Сборъ въ кассѣ былъ

(*) Это краткое извлеченіе изъ пьесы, для режиссера и реквизитѣра.

уже изрядный и обещалъ еще болѣе усилиться въ часъ представленія. Все это должно было погибнуть вмѣстѣ съ расходами, которые уже были сдѣланы. Вдругъ является къ нему Рудольфъ, и предлагаетъ сыграть за перваго любовника. Извѣстно, что утопающій хватается за соломенку, и директоръ обрадовался этому предложенію. Хотя прочіе актеры и отговаривали его, предсказывая всеобщее неудовольствіе публики, но онъ рѣшился, и самъ выйдя за завѣсу анонсировалъ: «что по причинѣ внезапной болѣзни *такого-то*, возвыщенная пьеса вовсе не могла бы итти, но въ подобной крайности одинъ *любитель* взялся исполнить эту роль, и потому почтенную публику, которая пожелаетъ остаться въ спектаклѣ, покорнѣйше просить о снисхожденіи, прочіе же могутъ взять свои деньги *назадъ въ кассу*.»

Директоръ хорошо зналъ свою Итмецкую публику. Всякій изъ зрителей уже опредѣлилъ провести вечеръ въ театрѣ, и всѣ остались. Рудольфу наскоро передѣлали костюмъ больнаго, а онъ въ это время протверживалъ свою роль. Наконецъ рѣшительная минута наступила, и онъ вышелъ. Раздались нѣкоторые аплодиссменты и ободрили бѣднаго дебютанта.

«Смѣлѣ!» шепнула ему на сценѣ первая любовница, и это еще болѣе воспламенило его. Онъ предался всему жару своихъ чувствъ, и всеобщее *брасо* наградило его усилія. Въ слѣдующихъ актахъ онъ уже сдѣлался смѣлѣе и развязнѣе. Удовольствіе публики ежеминутно возрастало, и когда пьеса кончилась, онъ съ необыкновеннымъ энтузіазмомъ былъ вызванъ.

Директоръ былъ въ восторгѣ и предложилъ ему на все время болѣзни перваго любовника занять его роли, съ платою по двадцати пяти гульденовъ за вечеръ. Рудольфъ согласился. У него давно было выучено множество ролей, и теперь все ему вдругъ пригодилось.

Цѣлую педѣлю игралъ онъ ежедневно, и публика была отъ него въ восторгѣ. Но увѣ! въ ту самую минуту, какъ судьба такъ благосклонно повидимому улыбалась ему, когда уже онъ мечталъ о занятіи *амплуа*, разразилось надъ нимъ несчастіе. И причиною этого бѣдствія была любовь!

Ужъ кажется давно бы пора была этой избитой, истертой, ничтожной пружинѣ человѣческихъ дѣяній перестать играть судьбою людей! И пьесы, и романы, и повѣсти, и исторіи — все любовь, да любовь! Что за скука, что за несчастіе! Въдъ надобно же было Рудольфу, играя съ такимъ жаромъ и чувствомъ, поправиться первой любвицѣ Динцигскаго Театра! Надобно же было ей пожать ему руку, поглядѣть на него страстно и сказать ему однажды, чтобъ онъ послѣ спектакля проводилъ ее домой! Надобно же было и Рудольфу послушаться! Бѣдный молодой человѣкъ! Онъ пошелъ, и на другой день получилъ отъ директора оффиціальное увѣдомленіе, что онъ не имѣетъ болѣе въ немъ надобности.

Одна мысль директора, одно слово, одинъ почеркъ пера, и бѣдный Рудольфъ очутился вдругъ безъ мѣста и безъ хлѣба. Всѣ мечты его опять упали на точку замерзанія; но дѣлать было нечего. Онъ чувствовалъ настоящую причину своей гибели, и не хотѣлъ унижаться бесполезными просьбами. У него было теперь болѣе ста талеровъ въ карманѣ, и на этотъ разъ онъ уложилъ котомку свою на *форшпанъ*, и съ скромнымъ фирманомъ отправился во Франкфуртъ на Одеръ, чтобъ уже оттуда поѣхать къ Карлу, въ Магдебургъ.

Во Франкфуртѣ узналъ онъ, что тамъ играетъ то же какал-то труппа, и явился къ директору, чтобъ спросить его: не угодно ли ему допустить его до дебютовъ. Тотъ сдѣлалъ ему очень много вопросовъ, возраженій и замѣчаній. А главное дѣло было въ томъ, что самъ директоръ игралъ

тѣ роли, на которыя просился Рудольфъ. Впрочемъ, видя, что денежные требованія Рудольфа очень скромны, онъ рѣшился дозволить ему сыграть одинъ разъ, («а тамъ увидимъ»), сказалъ онъ, и черезъ три дня Рудольфъ явился на Франкфуртской сценѣ.

Еще на репетиціяхъ замѣтилъ онъ все нерасположеніе къ себѣ труппы, подстрѣжаемое директоромъ, который вовсе не желалъ успѣха дебютанту, и во время самаго представленія, онъ на каждомъ шагѣ видѣлъ, что его намѣрены были уронить. Недоставало самыхъ необходимыхъ реквизиторскихъ вещей; актеры, играющіе съ нимъ, отвѣчали ему нарочно другими фразами, и Рудольфъ напрасно ждалъ своей реплики. Публика подумала, что дебютантъ не знаетъ роли. Подсаженные свистки раздались — и паденіе Рудольфа было рѣшено.

Обругавъ и директора, и труппу, и зрителей, Рудольфъ съ бѣшенствомъ уѣхалъ въ ту же ночь изъ Франкфурта; до отъѣзда получилъ однако записку отъ директора и условныя деньги за дебютъ. Въ запискѣ самымъ ѣдкимъ образомъ давали ему совѣтъ не играть болѣе ни разу; это его еще болѣе взбѣсило. «Врутъ они всѣ! вскричалъ онъ. Я чувствую, что я артистъ. Я хочу и буду играть.»

И однако же, онъ поѣхалъ въ Магдебургъ. Отъискавъ по письму Карла домъ его дяди, онъ явился туда, но неудача встрѣтила его на первомъ шагѣ. При входѣ въ контору спросили у него, что ему надобно, и потомъ отвѣчали, что по правилу принципала никто не долженъ посѣщать его конторщиковъ по утрамъ, чтобъ не развлекать ихъ. Рудольфъ принужденъ былъ написать тутъ же карандашемъ записку, что ждетъ Карла въ трактирѣ, гдѣ онъ остановился.

Карлъ, разумѣется, явился послѣ трехъ часовъ — и молодые люди обнялись опять какъ друзья и братья. Все случившееся съ Рудольфомъ было рассказано во всѣхъ

подробностях; Карлу же нечего было рассказывать. Дни его текли такъ однообразно, что рассказавъ одинъ, можно было сдѣлать общій итогъ всей жизни. По всему видно было только, что Карлъ очень боялся дяди и былъ въ совершенной отъ его зависимости.

Рудольфъ спросилъ у него о Луизѣ — и Карлъ вмѣсто отвѣта махнулъ рукою.

«Что это значить? Развѣ ты ее ужъ не любишь?» спросилъ Рудольфъ.

— Люблю, братецъ... но дядя... это ужасный человекъ!... отвѣчалъ Карлъ съ замѣшательствомъ. Я было сказалъ ему однажды что-то похожее на это, но онъ на меня такъ поглядѣлъ, что я ужъ вѣрно не вздумаю повторять ему... И притомъ же Луиза *актриса*... говорятъ теперь въ славу... И... ты понимаешь...

«Понимаю покуда только то, что ты измѣнилъ своимъ клятвамъ... Дурно, братъ, Карлъ... Я этого отъ тебя не ожидалъ.»

Карлъ старался успокоить Рудольфа, но тотъ сдѣлался задумчивъ и молчаливъ.

Вечеру оба они пошли въ театръ, и Рудольфъ имѣлъ случай видѣть всю посредственность труппы. Онъ, однако же, рѣшился пойти за кулисы, отыскалъ директора и рекомендовался ему, какъ призвѣнный артистъ.

— Откуда? спросилъ тотъ съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ.

«Изъ Данцига,» отвѣчалъ Рудольфъ.

— Ваша фамилія?

Рудольфъ объявилъ ее, и тогда улыбка сожалѣнія показалась на лицѣ директора.

— Такъ это не вы ли дебютировали во Франкфуртѣ?...

«Такъ точно!.. Развѣ вамъ извѣстно?..»

— Сегодня только получилъ я оттуда письмо. А ужъ вы не хотѣли ли у меня дебютировать?... Нѣтъ! Слуга покорный... Впрочемъ, мнѣ очень жаль васъ... Но я повторю вамъ совѣтъ Франкфуртскаго директора: не играйте болѣе!

Рудольфъ съ досадою повернулся и ушелъ со сцены.

— Смотри же, Карлъ, сказалъ онъ своему другу: завтра проси обо мнѣ своего дядю. Я хочу, чтобъ участь моя поскорѣе рѣшена была...

«Помилуй, братецъ! что за поспѣшность! У дяди надо выбрать да и выбрать минуту, а то все разомъ испортишь. Я ужъ тебѣ обѣщалъ и сдержу слово. Скоро будетъ рожденіе одной изъ его дочерей, и я воспользуюсь этимъ случаемъ...»

— Такъ зачѣмъ же ты меня звалъ въ Магдебургъ, если не былъ увѣренъ въ исполненіи своихъ словъ... Эхъ, Карлъ! Ты перемѣнился...

«И всѣ мы, другъ, перемѣнились. Посмотри-ко какой ты будешь шелковый, когда дядя будетъ твоимъ принципаломъ. Забудешь все университетское...»

— Никогда! Чувства мои и правила я сохраню до гроба.

«Увидимъ».

Послѣ спектакля Карлъ звалъ Рудольфа въ какой-то трактиръ *погулять*, но Рудольфъ сказалъ, что хочетъ спать, и ушелъ домой.

На другой день Карлъ опять къ нему пришелъ, и былъ очень разстроенымъ.

— Что съ тобою? спросилъ Рудольфъ.

«Да то, что я предсказывалъ, то и случилось. Я знаю своего дядю, я тебя послушался. Дружба моя хотѣла принести тебѣ жертву — и я рѣшился просить о тебѣ дядю. Боже мой! Я никогда не видалъ его такого сердитаго. Онъ объявилъ мнѣ, что выгнать и меня самого изъ дома, если я ему когда нибудь еще слово скажу о тебѣ. Да и я глупъ... Мнѣ бы солгать, а то сказалъ ему, что ты былъ *актеромъ*...»

— И прекрасно сдѣлалъ, Карлъ. Ни для меня, ни для кого на свѣтѣ не лги, а говори всегда правду. Прощай. Я сегодня же уѣду. Ты дурно сдѣлалъ, что солгалъ

миѣ и въ письмахъ твоихъ. Безъ твоего приглашенія я бы и не поѣхалъ...

«Да, помилуй... я еще это обдѣлаю... я увѣренъ, что дядя когда нибудь согласится...»

— Ну, такъ тогда ты меня и увѣдомишь, а теперь руку и прощай!»

Напрасны были всѣ клятвы и убѣжденія Карла. Рудольфъ видѣлъ всю печальную перемѣну, происшедшую съ его другомъ, и не хотѣлъ даѣе оставаться въ Магдебургѣ. Онъ немедленно приискалъ себѣ фурмана въ Берлинъ, и на другое же утро уѣхалъ.

Онъ рѣшился въ умѣ своемъ на послѣднее средство: быть хоть статистомъ, но на хорошемъ театрѣ. Берлинъ и Генриетта — эти двѣ мысли манили его сильно — и онъ отправился.

Это путешествіе Рудольфа совпадаетъ съ важными политическими событіями въ Европѣ. Это было въ 1806 году. Пруссія собиралась вступить въ борьбу съ Наполеономъ, и армія, созданная Фридрихомъ Великимъ, увѣрена была, что первая встреча съ Французами будетъ новымъ Росбахомъ. Когда Рудольфъ пріѣхалъ въ Берлинъ, то вся столица была въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи. Всѣ дѣла были оставлены, потому что Король и армія выступали въ походъ. Народный энтузіазмъ обнаруживался во всѣхъ сословіяхъ; юношество и женщины рѣшали между собою важнѣйшіе военные и политическіе вопросы. Рудольфъ явился къ Генриетѣ и Луизѣ. Онъ все еще жилъ въ тѣсной дружбѣ, хотя послѣдняя и успѣла уже въ это время сдѣлаться *примадонною*. Пріятно удивились обѣ, когда Рудольфъ объявилъ имъ, что онъ *артистъ*, и игралъ уже цѣлый циклъ ролей перваго ампула.

«Не хотите ли сыграть въ Берлинѣ?» спросила его Генриета.

— О! это было бы для меня величайшее счастье, отвѣчалъ онъ, и показалъ письмо Карла, которымъ онъ недавно

приглашалъ его къ себѣ. — Вотъ письмо, которое едва не заставило меня отказаться отъ театра. Къ счастью, все это были одни легкомысленныя слова друга, который не въ состояніи былъ исполнить ихъ. И если бъ онъ миѣ предлагалъ теперь вдвое, я бы отказался. Театръ и драматическое искусство для меня всего превыше...

«Это хорошій знакъ, сказала Генриета. Кто свое искусство предпочитаетъ денежнымъ выгодамъ, тотъ навѣрное хорошій артистъ. Поѣдьте сейчасъ къ Графу Б., я васъ представлю какъ знакомаго, и мы попросимъ его о гастроляхъ.»

Рудольфъ былъ въ восторгѣ. Онъ pokrылъ руку Генриеты самыми пламенными поцѣлуями. Въ эту минуту вспомнилъ онъ, конечно, по какой причинѣ потерялъ мѣсто въ Данцигѣ, но не смотря на всю свою откровенность, не рассказалъ объ этомъ Генриетѣ.

Они отправились, и Графъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго затрудненія. Онъ дозволилъ Рудольфу шесть гастролей, съ тѣмъ, что если публика приметъ его холодно, гастролы кончатся на трехъ, а если онъ понравится, то въ остальные три раза прибавится ему плата.

Рудольфъ былъ внѣ себя отъ радости. Новый переворотъ судьбы казался ему неостижимымъ. Давно ли онъ стоялъ въ жалкой Данцигской труппѣ статистомъ, въ свитѣ дряннаго Принца, давно ли былъ освистанъ на Франкфуртскомъ Театрѣ, давно ли въ Магдебургѣ, при одномъ имени, получилъ уже отказъ, а теперь вдругъ будетъ дебютировать на первомъ театрѣ Германіи? Конечно онъ видѣлъ по словамъ и обхожденію Графа, что этою милостью онъ былъ обязанъ Генриетѣ, и на этотъ разъ надѣялся, что благосклонность женщины не погубитъ его.

Возвратясь къ Луизѣ, онъ рассказалъ о своемъ счастьи, и всѣ трое принялись за распоряженія къ дебютамъ. Генриета отклонила всѣ препятствія, какія быва-

ютъ при этихъ случаяхъ, и черезъ пять дней Рудольфъ явился въ роли *Карла Моора*; Генриета играла Амалію.

Съ перваго шага Рудольфъ увидѣлъ всю неизмѣримую разность въ составѣ труппы и массѣ зрителей между Данцигомъ и Берлиномъ. Его приняли благосклонно, но не спѣшили ни аплодировать, ни поощрять. Надобно было употребить всѣ усилія, чтобъ вырвать во второмъ актѣ нѣсколько аплодиссментовъ. Въ третьемъ, это расположеніе еще болѣе усилилось, а въ пятомъ дошло наконецъ до того, что каждый изъ зрителей, потирая руки, говорилъ: *ja! er ist brav!*

Послѣ вызова, Рудольфъ какъ сумасшедшій бросился къ ногамъ Генриеты и расцѣловалъ ея руки. Онъ чувствовалъ, что ей одной былъ всѣмъ обязанъ.

Съ перваго раза, разумѣется, рѣшено было Графомъ Б., что дебюты Рудольфа будутъ продолжаться до шести разъ. Чувства радости Рудольфа были невыразимы. Онъ былъ счастливѣйшимъ человекомъ въ свѣтѣ. Благодарность его къ Генриетѣ доходила до обожанія. Луиза смѣялась надъ его восторгомъ, а между тѣмъ въ глубинѣ души своей припоминала страстные восторги Карла, о которомъ она давно не имѣла извѣстія. Рудольфъ хотѣлъ пощадить бѣдную дѣвушку, и не рассказалъ ей ничего о перемѣнѣ чувствъ и характера Карла. Притомъ же онъ хотѣлъ удостовѣриться не правъ ли и Карлъ, предполагая, что *актриса* давно его забыла.

Оставшись наединѣ съ Генриетою, спросилъ онъ ее объ этомъ, и та отвѣчала, что Луиза часто вспоминаетъ о Карлѣ, но что въ исполненіи клятвъ его и въ вѣрности его чувствъ она сомнѣвалась даже тогда, когда они еще были вмѣстѣ.

«Вы меня удивляете, сказалъ Рудольфъ... я былъ свидѣтелемъ клятвъ Карла, и видѣлъ, какъ Луиза отъ чистаго сердца ихъ

принимала, какъ она раздѣляла чувства его....»

— Разумѣется! Какъ же вы хотите, чтобъ молодая дѣвушка увлеклась минутными чувствами. Вѣдь Луиза не каменная.... Она дѣйствительно и любила вашего друга, но гораздо разсудительнѣе, нежели онъ ее любить. Она видѣла, что онъ не въ состояніи будетъ сдерживать своихъ клятвъ....

«И что жъ? она его разлюбила?...»

— Я бы вамъ могла сдѣлать подобный же вопросъ.... Вы видѣли Карла.... Скажите откровенно: любить ли онъ Луизу?

Рудольфъ печально опустилъ голову, и Генриета поняла его.

«Вотъ видите ли, что значать клятвы мужчинъ,» продолжала она.

— Мужчинъ? о, ради Бога! не ставьте всѣхъ въ одну категорію съ Карломъ.... я самъ удивился той перемѣнѣ, которую нашелъ въ этомъ человѣкѣ.... я почти стыдился за него во всѣхъ отношеніяхъ....

«Напрасно.... Обстоятельства перемѣняютъ всѣхъ.... Немногіе могутъ устоять противъ вліянія окружающихъ лицъ... Вы всѣ, господа студенты, полагаете, что свѣтъ сотворенъ для васъ, что когда вы выйдете изъ университетовъ, будете вращать всѣмъ обществомъ, всѣми дѣлами, всѣми людьми.... А съ перваго шага въ свѣтѣ выходитъ на повѣрку, что люди и обстоятельства совершенно поглощаютъ васъ.... Повѣрьте, что Карлъ ни сколько не виноватъ въ перемѣнѣ чувствъ и характера.... Онъ только что покорился обстоятельствамъ....»

— Нѣтъ! ни какія обстоятельства не извиняютъ низкихъ чувствъ.... Если бы меня полюбила такая милая дѣвушка какъ Луиза, если бы я далъ ей клятву, то утопился бы когда почувствовалъ, что пересталъ быть ей вѣрнымъ...

«Это только значить, что въ васъ, милый Рудольфъ, до сихъ поръ много поэзіи. Прійдетъ время, вы полюбите, по-

томъ жаръ этотъ пройдетъ, и вы разлюбите....»

— Никогда!...

Приходъ Луизы прервалъ ихъ разговоръ. Обоимъ почему-то не хотѣлось говорить при ней о Карлѣ. Но инстинктъ молодой дѣвушки самый вѣрный отгадчикъ тайнъ. Луиза внимательно посмотрѣла на обонхъ, и улыбаясь спросила ихъ о чемъ они говорили. Рудольфъ не отвѣчалъ ничего, потому что не хотѣлъ солгать, а Генриета сказала съ равнодушнымъ видомъ: «О тебѣ, милая Луиза.»

Луиза покраснѣла. «Что жъ, вы меня бранили?» спросила она смѣясь.

— Нѣтъ еще.... собирались только, да ты помѣшала....

Тутъ разговоръ принялъ оборотъ шуточный и веселый. Рудольфъ ушелъ. Онъ самъ себѣ не могъ дать отчета въ своихъ чувствахъ. Онъ любилъ Генриету, но эта любовь такъ тѣсно была соединена съ благодарностью, что онъ не умѣлъ отличить этихъ чувствъ. Теперь же онъ отыскалъ въ сердцѣ своемъ другое, весьма живое ощущеніе къ Луизѣ. Измѣна Карла наполнила душу Рудольфа какимъ-то сожалѣніемъ, состраданіемъ къ оставленной дѣвушкѣ. Это, конечно, была не любовь; однако же, мысли его и взоры безпрестанно обращались къ ней.

Между тѣмъ, Генриета познакомила Рудольфа со всею труппою и со всѣми лицами, которыя имѣли вліяніе на театръ. Чрезъ это всѣ его остальные дебюты, поддержанные со всѣхъ сторонъ, кончились самымъ блистательнымъ образомъ.

На другое утро, послѣ окончанія дебютовъ, отправился онъ вмѣстѣ съ Генриетою къ Графу Б., чтобъ благодарить его за оказанное покровительство. Дорогою, Генриета научила его какъ и что говорить Графу.

«Я долженъ благодарить васъ, любезный Рудольфъ, отвѣчалъ добрый вельможа, на благодарственные его фразы. Вы прекраснымъ своимъ талантомъ доставили

публикѣ много удовольствія.... Куда вы теперь намѣрены ѣхать?....»

—Еще не знаю, Ваше Сіятельство.... Теперь началась война, и бѣдной Германіи не до актеровъ и до театра....

«Да! это правда.... Но, вѣроятно, что наша армія напомнитъ этимъ господамъ демагогамъ времена Фридриха и Росбаха....»

— Это самое пламенное желаніе всѣхъ истинныхъ Германцевъ....

Графъ спросилъ потомъ Рудольфа, гдѣ онъ воспитывался, и по счастливому случаю оказалось, что самъ Графъ въ томъ же университетѣ получилъ первоначальное образованіе. Они разговорились о прежней жизни, и кончилось тѣмъ, что Генриета, вмѣшавшаяся въ разговоръ, сказала Графу, что всего бы лучше было: не пускать Рудольфа изъ Берлина.

«Я бы очень былъ радъ, отвѣчалъ Графъ.... Но вы вѣдь знаете, милая Генриета, наши законы и положеніе.... У насъ есть на первое амплуа К., и я могу предложить Рудольфу только амплуа *замысляющихъ*.... По его дарованію, онъ вѣрно не согласится на это....»

— Чтобъ служить подъ начальствомъ Вашего Сіятельства, можно принести всякую жертву, отвѣчалъ Рудольфъ.

«Въ такомъ случаѣ, я васъ сейчасъ ангажирую, и повѣрьте мнѣ, что вы ничего не потеряете....»

— Я могу только выиграть, удостоюсь вашего покровительства....

Условіе тотчасъ же было заключено, и Рудольфъ опредѣленъ на амплуа перваго дублера, съ жалованьемъ по тысячѣ талеровъ.

Кто опишетъ радость Рудольфа! Онъ былъ теперь въ полномъ смыслѣ *артистъ* — и *Королевскаго Театра!* Это превосходило всѣ его мечты и надежды.

Онъ тотчасъ же, съ помощью Генриеты, пріискалъ себѣ скромную квартиру по близости ея, и благословлялъ судьбу свою,

которая наконецъ привела его въ надежное пристанище.

Но увь! постоянное жилище его не было продолжительно? Наполеону вздумалось, противъ всѣхъ расчетовъ, разбить Прусскую Армію при Іенѣ и Ауерштадтѣ, а вслѣдъ за тѣмъ завоевать и всю Пруссію. Король и Дворъ удалились изъ Берлина, а театръ? Кто о немъ тогда думалъ? Однако же, Рудольфъ, какъ патриотъ, не хотѣлъ оставаться въ столицѣ, завоеванной врагомъ Германіи. Являсь къ Графу Б., онъ просилъ позволенія слѣдовать за Дворомъ въ Кенигсбергъ.

«Я теперь вспомнилъ ваши слова, любезный Рудольфъ, сказалъ Графъ. Намъ теперь не до театра... И однако же, нельзя будетъ оставить Дворъ и публику новой резиденціи безъ спектаклей... Поѣзжайте въ Кенигсбергъ и тамъ явитесь ко мнѣ... я объявлю всѣмъ нашимъ артистамъ, что предоставляю на волю ихъ оставаться здѣсь, или ѣхать наудачу въ Кенигсбергъ. Здѣсь, разумѣется, должны остающіеся составить собственную свою труппу и *антрепризу*... Я имъ оставляю театръ, декорации и большую часть гардероба. Въ Кенигсбергѣ же я составлю небольшую труппу на счетъ дворцовыхъ доходовъ, и мы увидимъ какъ это пойдетъ...»

— Если я буду получать и вдвое меньше, то за счастье себѣ поставлю быть подъ вашимъ начальствомъ...

«Благодарю васъ... Кто знаетъ, можетъ быть, вы и не будете раскаяваться... И такъ, до свиданія — въ Кенигсбергѣ.»

Рудольфъ откланялся и сѣвши объявить Луизѣ и Генриетѣ о рѣшеніи Графа. Обѣ послѣдовали примѣру Рудольфа, и рѣшились ѣхать въ Кенигсбергъ. Вдругъ, въ самый день отъѣзда, Рудольфъ получилъ письмо отъ Карла (котораго онъ увѣдомилъ о счастливой перемѣнѣ своей участи). Карлъ увѣдомлялъ, что дядюшка его скоростыжно скончался, узнавъ о приближеніи Французовъ къ Магдебургу.

Послѣ смерти его, Карлъ вступилъ въ управленіе его конторою и имѣніемъ, будучи и самъ наследникомъ третьей части всего его богатства. Теперь онъ рѣшительно и убѣдительно звалъ къ себѣ Рудольфа, обѣщая ему золотыя горы и даже говоря, что женить его на одной изъ своихъ кузинъ, а за себя возьметъ другую... Но увь! Рудольфъ не послушался приглашенія Карла. Онъ показалъ письмо Генриетѣ и Луизѣ, и при нихъ написалъ ему отвѣтъ, которымъ отъ всей души благодарилъ его за дружбу и предложенія.

«Я артистъ, независимъ и счастливъ! говорилъ онъ въ концѣ. Чего же мнѣ больше? Я хочу слѣдовать по тому поприщу, которое себѣ выбралъ. Если же когда нибудь мнѣ не посчастливится на немъ, я вспомню и буду знать, что у меня есть другъ, и явлюсь тогда къ нему.»

Отправивъ письмо, онъ въ тотъ же день уѣхалъ. Черезъ три дня послѣ этого уѣхалъ изъ Берлина Дворъ, а на другой день вступили Французы.

Но какъ политика вовсе не наше дѣло, мы послѣдуемъ за Рудольфомъ и его спутницами. Вояжъ еще болѣе сблизилъ ихъ, и Рудольфъ, чтобъ прекратить невѣстность своихъ чувствъ, рѣшился объясниться съ Генриетой. Это случилось еще до пріѣзда ихъ въ Кенигсбергъ. Во весь тотъ день онъ не переставалъ говорить ей нѣжности, и видѣлъ, что она ихъ принимаетъ благосклонно. Наконецъ, улучивъ минуту, когда они остались одни, онъ, безъ излишнихъ восторговъ, предложилъ ей свою руку.

И что жъ? Генриета всыхнула, внимательно посмотрѣла на него, покачала головою и съ нѣжностью сказала ему:

«Я этого ожидала... я очень рада, что вы не слишкомъ откладывали свое предложеніе... Послушайте же, любезный Рудольфъ, я буду съ вами откровенна... я васъ люблю и люблю съ перваго взгляда... Не благодарите меня... это только вступленіе... я люблю васъ какъ друга,

какъ благороднаго юношу, какъ хорошаго артиста... но не такъ какъ мужа... Я актриса, и люблю свое искусство выше всего. И потому никогда не выйду замужъ. Это мое рѣшительное, непрѣмьное намѣреніе. Жена и мать семейства имѣетъ много обязанностей, которыхъ актриса не въ состояніи выполнить. Или она не вполне будетъ заниматься своимъ искусствомъ, а тогда она не истинная актриса, или она будетъ забывать что значатъ жена и мать. Я достигла до того, что сдѣлалась актрисою, не хочу терять того, что имѣю, на пріобрѣтеніе того, что еще не вѣрно. Взявъ себѣ мужа, я рассчитываю, что, или онъ будетъ любить меня и требовать исключительныхъ о немъ заботъ и попеченій, или разлюбитъ меня и броситъ. Въ первомъ случаѣ, онъ будетъ меня мучить своею взыскательностью, даже ревностью, и тогда прощай мое искусство и театральное поприще; во-второмъ, не стоитъ того, чтобъ и замужъ выходить. И такъ, милый Рудольфъ, будьте мнѣ другомъ, любезнымъ товарищемъ, братомъ, но не нищте, не требуйте ничего больше. Все, что я для васъ сдѣлала, сдѣлаю для дружбы и для пользы искусства... Вы ко мнѣ чувствуете много благодарности, и кажется, смѣшиваете это чувство съ любовью... Берегитесь! Вы даже въ этомъ ошибаетесь... Да! пораспросите хорошенько свое сердце... она вамъ скажетъ, что вы любите другую дѣвушку...»

«Другую? Кого?...»

— Подумайте, и скажите откровенно...

Рудольфъ дѣйствительно задумался. Воображеніе его неволью представило ему вдругъ Луизу, со всѣми очарованіями красоты своей, и онъ почувствовалъ, что Генріета не совсѣмъ права. Онъ, однако же, не отвѣчалъ, но уже самое молчаніе изобличало его.

«Вотъ видите ли, что я права, продолжала она. Вы въ эту минуту сами чувствуете справедливость словъ моихъ,

но слишкомъ благородны, чтобъ увѣрять въ противномъ... Теперь послушайте... я вамъ сказала, что люблю васъ, какъ друга, и хочу говорить съ вами, какъ другъ. Послушайтесь моего совѣта, женитесь на Луизѣ...»

— Что вы говорите?... Развѣ это можно?... она любитъ Карла...

«Ошибаетесь... Дѣвушка, у которой есть хоть сколько нибудь самолюбія, не будетъ любить мужчину, который такъ легкомысленно ее оставилъ. Притомъ же она его никогда не любила такъ страстно, какъ вы воображаете... Онъ не можетъ быть идеаломъ женской любви... Я увѣрена, что она любитъ васъ...»

Рудольфъ опять задумался. Онъ вовсе не ожидалъ, чтобъ объясненіе его приняло такой неожиданный оборотъ.

«Хотите ли я спрошу у нее? Хотите ли я поговорю за васъ? продолжала Генріета.»

— Нѣтъ, нѣтъ! Ради Бога! оставьте теперь это дѣло... Пусть время рѣшитъ... Ваши слова совершенно меня разстроили... Дайте мнѣ собраться съ мыслями.

Съ этихъ поръ Рудольфъ обратилъ все свое вниманіе на Луизу, и вскорѣ увидѣлъ, что она дѣйствительно вгайнѣ его любить... И не смотря на это, она безпрестанно настаивала, чтобъ Генріета вышла за Рудольфа.

«Нѣтъ, моя милая! отвѣчала ей Генріета. Мы ужъ объяснились съ Рудольфомъ на этотъ счетъ. Онъ открылъ мнѣ, что любить вовсе другую дѣвушку.»

Этотъ отвѣтъ оканчивалъ всякій разговоръ. Луиза чувствовала, что рѣчь идетъ о ней и не вѣрила своему счастью.

Цѣлую зиму и весну провели наши артисты въ Кенигсбергѣ. Рудольфъ игралъ уже первое амплуа, потому что старшій актеръ (chef d'emploi) остался въ Берлинѣ. Луиза сдѣлалась также рѣшительно первою пѣвицею, и за неимѣніемъ въ Кенигсбергѣ большой оперы, была придворною пѣвицею (Tafel-Ball-und Concert Hof-Sän-

gerinn), которой обязанность состояла пѣть въ собраніяхъ и концертахъ Королевы.

Политическія происшествія принудили Дворъ оставить Кенигсбергъ. Фридрихское сраженіе казалось довершало безнадежное состояніе Пруссіи. Артисты наши, по собственному побужденію, послѣдовали за Графомъ Б. и за Дворомъ... Но вскорѣ Тильзитскій Миръ окончилъ всѣ эти эпизоды, и все опять попрежнему собралось въ Берлинъ.

Тутъ Луиза достигла высшей точки своей славы. Она сдѣлалась первоклассною Европейскою пѣвицею, и Берлинъ послѣ ее на рукахъ, а Рудольфъ занялъ первое амплу и восхищалъ публику своимъ отличномъ дарованіемъ.

Романъ ихъ вскорѣ кончился. Они женились, а Гевриета осталась другомъ обоихъ.

Повѣсть моя была бы тѣмъ и кончена, если бѣ мнѣ не оставалось еще описать коротенькой сцены съ однимъ изъ ея дѣйствующихъ лицъ.

Понуда Рудольфъ жилъ въ Кенигсбергѣ, онъ переписывался иногда съ Карломъ, и тотъ ему, во всякомъ письмѣ, хвасталъ своимъ огромнымъ богатствомъ и будущими своими предпріятіями, безпрестанно приглашая его къ себѣ. Вдругъ онъ замолчалъ, и переписка кончилась. Рудольфъ полагалъ, что политическія происшествія мѣшаютъ аккуратности почтъ, и уже пріѣхавши въ Берлинъ, написалъ опять Карлу длинное письмо, которымъ увѣдомлялъ его о скорой своей свадьбѣ съ Луизою. Но отвѣта не было. Встревоженный Рудольфъ бросился на биржу, чтобъ отъ купцовъ узнать объ участи Карла, и извѣстіе, которое онъ тамъ получилъ, поразило его какъ громомъ. Во время пребыванія Французовъ въ Магдебургъ, Карлъ подружился со многими Французскими Генералами, и взялъ на себя огромную поставку для арміи Наполеона.

Это предпріятіе увеличило его капиталы до чрезвычайности, и онъ могъ уже считаться однимъ изъ богатѣйшихъ банкировъ Европы. Вдругъ получено было извѣстіе о сраженіи при Прейсишъ-Эйлау, и патриотизмъ Прусаковъ увеличилъ выгоды, одержанныя Русскимъ оружіемъ. Наполеонъ въ первый разъ думалъ о ретирадѣ. Онъ уже посылалъ инженеровъ для устройства мостовъ на Вислѣ. Австрія, смотрѣвшая до тѣхъ поръ очень хладнокровно на борьбу Пруссіи, начала приводить въ движеніе свои войска. Даже Годой, Князь Мира, объявилъ войну Наполеону. Мудрено ли было несчастной Пруссіи вообразить, что минута ея освобожденія и мести наступаютъ? И богачъ нашъ, Карлъ, не постыдившійся употребить свои капиталы на продовольствіе враговъ своего отечества, вдругъ расчелъ, что богатство его навѣрное удвоится, если онъ въ минуту гибели Французовъ измѣнитъ своимъ обязательствамъ. Онъ прекратилъ свою поставку, забравши огромныя суммы впередъ. И что же? Онъ самымъ жестокимъ образомъ ошибся въ своихъ расчетахъ. Наполеонъ вовсе еще не былъ побѣжденъ, Австрія осталась при однихъ приготовленіяхъ, даже Годой не помогъ планамъ нашего банкира, и Французы, узнавъ о поступкѣ Карла, распорядились съ нимъ по-военному. Чтобъ возратить взятые имъ впередъ суммы и вознаградить себя за обманъ, они секвестровали все его имѣніе, и нарядили надъ нимъ судъ. Въ военное время, это почти то же значило, что смерть. И Карлъ почелъ себя самымъ счастливымъ человѣкомъ, когда одинъ изъ генераловъ, который прежде чрезвычайно былъ доволенъ его товаромъ и молодою женою, далъ ему средство уйти изъ темницы и снабдить какимъ-то паспортомъ на чужое имя.

Такимъ образомъ, съ вершины величайшаго богатства, Карлъ внезапно очутился въ совершенной нищетѣ. Онъ вспомнилъ прежде всего о Рудольфѣ, и отправился

къ нему въ Кенигсбергъ, и, разумѣется, пѣшкомъ. Но онъ уже его тамъ не засталъ. Мы видѣли, что Фриландское сраженіе заставило удалиться артистовъ изъ Кенигсберга. По заключеніи Тильзитскаго Мира, Карлъ побрелъ опять съ котомкою на плечахъ въ Берлинъ, и тутъ-то наконецъ отыскалъ Рудольфа.

Можно вообразить себѣ свиданіе двухъ друзей. Рудольфъ не сказалъ Карлу ни одного упрека, но онъ ему рекомендовалъ свою молодую жену, и въ заключеніе предложилъ жить у него. Разумѣется, тотъ согласился и остался въ домѣ Рудольфа.

Конецъ Карла былъ самый печальный. Совѣстно ли ему было бѣсть чужой хлѣбъ, или онъ, въ самомъ дѣлѣ, почувствовалъ остроту къ театру, но онъ упросилъ Рудольфа и Генриету, чтобы они доставили ему какуюнибудь должность при театрѣ. Послѣ многихъ испытаній допустили его до дебюта, но онъ не имѣлъ успѣха. Принуждены были назначить Карла суфлеромъ. Но и тутъ другая несчастная склонность погубила его. Онъ сталъ пить, и въ нетрезвомъ видѣ всегда являлся къ должности. Изъ уваженія къ просьбамъ Рудольфа и Генриеты, долго прощали ему это, но наконецъ принуждены были уволить. Тогда онъ сдѣлался статистомъ. Пьянство принудило удалить его и изъ этой толпы ежедневныхъ наемниковъ. Напрасны были увѣщанія Рудольфа, Карлъ потерялъ уже всѣ человѣческія чувства, и только требовалъ у него денегъ. Тотъ имѣлъ слабость никогда ему не отказывать въ нихъ, а Карлъ въ ту же минуту отправлялся въ шинокъ и пропивалъ ихъ.

Въ одно утро найденъ онъ былъ мертвымъ у дверей шинка.

Въ дополненіе моей повѣсти, обязанъ я сказать моимъ читателямъ, что все это не выдумка празднаго воображенія. Въ 1813 году, во время похода, я видѣлъ Рудольфа въ Кенигсбергѣ, а въ 1814 въ Данцигѣ; я имѣлъ случай съ нимъ познакомиться, и онъ мнѣ самъ рассказывалъ свою исторію. Онъ меня даже водилъ въ трактиръ своего дяди, который тогда уже очень низко кланялся племяннику, зная, что онъ богатъ. Онъ показывалъ мнѣ уборную, въ которой одѣвался статистомъ, и другую, въ которой ночевалъ въ потемкахъ. Даже онъ очень хорошо помнилъ кулису, въ которой забывшись громко сказалъ: *Тфу ты, Боже мой, какъ онъ дурно играетъ!*

Жены его я не видалъ. Она въ это время была въ Бреславлѣ, и уже за мужемъ за другимъ, потому что, въ 1812 году, они развелись. За то Генриета осталась навсегда его другомъ.

Рудольфъ *Аншоузъ* былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ *Нѣмецкихъ* актеровъ, которые на сценѣ слѣдуютъ внушенію своего сердца и естественнаго чувства, не кричатъ, не ломаются, не становятся на ходули, не бросаются изъ угла въ уголъ, не хлопчуть о аплодисементахъ. Послѣ него я не видѣлъ изъ *Нѣмецкихъ* ни одного актера, который бы такъ вѣрно слѣдовалъ природѣ и чувству изящнаго. Въ послѣднее время одинъ *Кунстъ* напомнилъ мнѣ его.

Не знаю причинъ, которыя принудили его оставить Берлинскую сцену, но онъ пять лѣтъ былъ ея украшеніемъ, а потомъ даже десять лѣтъ разѣзжалъ по разнымъ театрамъ Германіи.

Онъ умеръ преждевременно. Въ 1822 году, когда ему было только 36 лѣтъ; апоплексическій ударъ окончилъ его жизнь.

Р. ВОТОВЪ.

III. ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

АЛЕКСАНДРИНСКИЙ ТЕАТРЪ.

Въ нынѣшней книжкѣ Репертуара и Патеона мы не можемъ похвалиться множествомъ театральныхъ новостей; зато отмѣчаемъ въ Хроникѣ нашей одну новость, которая стоитъ многихъ: Русская сцена наша, въ последнее время, обогатилась новымъ, замѣчательнымъ дарованіемъ въ лицѣ Г-жи Самойловой 3-й, принадлежащей къ артистическому семейству, которому Петербургская публика обязана многими наслажденіями.

Г-жа Самойлова 3-я — младшая изъ сестеръ, изъ которыхъ одна была, а другая и теперь еще служить украшеніемъ нашей сцены. Робкою дебютанткой выступила она, въ прошедшемъ году, въ пустой, нелѣпой цѣсѣ, въ безцвѣтной роли, въ драмѣ *Князь Серебряный*, Г-на Филимонова. Не смотря на неудачу выбора роли для *перваго* дебюта, на свойственную дебютанткѣ робость и застенчивость, она сошла со сцены при громкихъ, единодушныхъ аплодисментахъ и вызовахъ. Публика отличила дарованіе молодой дебютантки, и почтила ее радушнымъ привѣтомъ.

Второй дебютъ Г-жи Самойловой былъ въ нынѣшнемъ году, въ бенефисъ почтенной я матери, въ роли Ифигеніи (въ трагедіи *Ифигенія въ Авлидѣ*). Выборъ не

удачнѣе перваго: тамъ фразы и безцвѣтная роль, здѣсь — тоже фразы, но при варварскомъ старомъ языкѣ, напоминающемъ времена блаженной памяти Сумарокова, тяжелой версификаціи, риторической шумихѣ, гдѣ и опытному дарованію не легко справиться, а тѣмъ менѣе молодой артисткѣ, дебютирующей во-второй разъ. Но и тутъ Г-жа Самойлова отблалась съ честію; благодаря совѣтамъ и наставленіямъ нашей заслуженной артисткѣ А. М. Каратыгиной, влияние которой очень было замѣтно въ игрѣ молодой дебютантки, Г-жа Самойлова прочла свою роль прекрасно, съ толкомъ, съ чувствомъ, съ разстановкой. Болѣе ничего нельзя было отъ нея ни ожидать, ни требовать.

Наконецъ, въ недавнее время, афиша возвѣстила о новомъ дебютѣ молодой артистки, недавно ангажированной къ нашему театру. Для дебюта выбрала она одну изъ блистательныхъ ролей незабвенной В. Н. Асенковой — роль *Мальвины*, въ драмѣ, переведенной Г. Ленскимъ. Къ сожалѣнію, намъ не удалось быть въ этомъ спектаклѣ, который повторялся лишь на дняхъ, но мы слышали отъ другихъ, что Г-жа Самойлова исполнила эту роль славою.

Наконецъ, на прошлой недѣлѣ, мы видѣли Г-жу Самойлову еще въ новой роли — въ пьесѣ *Первая и Последняя Любожь Карла XII*, переведенной съ Нѣмецкаго П. Г. Ободовскимъ и игранной въ бенефисъ Г-жи Самойловой 2 й. Здѣсь Г-жа Самойлова сыграла роль небольшую, роль молодой шестнадцати-лѣтней дѣвочки, чистой, доброй души, немножко капризной, немножко избалованной старикомъ отцомъ, который любитъ ее до страсти, дѣвочки влюбленной въ молодого человека, а между тѣмъ принуждаемой избрать себѣ жениха не по сердцу — грубаго, страшнаго, который никогда не обращался и не умѣетъ обращаться съ молодыми дѣвками, который хочетъ взять сердце приступомъ, какъ привыкъ брать города и крѣпости, однимъ словомъ, Карла XII, который въ Исторіи оставилъ за собою память ненавистника женщинъ. Элеонора (роль Г-жи Самойловой 3-й въ означенной пьесѣ) видитъ передъ собою не Короля, не Карла XII, а безвѣстнаго Полковника Эрихсона, подъ именемъ котораго Король является въ домъ отца ея. Она говоритъ съ Полковникомъ умно, бойко, но холодно, даже неохото и какъ будто съ нѣкоторой досадою: онъ ей не нравится, Богъ знаетъ, почему, не нравится своимъ грубымъ обращеніемъ, своими солдатскими манерами. Но Элеонора узнаетъ потомъ, что этотъ мнимый Полковникъ Эрихсонъ есть никто иной, какъ Король Карлъ XII — она перемѣняетъ тонъ, дѣлается другою — почтительною, кроткою дѣвочкой, но еще болѣе гордой въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ тронуто ея самолюбіе, задѣта ея честь: Король, слишкомъ не delicate и нетерпѣливый, считая ее ребенкомъ, хочетъ приласкать ее, какъ дитя, поцѣловать безъ церемоній, какъ свою будущую невѣсту — посмотрите, какая въ ней перемѣна; какъ выпрямляется станъ, какъ гордо блеститъ взоръ, какое благородство въ лицѣ, во всѣхъ движеніяхъ.... вмѣстѣ съ этимъ она не

выходить, однако жъ, изъ предѣловъ почтенія, которымъ обязана Королю и своему законному повелителю. Вообще въ этой роли Г-жа Самойлова выказала замѣчательное дарованіе, отъ котораго мы въ правѣ ожидать многого и очень многого. Г-жа Самойлова имѣетъ всѣ наружныя качества, необходимыя для артистки — прекрасное живое лицо, выразительный взглядъ, стройный ростъ, пріятный голосъ, благородныя движенія. Прибавьте къ этому шестнадцать или семнадцать лѣтъ, и можете вообразить себѣ, какое сокровище для театра артистка, которая со всѣми этими внѣшними качествами соединяетъ достоинство несомнѣннаго таланта! Если въ игрѣ ея пока замѣтно мало натуры, отсутствіе простоты, то это придетъ со временемъ, когда артистка болѣе освоится со сценой. Четыре роли, въ которыхъ она являлась до сихъ поръ, всѣ были въ стихахъ; желательно было бы, чтобы Г-жа Самойлова 3-я избрала для себя нѣсколько хорошихъ ролей въ прозѣ, ролей, надъ которыми ей надо было бы хорошо поработать, и которыя могли бы служить краеугольнымъ камнемъ и нѣкоторымъ образомъ школою для ея таланта. Стихъ иногда портитъ молодыхъ артистовъ, балуетъ ухихъ, приучаетъ къ декламации, къ напѣву.... Проза въ этихъ случаяхъ гораздо предпочтительнѣе: роли *Луизы* (Коварство и Любовь), *Десдемоны*, *Офелии*, *Корделии* — есть надъ чѣмъ поработать съ пользою и наслажденіемъ. Передъ Г-жей Самойловой лежитъ еще большое поприще — долгій, трудный путь.... Тѣмъ болѣе славы тому, кто совершаетъ его со славою....

Послѣ этой замѣчательной новости, другія не такъ ярки и интересны, да и тѣхъ у насъ очень не много: одинъ только бенефисъ Г-жи Самойловой 2-й. Выше мы сказали уже, что въ этотъ бенефисъ дана была драма *Первая и Последняя Любожь Карла XII*. Это небольшая, легонь-

кая пѣса, перекрасно преведенная нашимъ дѣятельнымъ переводчикомъ, П. Г. Ободовскимъ. Игра Г-жи Самойловой 3-й и Гг. Каратыгина, Сосницкаго и Максимова доставили этой небольшой пѣсѣ полный успѣхъ.

Другая пѣса въ этомъ бенефисѣ была комедія Скриба: *Кто изъ насъ, или тайна, купленная необыкновенною цѣной*, которая у Французовъ играется подъ названіемъ *Jarhet à la recherche d'un père*. Это очень веселая, занимательная комедія. Два молодыхъ человѣка, Стефенсъ и Диксонъ, съ дѣтства дружески связанные между собою, оба не знаютъ своего происхожденія, вповниково жизни своей. Для людей такого рода встрѣчается въ жизни много неудобства и неприятностей. Одинъ изъ этихъ молодыхъ людей, Диксонъ, юноша веселаго, простодушнаго характера, хлопочетъ изъ всей мочи, чтобъ отыскать отца своему другу — о себѣ онъ мало думаетъ — и Богъ знаетъ почему воображаетъ, что другъ его долженъ происходить изъ какого нибудь знатнаго дома. Такое положеніе дѣйствующаго лица приводитъ ко многимъ уморительнымъ сценамъ. Послѣ многихъ хлопотъ и усилій, по большей части пустыхъ и бесполезныхъ, Диксонъ, цѣною всѣхъ зубовъ своихъ (которые условился онъ отдать за двѣсти гиней на жертву зубному оператору), покупаетъ тайну рожденія Стефенса и своего собственнаго, и каково же его удивленіе, когда онъ вдругъ узнаетъ, что онъ, Диксонъ, сынъ знатнаго и богатаго пера Англійскаго, а Стефенсъ сынъ картежнаго игрока, отъявленнаго

плута. Онъ, однако жъ, не смущается этимъ открытіемъ, и сохраняя тайну его, объявляетъ Стефенсу свое открытіе совершенно въ превратномъ видѣ, то есть, дѣлаетъ его сыномъ своего отца. Но увы! эта роковая тайна, какъ громомъ поразила его добраго друга: Стефенсъ собирався жениться на дѣвушкѣ, которую онъ страстно любитъ, и вдругъ роковое извѣстіе его друга открываетъ ему, что онъ чуть не женился на родной сестрѣ своей. Новая суматоха, замѣшательство! Но къ счастью, дѣло еще можно легко поправить. Диксонъ вступаетъ наконецъ въ свои законныя права, отдаетъ половину имѣнія своего Стефенсу, котораго объявляетъ сыномъ бѣднаго офицера, убитаго на войнѣ, и выдаетъ за него родную сестру свою Эффи, ту самую Эффи, въ которую такъ страстно былъ влюбленъ другъ его.

Въ этой комедіи главную роль (Диксона) занимаетъ Г-нъ Максимовъ, и его прекрасной игрѣ пѣса вполне обязана своимъ успѣхомъ.

Двѣ другія пѣсы, игранныя въ бенефисѣ Г-жи Самойловой 2-й, *Пастушка Нинета*, водевиль, и *Первый дебютъ или Зритель по неволѣ*, не замѣчательны: первая есть какая-то нелѣпная пастораль, совершенно неправдоподобная по завязкѣ своей и довольно грязная въ подробностяхъ; вторая, ничто иное, какъ тысяча первое повтореніе закулиснаго переодѣванья, въ новомъ видѣ. Такія пѣсы слишкомъ устарѣли и наскучили. Пора бы замѣнить ихъ чѣмъ нибудь получше, да поновѣе!

РЕПЕРТУАРЪ.

ХАРЬКОВСКИЙ ТЕАТРЪ.

Статья II. (*)

Щира Любовь, драма Г. Основьяненка.

Съ окончаніемъ Троицкой Ярмарки и отъездомъ изъ Харькова незабвеннаго Щепкина прекратились спектакли на здѣшнемъ театрѣ, и въ теченіе почти двухъ съ половиною мѣсяцевъ, до начала Успенской Ярмарки, театръ оставался закрытымъ.

Это было очень кстати: нужно было, чтобы публика, такъ сказать, сколько нибудь забыла тѣ отрадныя минуты, въ которыя Щепкинъ очаровывалъ ее своею художественною игрою; нужно было, чтобы въ памяти зрителей сколько нибудь сгладились живыя воспоминанія объ этой удивительной игрѣ, и публика отдохнула отъ самыхъ разнообразныхъ и могущественныхъ впечатлѣній, произведенныхъ въ нея воображеніемъ и чувствахъ артистомъ-чародѣемъ. Иначе внезапный переходъ отъ художественной игры Щепкина къ игрѣ Харьковскихъ актеровъ, довольно часто только посредственной, казался бы невыносимо тягостнымъ, рѣзкимъ.

Но теперь, когда, по истеченіи двухъ съ половиною мѣсяцевъ, пылкій восторгъ, возбужденный игрою Щепкина, миновалъ, оставивъ однѣ только сладостныя воспоминанія, открытіе спектаклей, ко времени съѣзда помѣщиковъ съ семействами на ярмарку, былъ какъ нельзя болѣе кстати.

Первый спектакль (15-го Августа) и по-

слѣдующіе за нимъ состояли изъ водевилей, большею частию уже игранныхъ прежде. Мы не будемъ говорить о нихъ подробно, потому что считаемъ нужнымъ обратить особенное вниманіе читателей на блистательное отрадное явленіе, котораго, двѣ недѣли тому, были мы свидѣтелями.

Давно уже носились слухи, что извѣстный литераторъ нашъ, Г. Основьяненко, написалъ Малороссійскую драму: *Щира Любовь*, и что она скоро будетъ поставлена на театрѣ. Имѣвшіе случай читать ее въ рукописи, говорили, что она станетъ на ряду, если не выше самыхъ лучшихъ произведеній этого писателя; а потому всѣ любители Малороссійской письменности съ нетерпѣніемъ ждали дня представленія этой пьесы.

Наконецъ, 21-го Августа, длинная, стрыя афиша (очень несправно впрочемъ напечатанная), сказала намъ, что въ тотъ вечеръ мы будемъ имѣть удовольствіе видѣть исполненіе нетерпѣливыхъ ожиданій нашихъ.

Въ театрѣ собрались всѣ любители Малороссійскаго слова: не скажемъ, чтобы театръ былъ полонъ, по эту неполноту вознаграждало присутствіе опытныхъ и справедливыхъ цѣнителей спектакля.

Щира Любовь, драма въ пяти дѣй-

(*) Первая статья была помѣщена въ XII-й книжкѣ нашего изданія.

ствіяхъ. Сюжетъ ея заимствованъ авторомъ изъ истиннаго происшествія, случившагося въ Харьковѣ въ 1770 году. Это происшествіе послужило также содержаніемъ повѣсти Г. Основьяненка: *Вотъ любовь*, напечатанной въ *Современникѣ*. Хотя драма и повѣсть сходны въ главнѣйшихъ чертахъ, однако же, въ драмѣ авторъ сдѣлалъ значительныя измѣненія противъ разсказа въ повѣсти.

Содержаніе драмы довольно просто.

У Таранца, живущаго на Гончаровкѣ (одной изъ бывшихъ тогда подгородныхъ слободъ, а нынѣ предмѣстій Харькова) есть дочь, Галочка. Въ Галочку страстно влюбленъ офицеръ Зоринъ, и Галочка отвѣчаетъ ему полною взаимностью. Пятаковский, приказный изъ Губернской Канцеляріи, также неравнодушенъ къ дочери Таранца, и хочетъ жениться на ней, но какъ ни отецъ, ни дочь не согласились на его предложеніе, то приказный изъ мщенія, пользуясь шуткой работника Таранца Мыколы, дѣлаетъ на Таранца ложный доносъ за колдовство и утаеніе найденныхъ кладовъ. Зоринъ избавляетъ старика Таранца отъ преслѣдованія Пятаковского, и потомъ проситъ у него руки дочери — Галочки; но, когда отецъ отдалъ это на волю дочери, то Галочка, при всей своей пламенной любви къ Зорину, отказывается отъ его предложенія, страшась, что неравенство состояній и брака лишатъ счастья Зорина, подвергнувъ его униженію и посмѣянію въ глазахъ каждаго. И между тѣмъ какъ Зоринъ ухаживалъ къ дядѣ, чтобы испросить его позволеніе на этотъ бракъ, Галочка, въ минуту своей рѣшимости, проситъ отца выдать ее замужъ, по его выбору, хотя даже за ненавистнаго ей Пятаковского, умоляя его поспѣшить бракомъ до пріѣзда офицера. Отецъ выдаетъ ее за своего работника, Мыколу. Но Галочка, не будучи въ силахъ выдержать страшную внутреннюю борьбу, послѣ свадьбы занемогаетъ и, въ болѣзни пораженная воз-

вращеніемъ Зорина, съ дозволеніемъ на женитбу отъ дяди, умираетъ.

Читатели видятъ какъ малосложно наружное содержаніе драмы: но за то какъ богато развитіе внутренняго элемента ея! Возвышенная идея *жертвы любви для самой любви* управляетъ ходомъ всей драмы, а потому автору не нужно было вымышлять *наружной* завязки, она нашлась сама собою въ бореніи чувства любви Галочки къ Зорину, съ страшною мыслию лишить его счастья согласіемъ на бракъ. А въ совершенствѣ внутренняго развитія, подобно какъ здѣсь, и состоитъ, конечно, главнѣйшее достоинство драмы.

Мы сдѣлали самый краткій очеркъ содержанія *Щирою любви*, но читатели видятъ, какъ высока должна быть эта драма при художественномъ исполненіи: въ этомъ отношеніи, драма Г. Основьяненки удовлетворитъ безъ сомнѣнія требованіямъ самаго взыскательнаго критика, и мы ни мало не преувеличимъ нашей похвалы, а только отдадимъ полную справедливость разсматриваемой піесѣ, если скажемъ, что въ текущемъ репертуарѣ Русской сцены нѣтъ ни одного произведенія, которое могло бы, по внутреннимъ достоинствамъ своимъ, сравняться съ *Щирою любовью*.

Боясь слишкомъ увеличить статью нашу, мы должны ограничиться этими общими замѣчаніями. Будемъ надѣяться, что многоуважаемый нами авторъ не откажется подарить публику и литературу нашу напечатаніемъ своей превосходной драмы: тогда можно будетъ подтвердить слова наши подробнымъ разборомъ драмы, отъ чего теперь, по необходимости, должно отказаться.

Въ дополненіе предъидущаго, скажемъ еще нѣсколько словъ объ исполненіи піесы на сценѣ.

Роль перваго и главнаго лица въ драмѣ — *Галочки*, досталась дѣвицѣ Протасовой. Характеръ Галочки въ высшей степени художественъ: дочь простаго обывателя, Галочка пламенно любитъ Зори-

на, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуетъ, что судьба положила между имъ и ею глубокою пропасть — различіе состояній, и это обстоятельство возбуждаетъ въ душѣ ея высокое чувство самоотверженія; зная вполнѣ, что и Зоринъ любитъ ее такъ же страстно, такую же горячею любовью какъ и она его, Галочка страшится, что исполненіе желанія Зорина — бракъ съ нею — послужитъ къ его несчастію, страшится, что тогда онъ будетъ менѣе любить ее, и изъ широй любви къ нему рѣшается жертвовать своей любовью, отказывается отъ брака съ нимъ, чтобы сохранить только навсегда въ душѣ своей святое чувство чистой, возвышенной любви, которою она любила Зорина, и соглашается быть женою работника Мыколы, къ которому не чувствуетъ ни какой привязанности.

Дѣвица Протасова не вполнѣ удовлетворила требованіямъ сценическаго искусства игрою своею. Роль Галочки, выполненная съ полною отчетливостію, была бы новою заслугой со стороны самой знаменитой артистки: здѣсь есть гдѣ показать свой талантъ, свое искусство, приобрести блистательнѣйшіе успѣхи; въ роли Галочки и самой опытной артисткѣ открывается обширное поле для изученія.

По этому не должно строго судить на этотъ разъ игры дѣвицы Протасовой: она что могла, сдѣлала, и на первый разъ сдѣлала очень довольно. Конечно, она не могла выполнить своей роли съ безукоризненнымъ совершенствомъ, правда, что въ первыхъ двухъ дѣйствіяхъ она играла очень хорошо, а въ остальныхъ, гдѣ сила чувства у Галочки достигаетъ своего апогея, была гораздо слабѣе, но за всѣмъ тѣмъ, игра дѣвицы Протасовой даетъ намъ справедливый поводъ думать, что при болѣе внимательномъ изученіи этой роли, она со временемъ вполнѣ будетъ удовлетворять требованіямъ искусства: намъ ручается за это и прекрасный талантъ милой артистки нашей, и любовь ея къ искусству. Именемъ этой любви

просимъ Протасову обратить вниманіе на усовершенствованіе выговора своего въ Малороссійскихъ пьесахъ.

Второстепенная роль подруги Галочки, *Олены*, была выполнена дѣвицею Крыловою во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительно.

Роль *Таранца*, отца Галочки, игралъ Бабанинъ. Характеръ Таранца также въ высокой степени художественъ. Въ немъ видите добраго, прямодушнаго, честнаго, умнаго старика, Малороссіянина, горячо любящаго свою дочь. Роль эта представляетъ много сценическаго эффекта и можетъ послужить талантливому артисту путемъ къ блистательному успѣху; но Бабанинымъ она выполнена была слабо, неестественно. Бабанинъ и здѣсь думалъ произвести эффектъ надутыми-трагическими вскрикиваніями, которыя нравятся лишь извѣстной части публики, но на этотъ разъ даже и галерея не отвѣчала громомъ рукоплесканій на его громозвучную декламацию.

За то роль пріятеля Таранца, *Твердохлиба (Николаевъ)*, была выполнена какъ нельзя лучше. Изъ всѣхъ актеровъ, участвовавшихъ въ настоящемъ спектаклѣ, пальма первенства принадлежатъ Николаеву и Боброву (о которомъ сейчасъ скажемъ). Николаевъ вполнѣ понялъ и отчетливо изучилъ свою роль, и игрою своей показалъ, что онъ не изъ числа актеровъ, доморощенныхъ геніевъ, но что у него есть талантъ неподдѣльный, прекрасный. Николаевъ выступилъ на здѣшнюю сцену только съ открытіемъ театра къ Успенской Ярмаркѣ, но всѣ видѣвшіе игру его въ это время, единогласно признаютъ въ немъ и замѣчательный талантъ, и любовь къ искусству.

То же самое, что сказали мы объ игрѣ Николаева, должны бы повторить и объ игрѣ Боброва: комическую роль *Пятаковского* онъ исполнилъ прекрасно. Прибавимъ къ этому, что Г. Бобровъ принадлежитъ къ числу лучшихъ артистовъ

здѣшней труппы, и что публика всегда остается благодарною за его-одушевленную и отчетливую игру.

Роль *Зорина* (Ленскій) выполнена довольно хорошо. Наконецъ намъ остается только замѣтить, что если бѣ Г. Домбровскій (*Мыкола*, работникъ), вполне постигъ роль свою и умѣлъ перемѣнить манеру въ двухъ послѣднихъ дѣйствіяхъ, когда роль его вовсе перестаетъ быть комическою, какъ до того была, то, конечно, игра его, при чистомъ Малороссійскомъ выговорѣ, превзошла бы игру всѣхъ.

Вотъ мнѣніе наше объ игрѣ каждаго персонажа артиста въ *Широї Любви*. Говоря

вообще, спектакль этотъ шелъ хорошо. Общій эффектъ игры и достоинство пьесы доказывались почти неумолкавшими аплодиссентами, и, по окончаніи пьесы, единодушнымъ, оглушающимъ вызовомъ автора, котораго, впрочемъ, къ сожалѣнію, на этотъ разъ не было въ театрѣ.

Заключимъ, что представленіе *Широї Любви* во всѣхъ отношеніяхъ есть отрадное явленіе, заслуживающее полнаго вниманія всѣхъ любителей сценическаго искусства.

Харьковъ.

6-го Сентября 1842.

Н. М. СЕМЕНОГОРСКІЙ.

КІЕВСКІЙ ТЕАТЪРЪ.

Столько разъ я имѣлъ удовольствіе посѣщать здѣшній театръ, и столько разъ восхищался игрою актеровъ здѣшней труппы и вниманіемъ публики къ нимъ, что съ особеннымъ удовольствіемъ принимаюсь за перо, чтобъ изложить искреннія чувства благодарности, вмѣстѣ съ тѣми, которые хоть разъ имѣли удовольствіе оцѣнить игру Кіевскихъ актеровъ.

Слова: провинціальныя актеры, читатели и вообще живущихъ въ столицѣ заставляютъ думать, что эти актеры, по слухамъ къ нимъ доходящимъ, не стоятъ ни какого вниманія, а что столичное, то и дорого. Бѣдная провинція! Заговори только о ней и еще болѣе о те-

атръ — заткнуть уши, не хотѣть вовсе и слушать. И этимъ только они желаютъ оправдать себя? О! нѣтъ, они не совсѣмъ справедливы. Можемъ ли мы сравнивать деревню, гдѣ мы видимъ только поле и деревенскія хижины, съ большими губернскими городами, гдѣ клубы, собранія, и проч.; и такъ, можемъ ли мы сравнить провинціальныя театры съ столичнымъ, гдѣ сосредоточены вкусъ, таланты и совершенство? Да кто можетъ думать объ этомъ, и кто можетъ говорить, что въ цѣлой Европѣ счищется подобный Г. Каратыгину, съ такимъ талантомъ, съ такимъ геніемъ, какъ онъ? Провинція наша считала бы себя счастливою, только бы увидѣть одинъ разъ Г. Каратыгина на

нашей сценѣ, одинъ разъ только, и тогда, черезъ десять лѣтъ, и еще болѣе вспоминали бы о немъ.

П. С. Мочаловъ доставилъ публикѣ нашей величайшее удовольствіе своимъ прибытіемъ въ Кіевъ, въ Маѣ мѣсяцѣ сего года, въ то самое время, когда число прїѣзжихъ бываетъ гораздо болѣе, нежели въ другое время, исключая контракты, когда мы предъ собою видимъ Французовъ, Италіянцевъ, Татаръ, Грековъ и Грузинцевъ, которые послѣ дневной торговли спѣшатъ въ театръ. Но въ Маѣ, пользующіеся искусственными минеральными водами и притомъ желающіе блеснуть предъ обществомъ, никогда не пропускаютъ спектаклей. Мы наслаждались Г. Мочаловымъ вполне, и могли оцѣнить въ совершенствѣ его талантъ. Съ жадностію публика брала на расхватъ билеты въ конторѣ театра; иногда вдвое, втрое платили бы, только бы достать мѣсто. Публикѣ нашей очень жалко было разстаться наконецъ съ такимъ геніемъ, который своею игрою восхитилъ и удовлетворилъ любопытство ихъ вполне. Имя Мочалова навело на всѣхъ такое дѣйствіе, что толпами стремились видѣть его на сценѣ.

Здѣшнее общество, посѣщающее театръ, можемъ мы раздѣлить на три разряда: на посящее эпюлеты, на неносящее *оныхъ* и купечество. Въ числѣ первыхъ, болѣе пятнадцати генераловъ, которые всегда дѣлаютъ честь своимъ посѣщеніемъ. Вторые по большей части служащіе въ Кіевѣ. Купечество же всегда желаетъ блеснуть предъ публикою, прїѣзжаетъ съ разряженными дочками, сынками и внучатами, разсѣиваются въ ложахъ, стараясь поддержать свой тонъ *par la langue française* «и донъ!» или «ахъ! комъ се жолъ!» и тому подобными чувствительностями; а магушки только и знаютъ что дергаютъ дочерей за платье, чтобы они замолчали и не говорили лишняго, боясь

осрамить себя болтовствомъ родныхъ (*) и подобными фразами. А дочки? О! эти ужъ дочки, того гляди, красивыми личиками своими, прищуриваньемъ глазъ и двухъ-верхковыми лорнетами невольно прельщаютъ къ себѣ офицеровъ въ блестящихъ эпюлетахъ, и съ ума сводятъ коллежскихъ регистраторовъ, франтовъ, безъ закона моды, профессоровъ безъ пряжки и десяти-лѣтней выслуги, поэтовъ безъ души, и музыкантовъ безъ таланта. Бѣда съ ними, да и только! Но за то они бываютъ въ театрѣ, и потомъ съ каждымъ могутъ разсуждать о театрѣ, объ актерахъ, особливо о **** вѣ, который при каждомъ началѣ, срединѣ и окончаніи протяжнымъ голосомъ и каждо-минутными восклицаніями и бїеніемъ руками въ грудь не во время, декламируетъ монологи и думаетъ, что онъ именно то дѣйствующее лице, которое авторъ на сценѣ для него выставилъ. «Вотъ актеръ съ душой», говорятъ онѣ, а другіе, что другіе? знаютъ ли они свое дѣло, когда суфлеръ имъ всегда подсказываетъ? пусть бы они безъ суфлера играли, вотъ, другое дѣло.»—А впрочемъ, они посѣщаютъ здѣшній театръ и съ удовольствіемъ проводятъ время. Другіе, можно сказать, вовсе не съ любовью къ драматическому искусству посѣщаютъ театръ, а только для того, чтобы показать себя, и на другой день спрашивать у знакомыхъ: А вы вчера были въ театрѣ? Я васъ, кажется, не замѣтила, или не замѣтилъ. Жалко, вчерашнія піесы очень занимательны были.»

— А позвольте спросить, что вчера играли?

«Право, не припомню.... такія трудныя заглавія, Боже упаси!» и тому подобное. Но другіе посѣщаютъ театръ съ цѣлю: любители драматическаго искусства, каждое слово, каждое движеніе актера цѣнятъ съ полною справедливостію дилеттантовъ.

(*) Дыси

Здѣсь не такъ, какъ въ столицахъ, гдѣ горничныя, лакеи, прикащики мелочныхъ лавокъ и кучера забираются въ раекъ, по праздникамъ и воскреснымъ днямъ, смотрѣть Г-жу Таліони на сценѣ за гривенникъ, и аплодируютъ безъ конца, хотъ Г-жи Таліони вовсе нѣтъ на сценѣ: для нихъ все равно; кто бы ни былъ, а все бьютъ въ ладони и кричатъ: браво! *хора!*

У насъ же подобный народъ и не имѣетъ понятія о театрѣ; а вотъ канцелярскіе присутственныхъ мѣстъ, писцы всѣхъ разрядовъ платятъ здѣсь въ театрѣ за билетъ въ галерею по 30 к. сереб., и на завтра цѣлое утро толкуютъ о театрѣ, объ актерахъ, и между тѣмъ не доканчиваютъ данныхъ имъ для переписки бумагъ, и работаютъ за то до двѣнадцати часовъ ночи, а когда спектакль, они опять въ театрѣ! Но понимаютъ ли они, для чего даже посѣщаютъ театрѣ? Право, нѣтъ. Спросите только кого-либо изъ нихъ: Что вчера играли? Скажутъ: право, забылъ; но вчера безподобно играли. Иногда только квасникъ заберется въ раекъ, своими произведеніями охлаждать горячее воображеніе или чувствительности канцелярскихъ головокъ.

Но кто болѣе заставляетъ насъ посѣщать театрѣ, и кто болѣе доставляетъ намъ удовольствія, мы можемъ справедливо сказать: Г. Мачаловъ и Г-жа Мачалова. Первый въ полномъ смыслѣ комикъ и съ талантомъ! У него истинный даръ къ комическому искусству, и во всѣхъ роляхъ, имъ занимаемыхъ, мы смѣло можемъ сказать: онъ мастеръ своего дѣла!

Вторая именно рождена для сцены: ея манеры, разговоры во время игры достойны вниманія. Стоитъ ее только разъ посмотрѣть на сценѣ, и тогда всякій скажетъ: Г-жа Мачалова достойна быть актрисой! Посмотрите ее въ драмѣ, въ водевилѣ — она всегда очаровательна!

Въ Г-жѣ Даниловой мы, съ нѣкотораго времени, увидѣли большіе успѣхи. Давайте ей только роли съ постоянными характерами, давайте такія роли, которыя не требуютъ жаманства, кокетства, и тогда полюбуемся ею! Она поетъ довольно хорошо, голосъ у нея рѣзкій и притомъ пріятный, чего же больше желать? Первый только годъ она на сценѣ! Мы можемъ надѣяться, что со временемъ она достойна будетъ похвалъ.

Г. Максимовъ успѣлъ очень много. Посмотрите на него въ роляхъ: Кассія въ *Отелло*, въ *Симонѣ Спротинкѣ* и тому подобныхъ, и тогда скажите достойнъ ли онъ названія актера! Высокій ростъ его, хорошій станъ и красивая наружность придаютъ ему большой эффектъ, особливо въ роляхъ молодыхъ обожателей и франтовъ.

Теперь мы скажемъ о Г. Максимѣ, который довольно способенъ къ драматическому искусству. Вообще въ драмахъ онъ играетъ довольно порядочно, и можно замѣтить, что всѣ роли, имъ занимаемыя, изучаетъ: большое достоинство для актера! Въ драматическихъ представленіяхъ, Г. Максимъ занимаетъ на здѣшней сценѣ первыя роли, и можно сказать, онъ ихъ выполняетъ довольно хорошо. Со временемъ мы надѣмся въ немъ видѣть много хорошаго.

Г. Ершовъ тоже замѣчательный актеръ въ комедіяхъ: онъ всегда играетъ старыхъ и вообще пожилыхъ мужчинъ, иногда старыхъ любовниковъ и тому подобныхъ. Въ этихъ роляхъ онъ чрезвычайно хорошъ.

Объ остальныхъ актерахъ сказать нечего — у насъ ихъ много, да толку мало.

П. РОЗЕНТАЛЬ.

15-го Сентября, 1842 г.

IV. СМѢСЬ.

СИЛЬФИДА И АНГЛИЧАНИНЪ.

Таліони устроняетъ всегда въ своей квартирѣ залу съ покатымъ поломъ, натертымъ меломъ, и здѣсь, въ безмолвныя ночи, Сильфида изучаетъ свои благородныя и граціозныя позы. Величайшая похвала ея легкости находится въ слѣдующемъ анекдотѣ.

Когда Таліони приступила къ устройству этой танцевальной залы въ Парижѣ, одинъ богатый Англичанинъ, жившій надъ квартирою знаменитой танцовщицы, поручилъ сказать ей, что ночные танцы ея будутъ мѣшать его сну.

Отецъ Таліони написалъ Англичанину.

«Если вы услышите мою дочь, я прокляну ее, потому что это обстоятельство привело бы меня въ отчаяніе. Я, отецъ, никогда не слышалъ своей дочери!»

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ упражненія артистки отличались такою легкостью, что рѣшительно не тревожили ни чьего сна.

Изумленный Англичанинъ высказалъ свои чувства слѣдующимъ четверостишіемъ:

«Je voudrais ouïr maintenant
Ce bruit que je t'ai fait défendre,
Car j'ai regret en ce moment,
Bel ange! c'est celui de ne pas t'entendre.»

Т. е.: Теперь я желалъ бы слышать тотъ шумъ, который думалъ запретить

тебѣ, и въ эту минуту сожалѣю, милый ангель, что не слышу тебя.

Стихи эти не послужили Англичанину ни къ чему. Хозяинъ дома, напротивъ того, отказался возобновить контрактъ причудливаго жильца.

РОКОВОЙ СПЕКТАКЛЬ.

Въ одинъ изъ провинціальныхъ Французскихъ театровъ собралась недавно многочисленная публика смотрѣть любимую піесу.

Въ первомъ дѣйствіи выходить на сцену рыцарь; съ лѣвой ноги у него спадаетъ шпора и начинается дребезжать по полу, таща за собою ремень, очень похожій на хвостъ старой крысы. Когда шпора совершенно отвалилась, *персал любовница*, думавшая только о своемъ выходѣ, зацѣпила ее своимъ подоломъ и повлекла по всей сценѣ. Рыцарь обважаетъ мечъ, но рукоятъ остается у него въ рукѣ, а лезвее падаетъ въ суфлерскую конуру. Мечъ, необходимый для дуэли, привелъ актера въ величайшее смущеніе; однако жъ рыцарь, какъ человекъ умный, убилъ своего противника влагаліщемъ меча.

Все это до крайности забавляло публику; второй актъ доставилъ ей еще большее удовольствіе. Входя въ хижину, пер-

вая любовница разорвала платье о дверныя петли, и осталась въ юбочкѣ, съ распущенными волосами. Измѣнникъ крѣпче обыкновеннаго привязалъ себѣ бороду, видя, что спектакль начался подъ дурными предзнаменованіями; но въ ту минуту, когда онъ хотѣлъ сорвать поцѣлуй, борода зацѣпилась за ожерелье субретки, которой досталось во владѣніе богатые черныя бакенбарды. Бѣдный измѣнникъ рванулъ бороду, чтобы высвободить субретку, и въ то же мгновеніе сорвалъ волосы несчастной, прикрѣпленные тремя черными булавками.

Публика помирала со смѣху. Въ третьемъ дѣйствіи, никто не хотѣлъ выходить. Режиссеръ рѣшился анонсировать; онъ былъ блѣденъ, потому что забылъ подумяниться. Лишь только онъ произнесъ: *Господа! мы краснѣемъ!* вся зала отвѣчала ему: Вы совершенно правы!

Въ четвертомъ дѣйствіи, надобно было выходить на сцену собакъ. Получая со всѣхъ сторонъ удары, собака залаяла; въ райкѣ, ей неистово отвѣчалъ другой песъ; пудель-актеръ подалъ реплику; зрительбульдогъ также, и четвертый актъ не состоялся.

Пятое дѣйствіе открылось тирадою безъ всякой помѣхи; но актриса имѣла несчастіе произнести слѣдующія слова изъ своей роли: *Дѣло идетъ хорошо, однако жъ не надолго*, и тогда раздалось общее, оглушительное ура, давно тѣснившееся въ груди зрителей. Режиссеръ, на этотъ разъ довольно красный, явился просить извиненія.

— Хорошо, сказали ему, для васъ сегодня роковой вечеръ, спускайте завѣсу.

Режиссеръ поблагодарилъ снисходительную публику поклономъ... Что же? Завѣса не спустилась, зацѣпившись за какой-то гвоздь, а когда ее стали тянуть, она рухнула всею массою на актеровъ, которые едва не задохлись отъ пыли. Многіе артисты, ушибенные не на шутку ударомъ завѣсы, навсегда излечились, по-

слѣ этого происшествія, отъ драматическаго недуга.

РОБЕРТЪ ДЯВОЛЪ ПОДЪ ДОЖДЕМЪ.

Въ городѣ Сеттѣ (Cette) есть разломанный театръ, или, вѣрнѣе, городъ Сеттѣ не имѣетъ, по этой самой причинѣ, театра, а довольствуется пока досчатымъ балаганомъ. Въ прошедшемъ Августѣ, играли здѣсь *Роберта*. Наибольшая часть зрителей, опасаясь дождя, запаслась зонтиками, что было очень благоразумно: со втораго дѣйствія, дождь сталъ пробиваться сквозь плохо сколоченные брусья импровизированнаго потолка. Тогда, многіе зрители потребовали назадъ деньги, заплаченные за билеты, но какъ дѣло это было весьма затруднительно и едва ли удобоисполнимо, то любители сценическихъ удовольствій и рѣшились досмотрѣть знаменитое твореніе Мейербера. Всѣ находившіеся въ театрѣ зонтики были распущены; публика дружески сомкнулась подъ эти легкіе своды.

Второе дѣйствіе кое-какъ прошло; въ третьемъ, дѣла приняли другой оборотъ: съ потолка хлынулъ совершенный водопадъ; вода оросила не только публику, но добралась и до актеровъ, которые, желая спасти себя, рѣшились послѣдовать примѣру зрителей. Робертъ, въ минуту вызова, держалъ въ одной рукѣ очаровавшую вѣтвь, а въ другой огромный красный зонтикъ, по цвѣту вполне соответствовавшій адскому характеру сцены. Больше всѣхъ нуждались въ прикрытіи покойницы, вызванныя изъ могилъ въ легкихъ костюмахъ. Онѣ очень хорошо это поняли, и каждая изъ нихъ вышла изъ гроба съ зонтикомъ, кто зеленымъ, кто розовымъ, кто синимъ: въ такомъ видѣ онѣ и танцевали вокругъ Роберта. Бѣдный Робертъ былъ похожъ на тритона, окруженнаго паядами. Само собою разумѣется, что въ этотъ вечеръ не дѣйствовали Бенгальскіе огоньки.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ СВИСТКИ.

Недавно, послѣ представленія *Фальстафа*, на театрѣ Одеонъ, молодые авторы, собравшись въ театральномъ фойе, удивлялись, со всею пылкостью лѣтъ, не знающихъ страха и плутихъ на встрѣчу опасностямъ, почему смѣлыя мѣста въ новомъ сочиненіи не такъ сильно раздражили публику. Они находили, что Шекспира принимали черезъ-чуръ запросто; по ихъ мнѣнію, нѣкоторая оппозиція могла бы придать побѣдоносный характеръ успѣху; словомъ сказать, они сожалѣли о томъ, зачѣмъ ихъ немножко не освистали. Александръ Дюма, когда кончались разсужденія молодежи, сказалъ: «Да что вы говорите, господа; вѣдь и свистками удостоиваютъ только испытанныхъ авторовъ.»

Подобное этому замѣчаніе было сказано другимъ талантливымъ писателемъ, когда онъ воротился домой, послѣ бурнаго перваго представленія его пьесы въ Одеонѣ. «Меня мучитъ одно, сказалъ онъ: зачѣмъ меня освистали въ присутствіи моего привратника.» Блестящій успѣхъ на театрѣ у Сент-Мартенскихъ Воротъ возвысилъ потомъ этого литератора во мнѣніи привратника.

МАРКИЗЪ-ДЕВЮТАНТЬ.

Въ *Бельгийскомъ Вѣстникѣ* (Société Belge) помѣщено слѣдующее извѣстіе: За кулисами главнаго Французскаго Театра въ Парижѣ, много говорятъ о новомъ дебютѣ, который долженъ надѣлать шуму по двумъ причинамъ: по достоинству дебютанта и по высокому званію, къ которому онъ принадлежитъ. Молодой дебютантъ, ни больше, ни меньше, какъ Маркизь**, встрѣтился въ исходѣ 1839 — 40 театральнаго года, съ первымъ любовникомъ (jeune premier), игравшимъ въ провинціи роли Тальмы. Маркизь и актеръ подружились. Имѣя неодолимое влеченіе къ театру, Маркизь сталъ учиться у артиста декламации, и въ короткое время оказалъ быстрые успѣхи. Нынѣ, молодой

вельможа, не взираетъ на свою знатность и богатство, хочетъ непременно дебютировать на Французскомъ Театрѣ. Мало этого. Въ знакъ благодарности къ профессору, посвятившему его въ тайны искусства, Маркизь выдалъ за него молоденькую сестру свою, красавицу, и теверь, актеръ-профессоръ, имѣя независимое состояніе, хочетъ бросить несносный, по его словамъ, театръ, между тѣмъ какъ сіятельный ученикъ во снѣ и на яву бредитъ сценою, къ крайнему негодованію своихъ родныхъ.»

МЕЛОЧИ.

Парижскій Королевскій судъ утвердилъ приговоръ первой инстанціи, въ силу котораго Фанни Эльслеръ должна заплатить дирекціи Большой Оперы 60,000 франковъ неустойки за нарушение контракта. Филиппъ Дюпенъ читалъ въ судѣ отрывки изъ фельетоновъ, подъ заглавіемъ: «Странствованія танцовщицы; истина о пребываніи ея въ Америкѣ; оффиціальныя свѣдѣнія о ея доходахъ, расходахъ и подаркахъ.» Въ обвинительномъ актѣ помѣщены также отрывки изъ рѣчей, произнесенныхъ знаменитою танцовщицею въ различныхъ городахъ Новаго Свѣта.

— Особая коммиссія Королевскихъ Театровъ собиралась для обсужденія вопроса о третьемъ лирическомъ театрѣ. Изъ членовъ присутствовали: Герцогъ Куаньи, Президентъ; Кератри, Вице-Президентъ; Маркизь Лувуа, Арманъ Бертенъ, Каве, Директоръ Академіи Художествъ, и Эдуардъ Монне, Королевскій Коммиссаръ лирическихъ театровъ и Музыкальной Консерваторіи. Послѣ продолжительныхъ преній, Коммиссія, выслушавъ Леона Шилье, Директора Большой Оперы, и Кролье, Директора Комической Оперы, изъявила желаніе выслушать и членовъ коммиссіи драматическихъ писателей; но какъ невозможно было собрать всѣхъ въ одинъ день, и какъ многіе перы и депутаты готовились къ отъѣзду изъ Парижа, то оконча-

тельное рѣшеніе дѣла отложено до времени, когда соберутся всѣ члены безъ исключенія.

— Въ одномъ Французскомъ журналѣ пишутъ, что на даровое представленіе на одномъ изъ лирическихъ театровъ, собралось множество народа. Во время увертюры, въ партерѣ и въ райкѣ раздавались различныя восклицанія, а по поднятіи завѣсы зрители прокричали съ радости отчаянное ура. Затѣмъ настало глубокое молчаніе. Опера началась хоромъ; первые такты были выслушаны съ большимъ вниманіемъ, какъ вдругъ какая-то женщина поднялась въ партерѣ, и съ грозными упреками воскликнула: Вотъ тебѣ на! Для насъ, они поютъ всѣ за разъ, чтобы поскорѣе кончить!

— Изъ Вѣны увѣдомляютъ, что Таліони, ангажированная къ Императорскому Театру на двѣнадцать представленій (по 1750 рублей за каждое), уже являлась въ *Сильфидѣ*, *Мирандѣ* и *Хитанѣ*. Стеченіе публики было необыкновенное. Истощивъ всѣ средства къ обнаруженію своего восторга, зрители выдумали новое. Въ ту минуту, когда, послѣ представленія *Хитаны*, Таліони вышла изъ театра, около тысячи двухъ сотъ молодыхъ людей, вооруженныхъ факелами и инструментами, посадили танцовщицу на великолѣпную триумфальную колесницу, убранную вѣнками и цвѣточными гирляндами, и въ такомъ видѣ возили ее по главнымъ улицамъ, подъ звуки народныхъ пѣсень. Окна многихъ домовъ были освѣщены. Подобныя глупости превосходятъ всякое вѣроятіе, и простительны только потому, что, вѣроятно, выдуманы Парижскими журналистами, подобно тому, какъ они писали и о Петербургѣ.

— Моріани, знаменитый Италіанскій теноръ, возвращаясь изъ своей виллы во Флоренцію, былъ выброшенъ изъ тильбюри. Одна нога его зацѣпилась за под-

ножку, и въ такомъ положеніи, Моріани былъ влекомо довольно долго. Надѣются, впрочемъ, что это происшествіе не будетъ имѣть опасныхъ послѣдствій.

— Изъ Кельна пишутъ: На концертъ Листа, данный въ пользу окончательной постройки Кельнскаго Собора, собралось до двухъ тысячъ слушателей. Король и Королева Прусскіе удостоили сей концертъ своимъ присутствіемъ. Восторгъ публики былъ изумительный. Послѣ шести пѣсень, исполненныхъ артистомъ, всѣ слушатели попросили повторить фантазію изъ Роберта. По окончаніи концерта, Король подарилъ Листу богатый брилліантовый перстень.

— Тальбергъ, находящійся теперь въ Вѣнѣ, посѣтитъ, въ продолженіе Ноября и первой половины Декабря, Англию, Шотландію и Ирландію; оттуда отправится въ Голландію, а въ исходѣ Января будущаго года поѣдетъ чрезъ Брюссель въ Парижъ, гдѣ проживетъ до Апрѣля.

— Скульпторъ Фожине, сдѣлавъ изъ мрамора бюстъ Мариво, предложилъ Французской Комедіи помѣстить этотъ бюстъ въ фойе сего театра. Предложеніе Г. Фожине было принято съ благодарностью.

НЕКРОЛОГЪ.

ДАРБОВИЛЬ.

Дарбовиль, превосходный пѣвецъ, актеръ, одаренный истиннымъ талантомъ и неистощимымъ комическимъ жаромъ, умеръ скоропостижно на сценѣ Марсельскаго Театра. Грустна кончина артиста, одно имя котораго всюду возбуждало веселость!

Покойникъ, до поступленія на сцену, называвшійся Жюль-Жаномъ Клерже, происходилъ изъ благородной фамиліи, и въ молодости служилъ нѣкоторое время во флотѣ; но потомъ увлекся страстью къ театру. Сначала, онъ игралъ на провинціальныя сценахъ, и особенно приобрѣлъ

блистательные успѣхи, какъ пѣвецъ и актеръ, на Лионскомъ Театрѣ. Въ 1815 году, принужденный удалиться въ Брюссель, Дарбовиль и здѣсь скоро сдѣлался любимымъ артистомъ публики. Въ 1822 году, члены театра Федо вызвали его въ Парижъ, какъ единственнаго Французскаго пѣвца, который могъ замѣнить знаменитаго Мартеня. Такое преемничество, страшное для всякаго другаго артиста, для Дарбовиля было, напротивъ, случаемъ къ полному торжеству, засвидѣтельствованному всѣми современными журналами. Онъ постоянно игралъ съ лучшими тогдашними артистами и артистками, Поншаромъ, Жюлье, Г-жамп Буланже, Риго, Прадьеръ и Лемонье.

Кромѣ всѣхъ ролей Мартеня, игравшихъ съ необыкновеннымъ успѣхомъ, Дарбовиль создалъ главные роли въ *Сестрахъ близнецахъ* Фетиса и въ *Камер-*

динеръ Карафы. Принужденный по причинѣ горловой болѣзни оставить лирическую сцену, онъ перешелъ на Марсельскій Театръ, гдѣ, въ продолженіе тринадцатилѣтъ, своимъ комическимъ талантомъ, костюмами, боснословною оригинальностію, искусствомъ представлять типовъ юга Франціи, заслужилъ такую народность, съ которою можетъ сравниться развѣ только народность Арналя. Изъ Марсели, Дарбовиль ѣздилъ играть почти во всѣ города Прованса. Въ сцены, онъ былъ постоянно мраченъ, задумчивъ, одержимъ сильнѣйшимъ сплиномъ, то есть, страдалъ тѣмъ душевнымъ недугомъ, которому, къ несчастію, подвержена наибольшая часть комиковъ, смѣшавшихъ публику до упада.

Въ Берлинѣ умеръ пзвѣстный своими композиціями камеръ-музыкантъ Сунделинъ.

У. ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ, ТОЛКИ И СЛУХИ.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ первую половину Октября, кромѣ бенефиса Г-жи Самойловой 2-й, о которомъ мы напечатали разборъ въ нашей *Хроникѣ*, были на Большомъ Театрѣ бенефисы Г-на Петрова и Г-жи Смирновой. Г. Петровъ давалъ оперу Дондзетти *Осада Кале*, которую съ тѣхъ поръ уже играли раза четыре и больше; Г-жа Смирнова возобновила балетъ Г-на Талиони: *Дан, или Португальцы въ Индіи*, и сама, въ роли Дан, заслужила единодушныя рукоплесканія. Очень мило танцевала въ тотъ же вечеръ Г-жа Шлефохъ. Послѣ балета данъ былъ Дивертисементъ, составленный изъ танцевъ и пѣнія. Лучшее всѣхъ, по части пѣнія, былъ романсъ изъ *Лукреціи Борджіи*, пропѣтый Г-мъ Артемовскимъ, а изъ танцевъ Тирольское па, съ хорамн, изъ оперы *Карлъ Смѣлый*; въ этомъ па участвовали Г-жи Смирнова и Шлефохъ. Понравился также Аррагонскій *Хота*, который протанцевала съ Г-мъ Фредерикомъ, рѣзвая Г-жа Андрѣянова. — Открытіе Михайловскаго Театра,

послѣ перестроекъ въ немъ, происходило 15-го числа, слѣдовательно по заключеніи вышней книжки. Поговоримъ о томъ въ слѣдующей книжкѣ.

П А Р И Ж Ъ.

Въ теченіе Сентября играли, на Парижскихъ Театрахъ всего 3 новыя драмы и 7 новыхъ водевилей, написанныхъ 17-ю авторами; по возобновеніи даны 10 пьесъ. Замѣчательно значительное уменьшеніе числа новыхъ пьесъ. Въ Январѣ ихъ было играно 19, въ Февралѣ 29, въ Мартѣ 23, въ Апрѣлѣ 21, въ Маѣ 20, въ Юнѣ 25, въ Юлѣ 18, въ Августѣ 13, а въ Сентябрѣ только 10. Должно сказать, что Одеонъ, или второй Французскій Театръ, былъ закрытъ съ 17-го Юня и открылся вновь только на дняхъ; что съ 16 го Августа не играютъ на Театрѣ Водевилья; что на Театрахъ Гимназиі и Variétés даютъ старыя, возобновленныя пьесы, и что на Театрѣ Пале-Рояля, въ теченіе болѣе шести недѣль, непрерывно играютъ пьесу *l'Omelette fantastique*, которая все еще даетъ полные сборы.

— Для открытія Второго Французскаго Театра была дана на немъ драма въ четырехъ дѣйствіяхъ въ стихахъ: *l'Héritage du mal*; вслѣдъ за тѣмъ былъ данъ: *Falstaf*, піеса въ трехъ дѣйствіяхъ, съ прологомъ, Г. Леона Марселя. «Ну, что, Генрихъ, который теперь часть?» Такъ у Шекспира начинается разговоръ толстякъ Фальстафъ, съ какою-то фамилярностью разговариваетъ онъ съ Принцемъ Валлійскимъ, своимъ товарищемъ по разгульной жизни. Нѣтъ, слово разгульный недостаточно характеризуетъ эту жизнь; она была болѣе, чѣмъ разгульная, потому что эти господа позволяли себѣ избавлять прохожихъ отъ кошелековъ ихъ. Юность Генриха V была омрачена постыдными излишествами; но Принцъ, по его собственному выраженію, вышелъ изъ позора, какъ выходитъ солнце изъ облаковъ, между тѣмъ какъ товарищи его остались во тьмѣ и развратѣ.

Сирь Джонъ Фальстафъ имѣетъ всѣ пороки: онъ воръ, трусъ, пьяница, развратникъ; Принцъ Генрихъ сравниваетъ его съ боченкомъ Испанскаго вина; онъ, дѣйствительно, толстъ, какъ бочка, и можетъ выпить цѣлый боченокъ. И вотъ Фальстафъ скитается изъ таверны въ таверну. Чтобы поднять его, когда онъ упалъ на землю, нужны рычаги. Въ своихъ ночныхъ походахъ, онъ всего болѣе ненавидитъ тѣхъ, кого называетъ онъ *ходячими шутками*. Онъ такъ толстъ, что едва можетъ ходить. Принцъ Валлійскій безпрестанно насмѣхается надъ Фальстафомъ. Генрихъ беретъ его всюду съ собою, для того, чтобы забавляться надъ нимъ, чтобы осыпать его эпиграммами. Вотъ одна изъ лучшихъ шутокъ, которыхъ предметомъ былъ Фальстафъ: его посылаютъ обирать прохожихъ; потомъ Принцъ съ другими пріятелями нападаетъ на него и, прибывъ его, отнимаетъ у него добычу. Надобно видѣть послѣ того какъ хвратится Фальстафъ, надобно слышать, какъ онъ рассказы-

ваетъ, что на него напала цѣлая сотня негодяевъ, и что онъ рубился съ ними цѣлую ночь. «Мое полукафтанье было насквозь проколото мечемъ восемь разъ, чулки мои были проколоты четыре раза; щитъ мой пробить насквозь; мечъ мой иззубренъ, какъ пила.» Такъ говоритъ Фальстафъ. Онъ нарочно иззубрилъ свою шпагу книжаломъ, чтобы заставить вѣрить своей храбрости.

Сцена, въ которой Принцъ и Фальстафъ разыгрываютъ, поочереди, въ гостиницѣ *East-Cheap*, роль Короля Генриха, есть превосходная комическая сцена. Какія истинны говорятъ они, смѣясь, другъ другу! Принцъ особенно осыпаетъ своего товарища самыми презрительными выраженіями. Ясно замѣчаешь, что онъ говоритъ, что чувствуетъ, и предвидишь, что онъ сдѣлается, когда будетъ Королемъ. Нельзя себѣ представить ничего забавнѣе Фальстафа, командующаго своею ротою; онъ порядкомъ пользовался отъ насильственнаго набора солдатъ; онъ пообобралъ изрядно, кого можно было пообобрать; вмѣсто солдатъ онъ хваталъ себѣ денегъ; но такъ какъ ему нужно имѣть хоть что нибудь похожее на роту, то онъ набобовалъ себѣ негодяевъ и бѣдняковъ, между которыми на пятьдесятъ человекъ приходится полторы рубахи, да и то сшитыхъ изъ салфетокъ, которыя украдены у трактирщика. Фальстафъ гораздо болѣе дорожитъ деньгами, чѣмъ честью. Честь для него не болѣе какъ слово; а что такое слово? *Вѣтеръ!* Быть честнымъ, по его понятіямъ, значитъ жить и жить хорошо... За то и бережетъ онъ свою жизнь на войнѣ, бережетъ крѣпко!

Таково-то лицо, которое Г. Леонъ Марсель рѣшилъ вывести на сцену, отдѣливъ его отъ двухъ драмъ Шекспира, въ которыхъ появляется оно. (Г. Марсель оставилъ въ сторонѣ *Виндзорскихъ кумушекъ*, гдѣ Фальстафъ опять появляется и гдѣ все таки надъ нимъ смѣются). Настоящая піеса занята только отношеніями Фаль-

стафа къ Принцу Валлійскому. Главныя очеркъ которыхъ представленъ выше, переданы въ ней вѣрно; стихи въ ней прекрасны, иные изъ нихъ, быть можетъ, слишкомъ смѣлы, и авторъ не избѣжалъ невѣрности, которую встрѣчаешь иногда въ пьесахъ Шекспира; но, не смотря на то, пьеса Г. Марсея, проникнутая духомъ великаго поэта, весьма интересна. Милонъ прекрасно сыгралъ роль Принца Генриха, а Лудовикъ Монрозъ былъ весьма удовлетворителенъ въ роли Фальстафа. Пьесъ этой предшествовалъ остроумный прологъ, который приписываютъ Теофилю Готье.

— *Театръ у Сень-Мартенскихъ Воротъ. Mathilde*, драма въ пяти дѣйствіяхъ, соч. Гг. Феликса Пиа и Е. Сю. Съ нѣкотораго времени, въ Парижѣ, между романистами и драматическими писателями завелось слѣдующее обыкновеніе: когда кто либо изъ первыхъ напишетъ замѣчательное произведеніе, тотчасъ кто либо изъ вторыхъ найдетъ возможность перенести это произведеніе на сцену. Послѣ того эти господа соединяются между собою, и *разрабатываютъ* романъ или повѣсть на пользу общую. Е. Сю напечаталъ въ газетѣ *la Presse* романъ, подъ названіемъ *Mémoires d'une jeune femme*, романъ, который былъ прочитанъ съ жаждою читателями этой газеты и особенно дамами. Огромный успѣхъ этого романа родилъ въ авторѣ *Дуэжъ Слесарей*, Г. Феликсъ Пиа, идею перенести его на сцену, и вотъ оны, общими силами съ Г. Сю, *составилъ* драму, которая и была недавно представлена на театрѣ у Сень-Мартенскихъ Воротъ. Она имѣла тамъ успѣхъ, который строгіе моралисты назовутъ соблазнительнымъ.... И въ самомъ дѣлѣ, стоило бы жалѣть нашъ вѣкъ, если бѣ картины правовъ, которыя представляетъ пьеса Гг. Пиа и Сю, были истинны.

Въ первомъ дѣйствіи выведены на сцену Гонтранъ де Ланкри съ женою и Сешерень, тоже съ женою. Матильда, жена

Гонтрана, любитъ своего мужа чисто-сердечно, и вовсе не намѣрена измѣнять ему; но кузина ея, Урсула, обманываетъ своего мужа. Простодушный Сешерень, мужъ довѣрчивый, по превосходству; онъ любитъ жену свою страстно; можно даже сказать, что онъ любитъ ее слѣпо, потому что онъ не слушаетъ предостереженій своей матери на счетъ поведенія Урсулы и преступной связи этой хитрой кокетки съ мужемъ слишкомъ довѣрчивой Матильды, Матильды, благополучію которой она завидуетъ. Является новое лицо, которое Гонтранъ представляетъ женою своей: это Графъ Лугарто, миллионеръ мулатъ, нѣчто въ родѣ Мефистофеля, чудовищное собраніе пороковъ, пронырствъ и низостей; существо, которое имѣетъ гибельное вліяніе на мужа Матильды и вынуждаетъ его похитить, съ маскарада, Г-жу Сешерень, между тѣмъ какъ самъ онъ завлекаетъ Матильду, обманомъ, туда, гдѣ, при помощи наркотическаго средства, надѣется восторжествовать надъ ея добродѣтелью.

Въ третьемъ дѣйствіи, Сешерень и Рошгюнь, нѣжный и почтительный любовникъ Г-жи де Ланкри, освобождаютъ эту женщину. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, Гонтранъ, все еще находящійся подъ вліяніемъ своего лемона, Лугарто, намѣревается уѣхать съ женою за границу; но Матильда, которую раскаявшаяся Урсула предвѣдомляетъ объ угрожающей ей опасности, противится мужу и Лугарто. Рошгюнь и Сешерень спасаютъ ее во второй разъ. Мужъ Урсулы, наконецъ выведенный изъ заблужденія, вызываетъ мужа Матильды на дуэль, между тѣмъ, какъ Рошгюнь вызываетъ, съ своей стороны, наглеца Лугарто. Эти происшествія наполняютъ собою четвертый актъ.

Въ пятомъ дѣйствіи происходитъ дуэль и влечетъ за собою развязку, которая вовсе не походитъ на развязку романа. Сешерень стрѣляетъ первый и смертельно ранитъ Гонтрана. Гонтранъ шатается и

падаетъ на колѣни. Секундантъ его, Лугарто, подходитъ къ нему, поддерживаетъ его и совѣтуетъ воспользоваться своимъ правомъ, т. е., въ свою очередь выстрѣлить въ противника. Но умирающей, утомясь, наконецъ, гибельнымъ вліяніемъ Лугарто, стрѣляетъ въ сего послѣдняго и убиваетъ его. На мѣсто поединка являются Матильда и Урсула; онѣ желали предотвратить дуэль; но желаніе ихъ, какъ вы видите, не исполнилось: онѣ опоздали; Матильда принимаетъ въ объятія своего умирающаго мужа, а Урсула падаетъ въ объятія своего мужа, всегда готоваго простить ее. Что послѣдуетъ за всѣмъ этимъ, угадать не трудно: Матильда овдовѣла, а Рошгюнь живъ....

Вотъ краткій очеркъ этой странной драмы, драмы, которая, повторяемъ, будетъ имѣть успѣхъ, равный роману.

Театръ драматическихъ шалостей. Le ménage de Garçon, водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Г. Леонса и Мишеля де ла Порта. Названіе этой пьесы напоминаетъ такое же названіе пьесы, которая имѣла большой успѣхъ во времена Консульства и въ первыя времена Имперіи. А потому можно бы было подумать, что авторы водевиля заимствовали его основную идею изъ этой пьесы, которая состоитъ не менѣе, какъ изъ шести куплетовъ; но на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ другое: идею эту доставила интересная повѣсть Леона Гозлана, подъ названіемъ. *Comment on se débarrasse d'une maitresse*. Это доказываетъ сходство развязки въ водевилѣ и въ повѣсти.

Содержаніе пьесы Гг. Леонса и Мишеля де ла Порта состоитъ вотъ въ чемъ: Фердинандъ Дуасси занимаетъ очень комфортабельный апартаментъ; онъ даже имѣетъ жокея и вовсе не имѣетъ долговъ, благодаря уму и бережливости по-други своей, прелестной Луизы, которая живетъ съ нимъ, но живетъ, не выйдя за него замужъ. Фердинандъ, съ своей стороны, любить ее искренно, и связь ихъ,

основанная на любви, на дружбѣ, на довѣренности и на взаимномъ уваженіи, по-видимому, крѣпнетъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе

Но у Фердинанда есть пріатели, съ которыми онъ рѣдко видится; пріатели докучные, опасные для его спокойствія, завидующіе его тихому счастью. Пріатели эти врываются въ его мирное жилище; они водворяются тамъ, пьютъ, поютъ и курятъ, къ великому неудовольствію Луизы; они смѣются надъ постоянствомъ любовниковъ и разстраиваютъ, счастье семейнаго быта холостяка. Всегдашнее согласіе исчезаетъ между любовниками; они противорѣчатъ другъ другу; они сердятся другъ на друга; они даже ссорятся, ссорятся такъ, что рѣшаются разойтись.... Фердинандъ, доведенный насмѣшками своихъ пріателей до крайности, держитъ съ этими господами пари (на ужинъ, à discrétion), что въ тотъ же самый день онъ свергнетъ свое иго, что онъ разорветъ навсегда связь свою съ Луизою. Но разставшись съ ними и пораздумавъ, онъ сознаетъ свою ошибку; онъ снова отдаетъ всю справедливость прекраснымъ качествамъ Луизы, умѣвшей сберечь его состояніе, которое онъ расточалъ на удовольствія, и примиряется съ нею, проситъ, чтобы она не покидала его, тогда какъ она уже собралась покинуть его, чтобы избѣжать огласки и удовлетворить своему гнѣву.

Пріатели возвращаются, и найдя Луизу еще у Фердинанда, требуютъ, чтобы онъ заплатилъ проигранное пари, но Фердинандъ доказываетъ имъ, что не онъ проигралъ, а они—доказываетъ, представляя имъ Луизу, какъ жену свою. Онъ освободился отъ своей любовницы, женился на ней. Проигранный ужинъ долженъ быть данъ въ честь помолвки, въ присутствіи и на счетъ насмѣшниковъ, жестоко обманувшихся въ расчетъ.

Въ этой небольшой пьескѣ есть веселость, есть комизмъ и грація; неожидан-

ная развязка ея произвела весьма выгодное впечатлѣніе. Имена авторовъ были привѣтствованы единодушными кликами одобренія многочисленной публики, посѣтившей этотъ спектакль. Піеса была сыграна весьма удовлетворительно. Слѣдуетъ въ особенности упомянуть о Г-жѣ Леру, которая вполне выказала свой комическій талантъ въ немножко нескромной роли веселой танцовщицы. Въ этой піесѣ выведено на сцену что-то въ родѣ журналиста; существо тщеславное и глупое, которому авторы, безъ сомнѣнія, изъ скромности, придали Нѣмецкое происхожденіе, и которое, благодаря Майеру (занимавшему эту роль) очень походило на Жида.

— Въ послѣднихъ театральныхъ журналахъ, полученныхъ нами, говорятъ сверхъ того, о большой драмѣ *La Soeur de la Reine*, игранный на Второмъ Французскомъ Театрѣ, съ блистательнымъ успѣхомъ. Далѣе, на Театрѣ Гимназіи, давали водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. Г. Леона Лая: *Une maitresse anonyme*, искусно выкроенный изъ романа Скриба.

— Французскій Театръ весьма медленно замѣщаетъ вакансіи своихъ общниковъ. За то, въ Ноябрь, на немъ будетъ представлена новая пятиактная комедія Скриба. Дюма и Викторъ Гюго обѣщали ему каждый по драмѣ. Казимиръ Делавинъ потребовалъ, чтобы предварительно возобновили его прежнія піесы. На это требованіе послѣдовало согласіе, но Рашель не намѣрена играть ни въ одной изъ нихъ.

— Труппа Италіанскаго Театра находится въ томъ же составѣ, какъ была въ продолженіе послѣдняго сезона. Рубини не согласился снова принадлежать къ ней; Г-жа Полина Гарсія-Віардо то же не появится на сценѣ этого театра. Но тамъ будутъ дебютировать Г. Корелли и Г-жа Брамбула.

— Пророкъ, Мейербера, будетъ пред-

ставленъ въ Парижѣ не ранѣе, какъ въ Октябрь 1843 г., потому что репетиціи этой оперы начнутся въ Маѣ будущаго года. Дирижировать ими будетъ самъ Мейерберъ.

— Галевн написалъ оперу, подъ названіемъ Карль VI. Она разучивается въ Королевской Академіи Музыки.

— Недавно дебютировала, въ роли *Валентины* (Гугеноты), дѣвица Мекилье (*Mequillet*). Со времени торжества Г-жи Фальконъ, не запомнятъ такого блистательнаго успѣха. Юная пѣвица обнаружила много музыкальнаго искусства и великій драматическій талантъ. Ея прекрасный, сильный голосъ, меццосопрано, произвелъ на публику самое пріятное впечатлѣніе. Необыкновенный эффектъ произвела дебютантка въ дуэтахъ третьяго и четвертаго дѣйствій, которыя исполнила увлекательно съ Левассеромъ и Дюпре. Громкія рукоплесканія часто прерывали пѣвицу. Для Большой Оперы, Мекилье будетъ превосходнымъ приобрѣтеніемъ, и, вѣроятно, композиторы напишутъ новыя роли, въ которыхъ новая пѣвица можетъ вполне выказать свои завидныя дарованія.

ЛОНДОНЪ.

На Геймаркетскомъ Театрѣ давали новую піесу, подъ названіемъ: *Alma mater, or a cure for Quoquelettes*. Она имѣла успѣхъ.

— Г. Лумлей купилъ Лондонскій оперный театръ за 105,000 ф. ст., что для театра, на которомъ играютъ только отъ шести до семи мѣсяцевъ въ году, составляетъ непомерно высокую цѣну.

— Чарльсъ Кембль снова вступилъ въ управленіе Ковентгарденскимъ Театромъ; онъ многого ожидаетъ отъ таланта и извѣстности своей дочери, Аделаиды Кембль, нынѣ Графини Сартори, между тѣмъ, какъ Г-жа Вестрисъ очень желала бы возобновить Друриленскій Театръ. Изъ этихъ

двухъ театровъ, одинъ непременно долженъ убить другой; они всегда мѣшали другъ другу, и ихъ сравнивали съ двумя бадьями въ одномъ колодецѣ, бадьями, изъ которыхъ одна бываетъ вверху, а другая внизу.

ГЕРМАНИЯ.

Вотъ пьесы, которыя, въ послѣднее время, были представлены въ Вѣнѣ, въ первый разъ: *Capricciosa*, сценическая шутка въ 3-хъ дѣйствіяхъ, перев. съ Итальянскаго К. Блумомъ. Въ этой шуткѣ есть умъ, и она имѣла успѣхъ. *Er betrügt seine Frau, oder: Schleife und Liebesbrief*, комедія въ 3 дѣйствіяхъ, перев. съ Французскаго; это переводъ извѣстной пьесы Скриба: *Oscar, ou le mari qui trompe sa femme*. Успѣхъ. *Das Haus der Tratschereien, oder die beiden Putzgeteln*, «мѣстная семейственная картина», въ 2 дѣйствіяхъ, совершенное и заслуженное паденіе. *Die Tochter der Wildniss, oder: Zwei Herzen und ein Schlag*, пародія въ 3 дѣйствіяхъ. Ничтожная пьеса; но она, вѣроятно, удержится нѣсколько времени въ репертуарѣ, благодаря игрѣ участвующихъ въ ней артистовъ и танцамъ, которые въ нее вставлены. *Der Bub vom Land, oder Wie schaut's in der Stadt aus*, сценическая шутка, въ 3 дѣйствіяхъ. Паденіе.

— Фанни Эльслеръ танцевала на одномъ изъ Вѣнскихъ театровъ въ представленіи, которое было дано на нее съ благотворительною цѣлью. О восторгѣ, который произвела она въ публикѣ, наполнившей театръ съ верху до низу, и говорить нечего. Ей кричали вивать! даже въ театра, въ то время, когда она сидѣла въ экипажѣ. Одинъ Вѣнскій рецензентъ былъ такъ восхищенъ талантомъ Фанни, что выражается о ней, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ: «Эльслеръ не просто танцуетъ; нѣтъ, она декламируетъ свои па. Каждый танецъ ея—

поззія; pas de deux ея (съ Г-жею Розье) есть чудная героическая поэма; ея Кракковскъ, восхитительная идиллія» и пр. и пр. все въ томъ же напыщенномъ тонѣ. Слышно даже, что въ память пріѣзда Фанни въ Вѣну, выбита тамъ медаль, на которой, съ одной стороны, изображенъ портретъ этой танцовщицы, съ надписью «Фанни Эльслеръ», а съ другой находится какая-то танцующая фигура, то же съ надписью! Кстати о Фанни: въ заграничныхъ газетахъ пишутъ, что она положила недавно въ Англійскій Банкъ 120,000 долларовъ, вывезенные ею изъ Америки. Она уполномочила въ Лондонѣ какого-то Г. Викова (Wikoff) условиться объ ангажированіи ея, на будущій сезонъ, къ театру Королевы въ Лондонѣ; если жъ это дѣло не устоится, Г. Виковъ можетъ вступить въ переговоры съ Г. Леономъ Пиле, въ Парижѣ.

— Въ Берлинѣ предполагали представить въ день рожденія Е. В. Короля Прусскаго (15 Октября), въ первый разъ, комедію В. Фогеля: *Ein Handbillet Friedrichs II.* Та же комедія будетъ скоро представлена въ Вѣнѣ, въ Дрезденѣ, въ Мюнхенѣ, въ Карлсруэ, въ Касселѣ, въ Брауншвейгѣ, въ Шверинѣ и пр.

— Основываясь на успѣхѣ, который имѣла прошедшею зимою Софоклова *Антигона*, на Королевскомъ Берлинскомъ Театрѣ, дирекція рѣшилась поставить Эврипидову *Медее*, по переводу Александра Вильрата-Доннера, а музыку поручила написать Шпору. Тикъ, наблюдавшій за постановкою *Антигоны*, обѣщалъ свое содѣйствіе и при постановкѣ *Медее*. Полагаютъ, что первое представленіе этой трагедіи будетъ въ Декабрѣ, или много въ Январѣ наступающаго года.

— Представленія Итальянской труппы на Кенигштедскомъ Театрѣ начались 1-го Октября.

— По примѣру Берлина и С. Петербурга, въ Вѣнѣ основывается постоянный Французскій Театръ. Труппа, поддержи-

ваемая всѣмъ высшимъ Нѣмецкимъ Дворянствомъ, будетъ играть на Императорскомъ Театрѣ Большой Оперы. Директоръ, Трупице, собралъ до пятидесяти подписчиковъ, въ главѣ которыхъ красуются имена Князя Меттерниха, Князя Лихтенштейна, Герцога Саксенъ-Кобургъ-Готскаго, Графа Зедлица, Графа Флаго, Французскаго Посланника и другихъ знатныхъ особъ. Говорятъ, что Директоръ старается составить труппу, вполне достойную ея назначенія. Между сюжетами находятся многіе актеры и актрисы театровъ Одеона и Сенъ-Мартенскихъ Воротъ, тоже артисты, съ успѣхомъ игравшіе первыя роли на сценахъ главныхъ городовъ Франціи. Отправляясь въ Вѣну, труппа дастъ представленія при Дворахъ Баденскомъ, Виртембергскомъ и Баварскомъ.

— 24-го минувшаго Августа, произошло въ Дрезденѣ *свое* представленіе Веберова *Фрейшюца* (въ первый разъ на новомъ театрѣ). Опера была исполнена лучшими артистами и артистками (Г-жи Шредеръ-Девриентъ и Тиле; Тихачекъ и Детмеръ); увертюра, по требованію публики, была повторена, и, въ заключеніе спектакля, всѣ артисты вызваны. Вдова и сыновья Вебера находились при этомъ представленіи.

— Эмиль Девриентъ, въ первый разъ по возвращеніи своемъ въ Дрезденъ, явился на сценѣ въ извѣстной пьесѣ: *Rubens in Madrid*. Дрезденская публика приняла его съ восхищеніемъ.

— Въ Мюнхенѣ игралъ гостинныя роли Берлинскій артистъ Роттъ. Онъ имѣлъ тамъ большой успѣхъ. Изъ Мюнхена же пишутъ, что Вьетанъ собирается давать въ этомъ городѣ концерты. Онъ откроетъ тамъ этими концертами зимній концертный сезонъ.

— Въ Брюнѣ ставится на сцену волшебная пьеса Г-жи Леонгардтъ-Лизеръ, подъ на-

званіемъ *Elfe und Erdgeist*. О ней отзываются съ похвалою.

— Слышно, что Кунстъ будетъ играть гостинныя роли въ Штутгартѣ, Майнцѣ, Кельнѣ, Берлинѣ и Гамбургѣ.

— Брейтинга ожидаютъ теперь, то же для гостинныхъ ролей, въ Кельнѣ. Оттуда онъ отправится въ Парижъ.

— Въ Прагѣ открытъ, 21-го Сентября, новый Богемскій Театръ. Для открытія его была сыграна увертюра I. Штраупа, прологъ и комедія: *Skreta*. Труппа этого театра многочисленна и хороша. Для оперы ангажированы Г-жи Германъ, Кекертъ и Подгорски (*Podhorsky*) и Гг. Брава, Майеръ, Подгорски, Шютки (*Schütky*), Стефанъ и Стракати (*Strakaty*); для драмы, Г-жи Форшгеймъ, Нина Гербстъ, Манетински (*Manetinsky*) и Скальни (*Skalny*), Гг. Биль, Грабингеръ, Грау, Каска (*Kaska*), Коляръ, Шмиллеръ и др. Въ составъ начальнаго репертуара входятъ: *Skreta*, Любовный Напитокъ, Туфля и Шпага, Вернеръ, Донъ Жуанъ. Приготовлено также нѣсколько оригинальныхъ пьесъ Кликперы (*Clispera*) и много переводныхъ.

ИТАЛІЯ.

Талиони танцовала нѣсколько разъ, за весьма значительную цѣну, въ Падуѣ. Первая пьеса, въ которой она появилась тамъ, былъ Робертъ Діаволь. Само собою разумѣется, что она имѣла въ этомъ городѣ блистательный успѣхъ.

ПОРТУГАЛІЯ.

Большой національный театръ въ Лиссабонѣ обанкрутился было, но нѣсколько любителей помогли ему, и дѣла его поправились. Для новаго открытія его была дана старинная пьеса, любимая публикою. Нынѣ о новѣйшихъ оригинальныхъ драмахъ въ Португаліи нѣтъ и слуха; те-

